

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА
Международный научно-аналитический журнал

Том 18, № 4 • 2024

Тема номера:

Партнеры журнала: Евразийская экономическая комиссия
Координационный совет Евразийского информационно-аналитического консорциума

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки); 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки); 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде. Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,

В. О., 8-я линия, д. 61

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10

Факс: (812) 335-42-16

<https://www.eijournal.ru>

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2024
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2024
- © Редакция журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2024
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS
International Scientific and Analytical Journal

Vol. 18 No 4 • 2024

Topic of the Issue:

Partner of the journal: Eurasian Economic Commission
Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 199004, St. Petersburg,
V.O., 8th line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Fax: (812) 335-42-16
Website: <https://www.eijournal.ru>

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2024
- © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2024
- © Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: economics, law, politics“ (compilation), 2024
- © All rights reserved

It is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, эксперт РАН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

МЯСНИКОВИЧ Михаил Владимирович, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор экономических наук, профессор

ШАМАХОВ Владимир Александрович, научный руководитель международного научного совета, научный руководитель СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель научного руководителя международного научного совета, советник научного руководителя Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Казахстан)

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

БОРДЮЖА Николай Николаевич, председатель Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК)

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук, доцент

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор

РАХИМИ Фарход Кодирович, действительный член, президент Национальной академии наук Таджикистана, доктор физико-математических наук, профессор

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдрашитович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

САФАРЗОДА Бахтовар Амиралли, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в Республике Беларусь, полномочный представитель Маджлиси Оли — парламента Республики Таджикистан в ПА ОДКБ, доктор юридических наук

ХАНЬ Лихуа, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, заместитель начальника отдела Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики, председатель совета Ассамблеи народа Кыргызстана, доктор филологических наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор (Казахстан, Астана)

АКАЕВ Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук (Кыргызстан)

АСАУЛ Максим Анатольевич, доктор экономических наук (Россия, Москва)

ВЕТРЕНКО Инна Александровна, заведующая кафедрой социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, директор Исследовательского аналитического центра «Русская мечта», доктор политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, кандидат экономических наук (Россия, Москва)

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета, доктор политических наук, профессор (Армения, Ереван)

ЕРЕМЕЕВ Станислав Германович, депутат Законодательного собрания Ленинградской области, доктор экономических наук, кандидат политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук (Россия, Москва)

КАШКИН Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, академик Национальной академии наук Таджикистана, доктор экономических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

КОЖОШЕВ Арзыбек Орозбекович, Член Коллегии (министр) по энергетике и инфраструктуре Евразийской экономической комиссии, доктор экономических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)

КРОТОВ Михаил Иосифович, Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва, Санкт-Петербург)

КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович, директор Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН (Россия, Москва)

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор, редактор раздела «Экономика» (Россия, Санкт-Петербург)

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических и юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути», доктор экономических наук (Россия, Москва)

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, декан юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, редактор раздела «Право» (Россия, Санкт-Петербург)

СКВОРЦОВ Олег Юрьевич, профессор кафедры коммерческого права СПбГУ, доктор юридических наук (Россия, Санкт-Петербург)

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, эксперт юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС, доктор политических наук, редактор раздела «Политика» (Россия, Санкт-Петербург)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала, доктор юридических наук (Россия, Москва)

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэв, председатель общества «Знание» Монголии, доктор социологических наук, профессор (Монголия, Улан-Батор)

ЧЭНЬ ЧЖИГАН, вице-президент Китайского делового центра в Санкт-Петербурге, доктор экономических наук (Китай, Пекин)

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Leading Researcher of the Research Laboratory Institute for Strategic Planning and Eurasian Integration, North West Institute of Management, RANEPa, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Expert of RAS

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

MYASNIKOVICH Mikhail, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Economics, Professor

SHAMAKHOV Vladimir, Scientific Supervisor of the Council, Research Supervisor of the North-West Institute of Management — branch of the RANEPa, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Scientific Supervisor of the Council, Advisor to the Research Supervisor of North-West Institute of Management of RANEPa, PhD in Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Laws

BEBENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

BORDYUZHA Nikolai, Chairman of the Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor

RAHIMI Farhod, President of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics, Professor

~~**SATVALDIEV Nurbek**, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences~~

SAFARZODA Bakhtovar, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Tajikistan to the Republic of Belarus, Plenipotentiary Representative of Majlisi Oli — Parliament of the Republic of Tajikistan in the CSTO PA, Doctor of Laws

HAN Lihua, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Deputy Head of the subdivision of the Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philology

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD

ABAYDELDINOV Erbol, Doctor of Laws, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Astana)

AKAEV Askar, Doctor of Technical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan)

ASAUL Maksim, Doctor of Economics (Russia, Moscow)

VETRENKO Inna, Head of the Department of Social Technologies of the North-West Institute of Management of the RANEPa, Director of the Research Analytical Center "Russian Dream" (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Political Sciences, Professor

DENISOV Andrey, First Deputy Chair of the Federation Council Committee on Foreign Affairs (Russia, Moscow), PhD in Economics

ENGOYAN Ashot, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University (Armenia, Yerevan), Doctor of Political Sciences, Professor

YEREMEEV Stanislav, Deputy of the Legislative Assembly of the Leningrad Region (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, PhD in Political Sciences, Professor

KASHKIN Sergey, Head of the Department of Integration and European Law of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Professor, Department of "Zhan Monnet" (European Union) (Russia, Moscow), Doctor of Laws, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KAZANTSEV Andrey, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences

KAYUMOV Nuriddin, Academician of the National Academy of Sciences of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe), Doctor of Economics, Professor

KOZHOSHEV Arzybek, Member of the Board — Minister for Energy and Infrastructure of the Eurasian Economic Commission (Kyrgyzstan, Bishkek), Doctor of Economics, Professor

KROTOV Mikhail, Plenipotentiary Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation — Deputy Executive Secretary of the CSTO PA (Russia, Moscow, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Professor

KUZNETSOV Alexey, Director of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Doctor of Economics

KUKLINA Evgenia, Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Editor of the "Economics" section, Doctor of Economics, Professor

LEBEDEVA Marina, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences, Professor

LIVEROVSKY Alexey, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor

MISHALCHENKO Yuri, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Doctor of Laws, Professor

NOVIKOVA Irina, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg), Doctor of History, Professor

REMYGA Vladimir, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road" (Russia, Moscow), Doctor of Economics

SERGEVNIN Sergey, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of History and Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Law" section, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

SKVORTSOV Oleg, Professor of the Department of Commercial Law, St. Petersburg State University, Doctor of Laws (Russia, Saint Petersburg)

STAROVOITOV Alexander, Expert of the Law Faculty, North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

TOROPYGIN Andrey, Professor North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Politics" section, Doctor of Political Sciences

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Laws, Leading Researcher, Sector of International Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal

KHASH-ERDENE Sambalhundev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chairman of the society "Knowledge" of Mongolia (Mongolia, Ulan-Bator)

CHEN ZHIGAN, Doctor of Economics, Vice-President of the Chinese Business Center in Saint Petersburg (China, Beijing)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
экономика, право, политика
Международный научно-аналитический журнал
Том 18, № 4 2024

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю.

..... 9

ГЛАВНОЕ

Гончаров М. С.

Внешнеэкономическая деятельность стран СНГ — от вызовов к новым возможностям 11

ЭКОНОМИКА

Яновская А. А., Симченко Н. А., Кочербаева А. А.

Развитие рынка труда молодежи в Союзном государстве России и Белоруссии в условиях геополитических вызовов 23

Федченко А. А., Борисова Л. И.

Миграционная составляющая взаимодействия России и Таджикистана 32

Козырев А. С.

Особенности интеграционных усилий Ирана в торговых связях с Россией 42

Головин В. Г., Головина Е. Е.

Каспийский разлом как индикатор глобальных геополитических процессов 55

ПРАВО

Сергеев С. Л., Алёхина И. С., Соловьева А. К.

Формирование правовых основ государственных и муниципальных услуг в государствах — участниках СНГ 66

Болгов Р. В.

Инициативное бюджетирование в странах ЕАЭС: правовые основы и практический опыт 76

ПОЛИТИКА

Гайдаев О. С., Коваленко В. Д., Лисенкова А. Д.

Концепция равной и неделимой безопасности в Евразии: теоретический анализ 86

Торопыгин А. В., Ирошкина Т. В.

Деятельность ЕАЭС по достижению целей устойчивого развития 98

Кефели И. Ф., Цуй Лун

Китайско-российское сотрудничество в Арктике на современном этапе 109

Люй Пэйин

Создание и сотрудничество китайско-российских арктических мозговых центров вузов: предпосылки, позиционирование и пути развития 119

Серегина А. А., Галицкая Е. А.

Перспективные направления энергетического сотрудничества России и Саудовской Аравии 130

Веселова Д. Н.

Деятельность Китая и Индии в работе Арктического Совета: сравнительный анализ 142

Публикации журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» в 2024 г. 154

EURASIAN INTEGRATION: Economics, Law, Politics

International scientific and analytical journal

Vol. 18, No. 4 2024

Contents

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergei Yu. Glazyev

..... 9

MAIN

Maxim S. Goncharov

CIS Countries Foreign Economic Activity — from Challenges to New Opportunities 11

ECONOMICS

Anna A. Yanovskaya, Nataliia A. Simchenko, Ainura A. Kocherbaeva

Development of the Youth Labor Market in the Russian and Belarusian Union States in the Context of Geopolitical Challenges 23

Anna A. Fedchenko, Lyubov I. Borisova

Migration Component of Cooperation between Russia and Tajikistan 32

Aleksei S. Kozyrev

Features of Iran's Integration Efforts in Trade Relations with Russia 42

Vyacheslav G. Golovin, Ekaterina E. Golovina

The Caspian Fault as an Indicator of Global Geopolitical Processes 55

LAW

Sergey L. Sergevnin, Irina S. Alekhina, Anna K. Soloveva

Formation of the Legal Framework for State and Municipal Services in the CIS Member States 66

Radomir V. Bolgov

Participatory Budgeting in the EAEU Countries: Regulatory Framework and Practical Experience 76

POLITICS

Oleg S. Gaidarov, Vladimir D. Kovalenko, Alena D. Lisenkova

The Concept of Equal and Indivisible Security in Eurasia: A Theoretical Analysis 86

Andrey V. Toropygin, Tatyana V. Iroshkina

Activities of the EAEU Countries to achieve the Implementation of Sustainable Development Goals 98

Igor F. Kefeli, Cui Lung

Chinese-Russian Cooperation in the Arctic at the Present Stage 109

Lv Peiyang

The Establishment and Cooperation of Sino-Russian Arctic Think Tanks in Universities: Background, Positioning, and Pathways 119

Antonina A. Seregina, Elena A. Galitskaya

Promising Areas of Energy Cooperation between Russia and Saudi Arabia 130

Darya N. Veselova

The China and India's Activities in the Arctic Council: A Comparative Analysis 142

Publications in the journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics" in 2024 154

4

*Главный редактор
Сергей Глазьев*

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name 'Иванов' (Ivanov).

Внешнеэкономическая деятельность стран СНГ — от вызовов к новым возможностям

Гончаров М. С.

Российское энергетическое агентство Министерства энергетики Российской Федерации (ФГБУ «РЭА» Минэнерго России), Москва, Российская Федерация

e-mail: Goncharov@rosenergo.gov.ru

ORCID: 0009-0005-0437-8734

РЕФЕРАТ

Цель. Раскрыть актуальные тенденции и проблемы во внешней торговле, международной финансовой системе и инвестиционной активности государств — участников СНГ, на основании чего дать рекомендации, способствующие устойчивому экономическому развитию и укреплению взаимного сотрудничества.

Методология. Использована статистика внешнего сектора экономик государств — участников СНГ за 2019–2023 гг. К данным были применены методы агрегации, сравнения, ретроспективного и индикативного анализа. Графическое представление индикаторов позволило визуализировать основные тенденции изучаемых показателей, рассчитанных по данным Межгосударственного статистического комитета СНГ, Всемирного Банка, ЮНКТАД и Брукингского института.

Результаты. На протяжении последних лет СНГ столкнулось с рядом глобальных потрясений, сказавшихся на международных экономических отношениях его участников между собой и с третьими странами. Несмотря на внешнее дестабилизирующее воздействие и геополитическую турбулентность, государства — участники СНГ сохраняют устойчивость и положительный вектор развития, что во многом достигается благодаря взаимовыгодному сотрудничеству с Россией — важнейшим экономическим партнером. Так, Россия занимает лидирующие позиции во взаимной торговле со странами СНГ, а переориентация российского экспорта на «дружественные» страны стимулировала товарооборот в регионе. Снижается тяжесть внешнего долга для национальных экономик стран СНГ, нормализуется их долговая устойчивость и платежеспособность. Менее позитивная ситуация складывается в потоках прямых инвестиций, которые нестабильны в динамике и крайне неравномерно распределены между странами.

Выводы. В контексте отдельной национальной экономики справедливо отметить, что сложная геополитическая обстановка и небывалое внешнеэкономическое давление сужают возможности экономического роста и обеспечения устойчивого развития. Но это утверждение не всегда верно применительно к межгосударственному объединению, и государства — участники СНГ яркий тому пример. Сейчас, в сложный период, требующий от участников сплоченности и взаимовыручки, потенциал этого объединения может раскрыться в полной мере. При глубоком изучении вопроса можно выявить массу перспективных направлений взаимовыгодного сотрудничества в торговых, кредитных и инвестиционных отношениях. Требуется устранять интеграционные барьеры, чтобы СНГ превратилось в мощную и влиятельную международную организацию.

Ключевые слова: СНГ, международная торговля, внешний долг, зависимость от нерезидентов, инвестиционные потоки, взаимная интеграция

Для цитирования: Гончаров М. С. Внешнеэкономическая деятельность стран СНГ — от вызовов к новым возможностям // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 4. С. 11–22.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-11-22>. EDN: YMIHO

CIS Countries Foreign Economic Activity — from Challenges to New Opportunities

Maxim S. Goncharov

Russian Energy Agency of the Ministry of Energy of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

e-mail: Goncharov@rosenergo.gov.ru

ORCID: 0009-0005-0437-8734

ABSTRACT

Aim and tasks. To identify current trends and issues in foreign trade, the international financial system, and the investment activity of CIS member states, and to provide recommendations that contribute to sustainable economic development and strengthened mutual cooperation.

Methods. Utilized statistics from the external sectors of CIS economies from 2019 to 2023. Methods of aggregation, comparison, retrospective, and indicative analysis were applied to the data. Graphical representation of indicators allowed for visualization of key trends in the studied metrics, calculated from data provided by the Interstate Statistical Committee of the CIS, the World Bank, UNCTAD, and the Brookings Institution.

Results. In recent years, the CIS has faced several global shocks that have affected the international economic relations of its members with each other and with third countries. Despite external destabilizing influences and geopolitical turbulence, CIS member states maintain resilience and a positive development trajectory, largely due to mutually beneficial cooperation with Russia — an essential economic partner. Russia holds a leading position in mutual trade with CIS countries, and the reorientation of Russian exports to “friendly” countries has stimulated regional trade turnover. The burden of external debt for CIS national economies is decreasing, and their debt stability and solvency are normalizing. Less positive situation is in direct investment flows, which remain unstable and unevenly distributed among countries.

Conclusions. In the context of individual national economies, it is fair to note that the complex geopolitical environment and unprecedented external economic pressures narrow opportunities for economic growth and sustainable development. However, this statement is not always true for interstate associations, and CIS member states are a prime example of this. Currently, during a challenging period that requires solidarity and mutual support from participants, the potential of this union can be fully realized. A thorough study of the issue can reveal numerous promising areas for mutually beneficial cooperation in trade, credit, and investment relations. It is necessary to eliminate integration barriers to transform the CIS into a powerful and influential international organization.

Keywords: CIS, international trade, external debt, reliance on non-residents, investment flows, mutual integration

For citation: Goncharov M. S. CIS Countries Foreign Economic Activity — from Challenges to New Opportunities // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 4. P. 11–22. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-11-22>. EDN: YMIHNO

Введение

Президент России В. В. Путин на XXI ежегодном заседании дискуссионного клуба «Валдай» отметил, что особую роль в будущем будут играть региональные организации, ведь страны-соседи, как бы сложно ни складывались отношения между ними, всегда объединяет общий интерес в стабильности и безопасности, а компромиссы просто жизненно необходимы им для достижения оптимальных условий собственного развития¹.

¹ Заседание Валдайского дискуссионного клуба [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 07.11.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521> (дата обращения: 15.11.2024).

С этим утверждением сложно не согласиться. Действительно, в условиях фрагментации мировой экономики и кризиса глобальных экономических институтов возрастает значимость межгосударственных объединений как фактора процветания и экономической устойчивости, если они не наносят ущерб суверенитету и национальным интересам стран-участниц. Одним из таких объединений, основанных в 1991 г. а началах суверенного равенства всех членов, является Содружество Независимых Государств (далее — СНГ, Содружество). По классификации ООН экономика стран СНГ является переходной, причем Азербайджан, Казахстан, Россия и Туркменистан — страны-экспортеры топлива¹. Российская экономика является крупнейшей по объему ВВП в Содружестве — она в 7,7 раза превышает экономику Казахстана, следующего за ней по этому показателю².

В этой связи приобретает особую актуальность выработка мер по усилению роли СНГ в международных экономических отношениях, для чего важно изучить тенденции и понять текущее состояние национальных экономик в торговых, кредитных и инвестиционных сферах. Это позволит определить резервы взаимной интеграции и экономического роста, а также преграды на этом пути. Исследование позволит понять, насколько эффективно государства — участники СНГ адаптируются к новым вызовам и угрозам и при необходимости дать конкретные рекомендации по обеспечению устойчивого и сбалансированного развития Содружества.

Сфера международных торговых отношений

Современный период глобальных перемен и геополитической неопределенности стал серьезным испытанием для государств — участников СНГ, потребовавшим от них более тесной консолидации и укрепления торговых отношений. Через страны СНГ был налажен «косвенный» реэкспорт российских подсанкционных товаров и «параллельный» импорт в страну. Концепция «параллельного» импорта способствовала развитию бизнеса и росту товарооборота стран [13, с. 229]. Так, если в 2019–2021 гг. внешнеторговая квота превышала 100% лишь у Беларуси (рис. 1), то в следующие годы к ней добавились еще Армения и Кыргызстан, а у Азербайджана и Узбекистана внешнеторговая квота значительно возросла (+11,8 и 9,3 п.п. соответственно). Неслучайно Россия является крупнейшим торговым партнером по импорту для Азербайджана, Армении, Беларуси и Таджикистана, а по экспорту — для Беларуси и Узбекистана³.

Учитывая незначительное изменение степени открытости России в сфере международных торговых отношений, очевидно, что усиление торговых связей стран СНГ произошло, в частности, за счет переориентации российских товарных потоков на дружественные страны. Центральная Азия стала для российского бизнеса важным «окном в мир», через которое сегодня идут мощные внешнеторговые потоки нашей страны [1, с. 20]. Однако факт того, что российская экономика демонстрирует признаки «охлаждения» и уступает странам СНГ по темпам роста международной торговли, с течением времени может ослабить ее ключевую роль в этой организации. Часть партнеров уже ориентируются на третьи страны, такие как Турция и Китай [11, с. 117]. В 2023 г. импорт в Россию рос на 7,2 п.п. медленнее, чем у партнеров по Содружеству, а экспорт из страны сократился на 5%, тогда как партнеры нарастили экспорт на 2,9%.

Диспропорция в импорте отчасти вызвана увеличением транзита российских товаров через страны СНГ, который носит противоречивый характер для вовлеченных в этот процесс экономик. Выгоду получают местные грузоперевозчики и торговые посредники, в то время как на макроэкономическом уровне не все так очевидно — усиливается нагрузка на транспортную инфраструктуру, а повышение транзитной пошлины противоречило бы принципам свободной торговли. Переориентация внешней торговли России снизила сальдо торгового баланса во всех странах СНГ, за исключением Молдовы

¹ World Economic Situation and Prospects 2023 [Электронный ресурс] // ООН (сайт). 23.01.2023. URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/world-economic-situation-and-prospects-2023/> (дата обращения: 15.11.2024).

² World Bank national accounts data: GDP (current US\$) [Электронный ресурс] // Группа Всемирного банка (сайт). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=CH>. (дата обращения: 15.11.2024).

³ Годовая статистика международной торговли товарами [Электронный ресурс] // TrendEconomy (сайт). URL: <https://trendeconomy.ru/trade> (дата обращения: 19.11.2024).

и Туркменистана, что повлекло за собой рост дефицита торгового баланса в Беларуси, Узбекистане, Кыргызстане, Таджикистане и Армении.

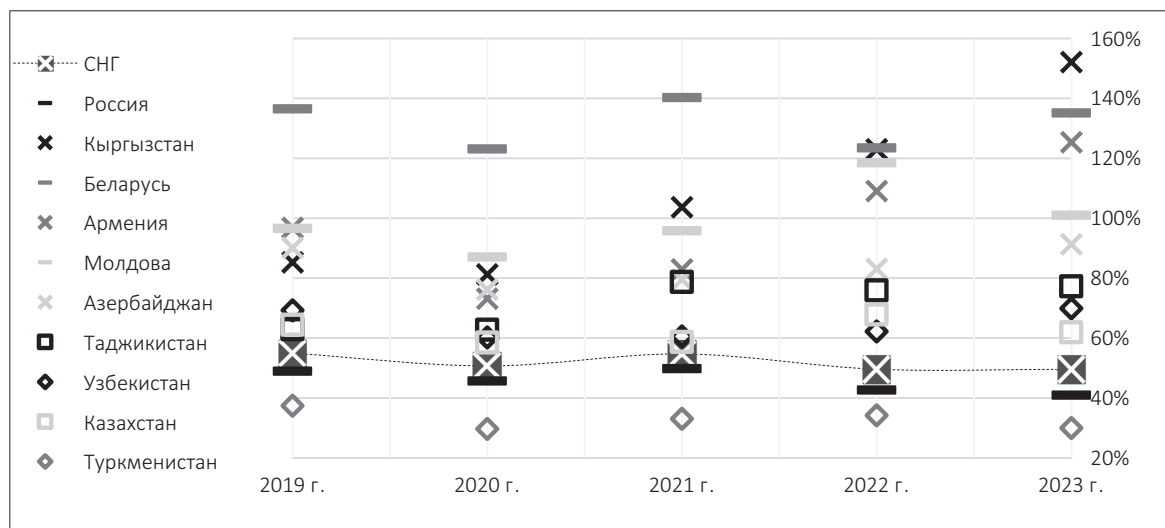

Рис. 1. Внешнеторговая квота государств — участников СНГ, 2019–2023 гг.

Fig. 1. Foreign Trade Quota of CIS Member States, 2019–2023

Источник: расчет автора на основе данных Статкомитета СНГ [Электронный ресурс].

URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home> (дата обращения: 29.10.2024)

В ориентированной на экспорт внешней торговле России, Казахстана, Азербайджана и Туркменистана традиционно преобладают топливно-энергетические ресурсы, что в сочетании с высокой обеспеченностью собственными природными ресурсами влечет относительно низкую внешнеторговую квоту этих стран. На общем фоне Туркменистан выделяется не только наименьшей внешнеторговой квотой, но и снизившийся практически на треть в 2023 г. импорт товаров, в то время как в остальных странах СНГ (кроме Молдовы) импорт возрос. Это свидетельствует о том, что интеграционный потенциал Туркменистана реализуется не в полной мере. Географически выгодное положение позволило ему сохранить прежние объемы экспорта, тогда как в других странах — экспортерах топлива показатель сократился в среднем на 12,6%.

По большому счету партнеры России в СНГ хоть и в разной степени, но справляются с перестройкой товарных потоков сообразно новым экономическим реалиям, сохраняя при этом приемлемый уровень открытости в сфере торговых отношений. Однако настораживает качество изменений, происходящих в торговом балансе самой России и их разнонаправленная динамика со странами СНГ. Так, в 2023 г. стоимость российского экспорта снизилась на 27,3%, а импорта возросла на 10,8%, что в сочетании с падением ВВП свидетельствует о деструктивном влиянии внешнеторговых барьеров, падения мировых цен на энергоресурсы и девальвации рубля. В то же время практически все страны-партнеры по СНГ нарастили внутреннее производство и импорт товаров, что может означать увеличение емкости внутреннего рынка этих стран. Чтобы не терять долю российских товаров на рынках стран СНГ следует поддерживать более высокие темпы роста взаимного товарооборота, чем у партнеров с третьими странами.

Сфера международных кредитных отношений

Суверенное развитие экономик стран постсоветского пространства протекало в разных направлениях — быстрой и радикальной трансформации, эволюционного пути реформ или имело непоследовательный характер [7, с. 6]. Данное обстоятельство стало фундаментальной причиной их неоднородности

в сфере кредитных отношений, являющейся весьма деликатным предметом межнационального регулирования. Стремление молодых государств занять выгодное положение на формирующемся экономическом пространстве обеспечивалось имеющимися в распоряжении внутренними ресурсами и ссудным иностранным капиталом, что привело к росту внешнего долга.

На конец 2023 г. общий внешний долг партнеров России по СНГ достиг 322,1 млрд долл. США (+3% к прошлому году)¹. Ускорению роста величины внешних заимствований препятствует смягчение денежно-кредитной политики, выраженное в снижении ключевой процентной ставки, резко повышенной годом ранее для борьбы с инфляцией. Высокая экономическая активность в этот период способствовала снижению доли внешнего долга в ВВП, несколько скомпенсировав его тяжесть для народного хозяйства (рис. 2). Кроме того, за последние пять лет отношение внешнего долга к стоимости экспорта товаров и услуг — основному источнику его оплаты, снизилось на 33,5 п.п., что свидетельствует об улучшении способности партнеров обслуживать свои долговые обязательства. Тем не менее это отношение в 130,6% все еще остается относительно высоким.

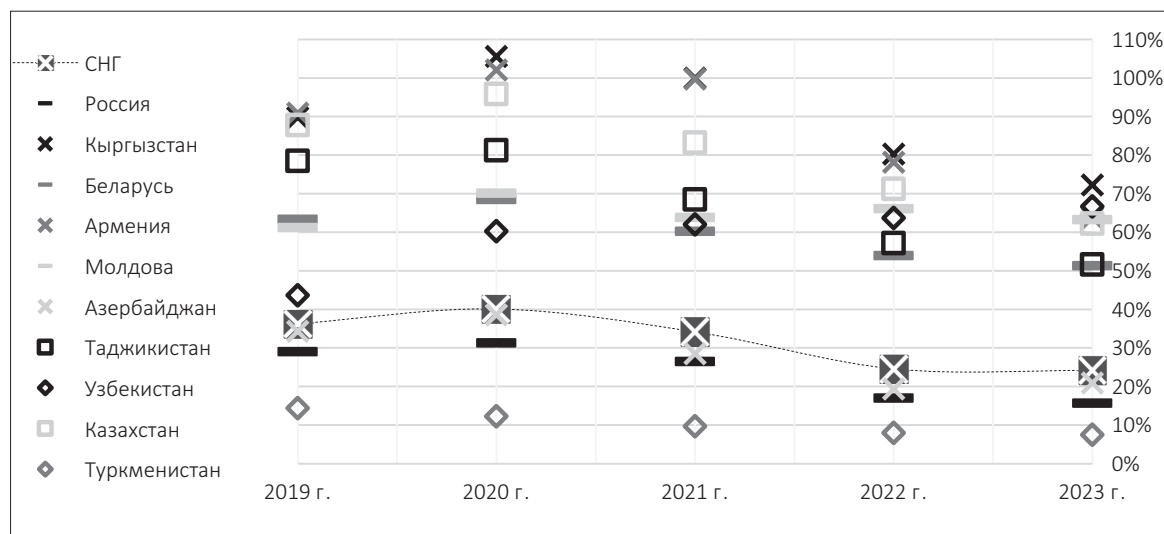

Рис. 2. Отношение общего внешнего долга к ВВП государств — участников СНГ, 2019–2023 гг.

Fig. 2. Ratio of Total External Debt to GDP of CIS Member States, 2019–2023

Источник: расчет автора на основе данных Всемирного Банка [Электронный ресурс].

URL: <https://data.worldbank.org/topic/20> (дата обращения: 03.11.2024)

В России складывается противоположная ситуация: постепенный рост ключевой ставки делает внутреннее кредитование менее выгодным для заемщиков, а доступ к международному банковскому кредитованию «недружественных» стран ограничен. Поэтому общая задолженность страны по внешним займам и невыплаченным процентам снижается рекордными темпами. Так, на конец 2023 г. ее сумма составила лишь 64,9% от значения двухлетней давности. Снижается и тяжесть внешнего долга для национальной экономики. За сопоставимый промежуток времени отношение внешнего долга к ВВП снизилось на 10,8 п.п. и составило 15,7%, а к экспорту — на 21,1 п.п. до 67,9%.

Немаловажным показателем, характеризующим долговую устойчивость национальной экономики, является уровень покрытия внешнего долга международными резервами. Солидная долговая устойчивость России с уровнем покрытия в 154,7% выгодно контрастирует с партнерами по Содружеству, чья обеспеченность внешнего долга резервами находится в интервале от 20% у Беларуси до 74%

¹ External debt stocks, total (DOD, current US\$) [Электронный ресурс] // Группа Всемирного банка (сайт). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/DT.DOD.DECT.CD> (дата обращения: 17.11.2024).

у Азербайджана¹. В сочетании с низкой тяжестью внешнего долга это позволило России предложить партнерам конвертировать часть имеющихся у них внешних обязательств во внутренние долги ЕАЭС². Реализация данной инициативы станет важным шагом к уходу региона от долларовой зависимости и усилению роли национальных валют в структуре взаиморасчетов. Переход на национальные валюты необходим не только в сфере кредитных отношений, но и во взаимной торговле и инвестициях стран СНГ и других региональных объединений, что позволит обеспечить решение задач национальной безопасности и реализовать стратегию опережающего развития [3, с. 32].

Затронем противоположный аспект международных кредитных отношений, а именно внешний долг третьих стран перед странами Содружества. Суммарные финансовые требования стран СНГ к нерезидентам, сформированные из вложений в долговые и долевого ценные бумаги, прямых иностранных инвестиций и международных резервов (исключая золотой запас) на конец 2023 г. превысили 1,8 трлн долл. США, причем России принадлежит 77% этих требований. В структуре преобладают требования по наименее рисковому долговому ценным бумагам (47%), на валютные резервы приходится 28%, а на обязательства по прямым иностранным инвестициям — 22%³.

За последние два года финансовые требования России к нерезидентам сократились на 8,4%, а партнеры по СНГ нарастили свои требования совокупно на 22,4%. У всех партнеров, кроме Азербайджана и Беларуси, темпы роста финансовых требований уступали ВВП, что отразилось на соотношении этих величин (рис. 3). Соотношение падает и в России. Снижение зависимости экономики от нерезидентов чревато падением первичных доходов государственного бюджета. Это обусловлено списанием части долгов, предоставлением отсрочек по платежам, а также техническими затруднениями ряда стран с обслуживанием официального долга перед Россией⁴.

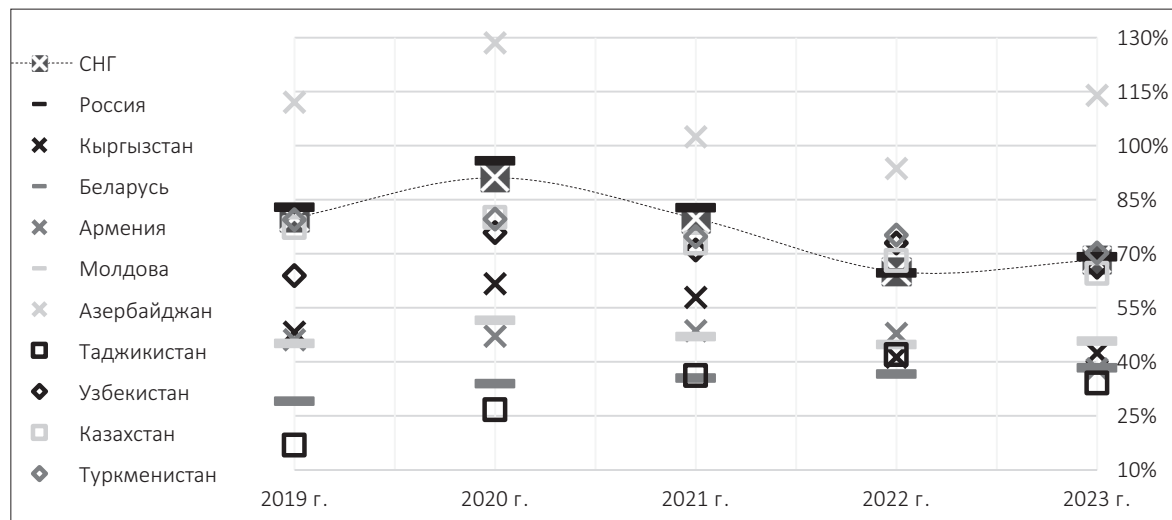

Рис. 3. Отношение суммарных финансовых требований к нерезидентам (без учета золотых запасов) к ВВП государств — участников СНГ, 2019–2023 гг.

Fig. 3. Ratio of Total Financial Claims on Non-Residents (excluding gold reserves) to GDP of CIS Member States, 2019–2023

Источник: расчет автора на основе данных Брукингского института [Электронный ресурс].

URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-external-wealth-of-nations-database/> (дата обращения: 08.11.2024)

¹ Total reserves (% of total external debt) [Электронный ресурс] // Группа Всемирного банка (сайт). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/FI.RES.TOTL.DT.ZS?locations=1W> (дата обращения: 17.11.2024).

² Долговая петля — это не про Евразию [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ (сайт). 10.08.2023. URL: <https://e-cis.info/news/566/111119/> (дата обращения: 17.11.2024).

³ The external wealth of nations database [Электронный ресурс] // Брукингский институт (сайт). URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-external-wealth-of-nations-database/> (дата обращения: 19.11.2024).

⁴ Занимательная экономика: Россия выдаст другим странам на треть больше госкредитов [Электронный ресурс] // Известия (сайт). 26.07.2024. URL: <https://iz.ru/1733029/milana-gadzhieva/zanimatelnaia-ekonomika-rossiya-vydast-drugim-stranam-na-tret-bolshe-goskreditov> (дата обращения: 20.11.2024).

За исключением частных случаев прослеживается тренд к гармонизации международных кредитных отношений стран Содружества, чьи скоординированные усилия позволяют повысить долговую устойчивость, снизить тяжесть внешнего долга для национальных экономик и ослабить зависимость от нерезидентов. Для более тесного сближения в рамках Содружества необходимо интенсифицировать последовательную работу по воплощению существующих интеграционных заделов.

Сфера международных инвестиционных отношений

Ведущую роль в формировании инвестиционных потоков государств — участников СНГ играют Россия и Казахстан, при этом внимание инвесторов в основном сосредоточено на добыче сырья [10, с. 15]. По итогам 2023 г. приток иностранных инвестиций в эти страны-реципиенты составил 11,6 млрд долл., что эквивалентно трем пятым их общего притока в страны Содружества. Причем наибольший объем приходится на Россию — 8,4 млрд долл. (или 44,1%), на Казахстан — 3,2 млрд долл. (17,0%). Наименьший объем инвестиций привлекли Таджикистан, Азербайджан, Молдова, Кыргызстан и Армения — суммарно 1,7 млрд долл. (9,3%)¹.

Хоть Россия и остается крупнейшим центром притяжения иностранных инвестиций, но ее доля в рамках Содружества снизилась на 29,3 п.п. за последние пять лет. Так, в 2023 г. приток иностранных инвестиций в Россию был в среднем на 76,1% ниже уровней 2019 и 2021 гг. и даже немногим ниже кризисного 2020 г. Всему виной стали введенные санкции, повлекшие уход из страны международных корпораций и деинвестирование вложенных средств. Влияние санкций носит кумулятивный характер, ведь хронический недостаток инвестиций со временем негативно отразится на экономическом развитии [15, р. 315]. Относительно низкое отношение притока иностранных инвестиций к ВВП России и Азербайджана (рис. 4) является следствием ярко выраженной ориентированности инвесторов на первичный сектор экономики.

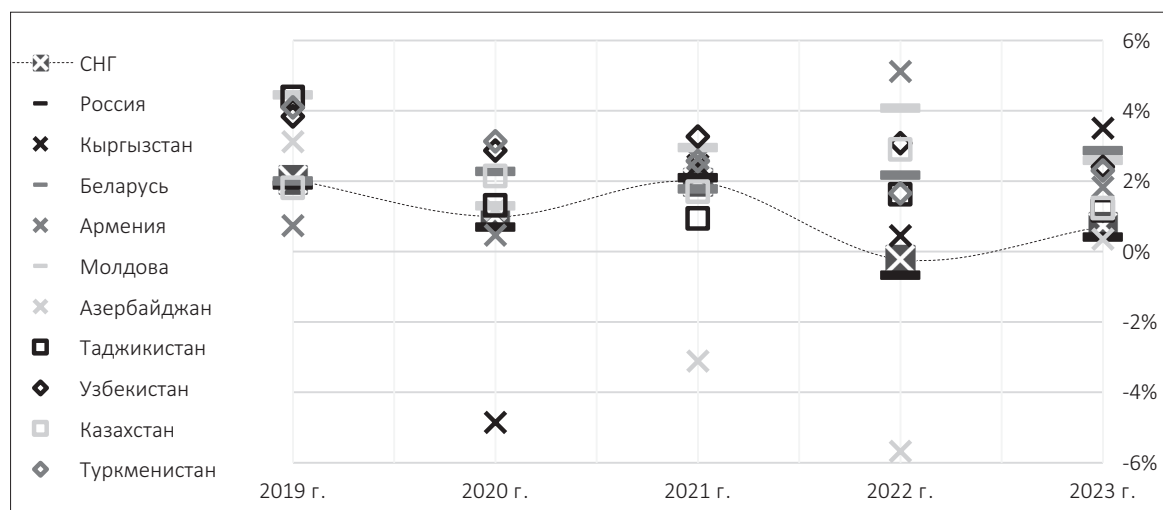

Рис. 4. Отношение притока прямых иностранных инвестиций к ВВП государств — участников СНГ, 2019–2023 гг.

Fig. 4. Ratio of Foreign Direct Investment Inflows to GDP of CIS Member States, 2019–2023

Источник: расчет автора на основе данных ЮНКТАД [Электронный ресурс].

URL: <https://unctad.org/topic/investment/world-investment-report> (дата обращения: 15.11.2024)

Среди стран — партнеров по Содружеству в явном виде выделяются две группы по уровню устойчивости инвестиционного климата, о чем говорит доля среднеквадратического отклонения притока прямых

¹ FDI inflows, by region and economy, 1990–2023 [Электронный ресурс] // ЮНКТАД (сайт). URL: <https://unctad.org/topic/investment/world-investment-report> (дата обращения: 21.11.2024).

инвестиций в их накопленной за пять лет величине. Инвестиционный климат устойчив в Узбекистане (доля отклонения в притоке лишь 2,3%), Беларуси (3,9%), Туркменистане (4,3%) и Молдове (7,2%), а неустойчивый климат отмечен в Азербайджане (54,1%), Кыргызстане (40,8%), Армении (17,1%) и Таджикистане (11,5%), куда относится и Россия (25,7%). Динамика притока инвестиций во вторую группу стран характеризуется чередованием всплесков и угасания, в то время как в первой группе стран наблюдается оживление притока иностранных инвестиций до уровня докризисного 2019 г.

Страны Содружества, за исключением России и Азербайджана, хоть и в разной степени, но являются нетто-реципиентами инвестиций. Их инвестиционные вложения вовне составили лишь десятую часть притока прямых иностранных инвестиций, привлеченного в 2023 г. Примечательно, что до 2020 г. Россия входила в группу реципиентов, но затем ее зарубежные вложения превысили приток новых инвестиций. В отличие от партнеров Россия и Азербайджан активнее расширяют инвестиционное присутствие за рубежом, сохраняя высокую долю экспорта инвестиций в своем ВВП (рис. 5). У других стран Содружества этот показатель обычно не превышает 0,3%.

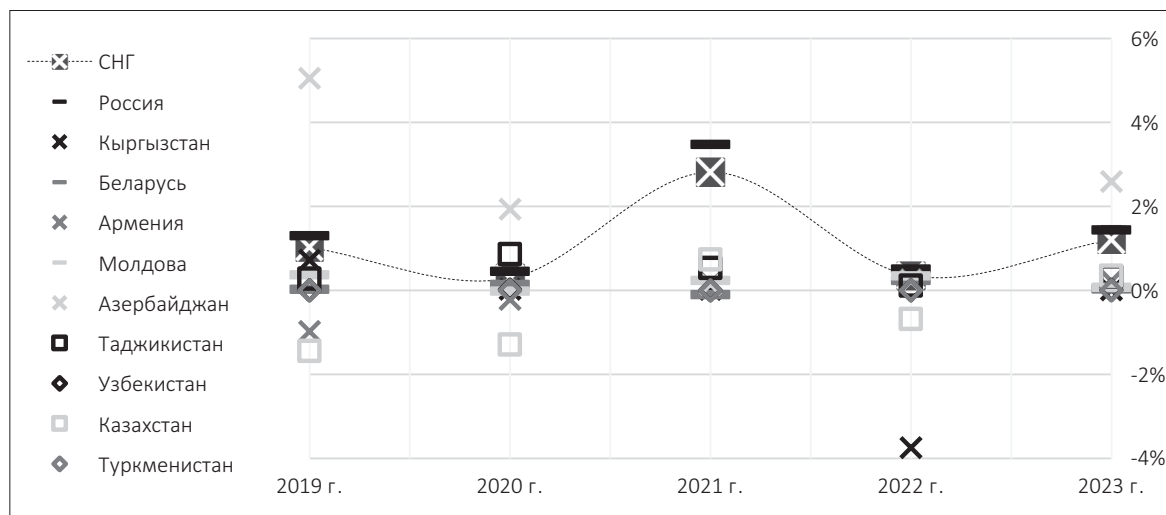

Рис. 5. Отношение суммарных инвестиционных вложений государств — участников СНГ в другие страны к ВВП, 2019–2023 гг.

Fig. 5. Ratio of Total Investment of CIS Member States in Other Countries to GDP, 2019–2023

Источник: расчет автора на основе данных ЮНКТАД [Электронный ресурс].

URL: <https://unctad.org/topic/investment/world-investment-report> (дата обращения: 15.11.2024)

Пик российских инвестиций за рубеж пришелся на 2021 г., затем последовал их резкий спад, связанный с выводом капитала с Украины и из стран — инициаторов санкций и поиском более подходящих иностранных юрисдикций. Конечно, экономики стран СНГ не были готовы принять столь огромный высвободившийся инвестиционный капитал. Для достижения положительных сдвигов в финансировании и освоении инвестиций важно активизировать работу по углублению инвестиционного сотрудничества с партнерами. Рассмотрим возможные меры, применимые для углубления взаимного сотрудничества России и стран Содружества в сфере торговых, кредитных и инвестиционных отношений.

Обсуждение результатов исследования

Регулирование международных экономических отношений требует взвешенного подхода и должно осуществляться не только на основе текущих экономических реалий и стратегических приоритетов национальных экономик, но и с учетом возможных долгосрочных последствий тех или иных решений. Утверждение применимо и к государствам — участникам СНГ, которые хоть и имеют весомые географические и исторические предпосылки для тесной взаимной интеграции, но сталкиваются с вызовами

и угрозами на этом пути. Так, для решения актуальных проблем в 2022 г. Экономическим советом СНГ был принят Перечень мер совместного реагирования, который периодически дополняется с учетом последних изменений¹. Исполнением принятых мер в сфере торговых, кредитных и инвестиционных отношений занимаются такие органы, как Исполнительный комитет СНГ, Межгосударственный банк, специализированные советы и другие.

В целом можно отметить, что страны СНГ стремятся диверсифицировать свои экономики, повысить количество отраслей с глубоким технологическим разделением труда, что сформирует условия для перехода к интенсивному типу развития. Имеются резервы для налаживания производства высокотехнологичной и конкурентоспособной на мировом рынке продукции [5]. Но добиться существенных сдвигов в этом вопросе удается не всем — сохраняются экономики с ярко выраженной аграрной (Узбекистан и Таджикистан) и сырьевой (Азербайджан и Туркменистан) зависимостью.

Очевидно, что наиболее эффективной стратегией перехода на технологические рельсы является привлечение зарубежных инвестиций. Здесь проявляется желание партнеров по Содружеству диверсифицировать внешнеэкономическое сотрудничество, сохранив политическую стабильность и минимизировав риски вторичных санкций в условиях геополитической конфронтации [12, с. 32]. Однако это препятствует достижению «технологического суверенитета». Для недопущения чрезмерной зависимости СНГ от третьих стран утвержден Комплекс мер по развитию промышленной кооперации государств — участников СНГ на период до 2030 г.² Еще одним инструментом ухода от нефтяной зависимости является развитие финансового сектора, повышение доступности капитала и направление нефтяных доходов в неэнергетические отрасли [14, р. 16].

В качестве альтернативы Россия может предложить партнерам ссудный и инвестиционный капитал для технологического развития. Преимущества от экспорта инвестиционного капитала в страны СНГ могут превзойти убытки от падения взаимного товарооборота. Бенефициары получают выгоду от участия в совместных предприятиях, чья продукция будет более конкурентоспособной за счет низкой стоимости труда, близости к ключевым рынкам сбыта и выхода из-под санкций. Стимулируют приток инвестиций и особые экономические зоны, которые активно создаются на территории СНГ. Кроме того, российские экспортеры, вышедшие с европейского рынка, получают доступ к рынкам в Азии и Ближнего Востока за счет развития транспортных коридоров «Север — Юг», «Восток — Запад» и в рамках сопряжения с китайской инициативой «Один пояс — один путь». Но решение в каждом конкретном случае должно приниматься на основе взвешенных расчетов.

Со своей стороны Россия как страна, обладающая колоссальными запасами топливно-энергетических ресурсов и передовыми технологиями их добычи и переработки, заинтересована в более глубоком взаимовыгодном сотрудничестве в энергетике. Разрыв экономических связей с «недружественными» странами повлечет высвобождение ниш, которые могли бы занять партнеры по Содружеству. Так, в российской угольной промышленности имеются перспективные проекты освоения месторождений, нуждающиеся в дополнительных инвестициях. Одними из примеров международного сотрудничества являются российско-китайский проект освоения Зашуланского угольного месторождения и российско-австралийский проект угледобычи на Чукотке, хотя в 2024 г. австралийские инвесторы вышли из проекта³ [4, с. 26]. Наряду с энергетикой, необходимо расширять сотрудничество в освоении космоса, информационных технологиях, сельском хозяйстве и других областях [8].

Экономическая неоднородность государств — участников СНГ, продемонстрированная по результатам проведенного исследования, является основополагающим фактором интеграции и дальнейшего

¹ Протокольное решение Экономического совета СНГ от 10.06.2022 «О текущей экономической ситуации в государствах — участниках СНГ и возможных совместных мерах реагирования на возникающие проблемы» [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ (сайт). URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/6570#text> (дата обращения: 19.11.2024).

² Решение Совета глав правительств СНГ от 08.06.2023 «О Концепции развития промышленной кооперации государств — участников СНГ и Комплексе мер по развитию промышленной кооперации государств — участников СНГ на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Деловой Центр экономического развития СНГ (сайт). URL: https://files.bc-cis.com/upload/files/91697708665_file.pdf (дата обращения: 20.11.2024).

³ Австралийская TIG решила продать угольный бизнес в России [Электронный ресурс] // РБК (сайт). 18.04.2024. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfre/news/66212a4f9a7947d453a55a04> (дата обращения: 21.11.2024).

взаимовыгодного сотрудничества. Взаимодополняющее взаимодействие отдельных экономик оказывает наднациональный синергетический эффект в торговой, кредитной и инвестиционной сфере. Однако все еще существуют препятствия и нереализованные заделы для более глубокой экономической интеграции участников международной организации. Для устранения преград необходимо продолжать укрепление партнерских отношений и доверия [6; 9]. Для сохранения стратегических торгово-экономических связей России и партнеров требуется поиск всестороннего международного консенсуса и активное участие в формировании новых норм функционирования международных институтов [2, с. 14]. Ведь согласно закону единства и борьбы противоположностей, в непрерывном решении противоречий целого кроется его поступательное развитие. Это позволяет приблизиться к достижению более глобальной цели — становлению Содружества как мощного и влиятельного участника мировой экономики.

Заключение

По результатам исследования установлено, что денежно-кредитная политика государств — участников СНГ нацелена на снижение тяжести накопленного внешнего долга для национальных экономик. Улучшается способность партнеров обслуживать свои долговые обязательства, хотя отношение внешнего долга к стоимости экспорта товаров и услуг остается относительно высоким. Аналогичная тенденция наблюдается и в России, однако решающую роль здесь играют внешние факторы. Имея солидную долговую устойчивость, страна может инициировать конвертацию части имеющихся у партнеров внешних обязательств во внутренние долги ЕАЭС, что позволит снизить долларовую зависимость региона и усилить роль национальных валют во взаиморасчетах.

Менее радужная ситуация сложилась в торговой и инвестиционной сферах. Здесь более глубокой взаимной интеграции препятствует слабая диверсификация экономик некоторых партнеров с низкой концентрацией технологических отраслей. На фоне стагнации внутреннего производства в России и «охлаждения» ее экономики возникают опасения относительно того, сможет ли страна в долгосрочной перспективе сохранить свою долю во взаимном товарообороте с СНГ. Различная инвестиционная привлекательность и неравномерная инвестиционная активность участников СНГ также препятствует интеграции, однако внешнеэкономические факторы открывают возможности для более глубокого сотрудничества в этой сфере.

За треть века с момента создания Содружества государства-участники нашли свое место и утвердились в системе международных экономических отношений. В ходе жизненного цикла неоднократно и на разных уровнях затрагивался вопрос реформирования международной организации с учетом изменений во внешней конъюнктуре, состояния развития и национальных интересов ее участников. Чтобы не допустить охлаждения отношений, в особенности со странами ГУАМа (Организация за демократию и экономическое развитие) — Азербайджаном и Молдавией, как это произошло в период конфронтации с Грузией и Украиной, и повысить привлекательность организации для третьих стран, надлежит непрерывно совершенствовать механизмы взаимовыгодного сотрудничества, устранять барьеры во взаимной торговле и инвестициях, гармонизировать национальные стандарты и регламенты, укреплять ее международный имидж, а также расширять сотрудничество в сфере безопасности.

Литература

1. *Бабаев К. В.* Россия и Центральная Азия: тренды и перспективы // Евразийские исследования. 2024. № 1. С. 17–23. EDN: HHVAND. DOI: 10.24412/cl-37229-2024-1-17-23
2. *Багдасарян К. М.* Структурная трансформация мировой экономики // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № 2. С. 1–16. EDN: EZUBJF. DOI: 10.15862/18ECVN224
3. *Глазьев С. Ю.* Что происходит. Доклад Изборскому клубу // Свободная мысль. 2022. № 5. С. 5–44. EDN: TGZHOS
4. *Гончаров М. С.* Формирование механизма структурно-инновационных преобразований угольной промышленности и разработка мер по их реализации : дисс. канд. экон. наук. М., 2024. 160 с. EDN: PWVVO

5. *Гришина Т. М.* Эволюция евразийской экономической интеграции: сравнительно-исторический анализ // Безопасность бизнеса. 2023. № 1. С. 6–10. EDN: PIYVGE. DOI: 10.18572/2072-3644-2023-1-6-10
6. *Гусейнов Т. Т.* Азербайджан в региональных интеграционных процессах: роль и перспективы взаимодействия с ЕАЭС // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Экономика. 2024. Т. 32. № 1. С. 69–87. EDN: PFAUDN. DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-1-69-87
7. *Зиядуллаев Н. С.* Экономика стран Содружества: ретроспектива, стратегии и императивы : монография / под ред. В. А. Цветкова. М. : ИПР РАН, 2022. 240 с. ISBN: 978-5-6043908-3-2. EDN: ADSFWY. DOI: 10.33051/978-5-6043908-3-2-2021-1-238
8. *Зубенко В. В.* Структурные изменения в экономике и формах сотрудничества между ЕАЭС и другими странами СНГ на разных этапах интеграционного взаимодействия // Экономика и предпринимательство. 2023. № 4. С. 146–154. EDN: MHCVVE. DOI: 10.34925/EIP.2023.153.4.025
9. *Ким Э. Х., Нгуен Т. Т. М., Тен К. И., Фам Т. М. Х.* Региональные аспекты международных отношений на постсоветском пространстве // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 5. С. 94–100. EDN: PRQLXJ
10. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР – 2023 / под ред. А. Малахова, Е. Серика, А. Забоева. Алматы : Евразийский банк развития, 2023. 62 с. URL: https://eabr.org/upload/iblock/82b/EDB_2023_Report-5_Monitoring-of-Mutual-Investments_rus.pdf
11. *Морозов Г. К., Пугарев В. Д.* Особенности развития и возникающие риски во взаимном сотрудничестве государств — членов ЕАЭС и СНГ // Экономические исследования и разработки. 2023. № 1. С. 113–122. EDN: SMLXUV. DOI: 10.54092/25420208_2023_1_113
12. Постсоветские государства на современном этапе: внутривосточная динамика и поиск путей развития: коллективная монография / отв. ред. Э. Г. Соловьев. М. : ИМЭМО РАН, 2024. 209 с. ISBN: 978-5-9535-0623-6. EDN: HWSFAL. DOI: 10.20542/978-5-9535-0623-6
13. *Савинцева С. А., Краев М. П.* Евразийский экономический союз как новый тип экономического союза // Управленческий учет. 2024. № 4. С. 224–231. EDN: BCJRNE
14. *Hasanov F. J., Aliyev R., Taskin D., Suleymanov E.* Oil Rents and non-Oil Economic Growth in CIS Oil Exporters. The Role of Financial Development // Resources Policy. 2023. Vol. 82. No. 103523. P. 1–21. DOI: 10.1016/j.resourpol.2023.103523
15. *Ngoma N. S.* Impact of Sanctions on Russia’s Foreign Trade // Journal of International Economic Affairs. 2024. Vol. 14. No. 2. P. 297–322. DOI: 10.18334/eo.14.2.120821

Об авторе:

Гончаров Максим Сергеевич, начальник отдела сводного анализа в угольной и торфяной промышленности Федерального государственного бюджетного учреждения «Российское энергетическое агентство» Министерства энергетики Российской Федерации (ФГБУ «РЭА» Минэнерго России) (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук;
e-mail: Goncharov@rosenergo.gov.ru; ORCID: 0009-0005-0437-8734

References

1. Babaev K. V. Russia and Central Asia: Trends and Prospects // Eurasian Research. 2024. No. 1. P. 17–23. (In Russ.) EDN: HHVAHD. DOI: 10.24412/cl-37229-2024-1-17-23
2. Bagdasaryan K. M. World Economy Structural Transformation // Eurasian Scientific Journal. 2024. Vol. 16. No. 2. P. 1–16. (In Russ.) EDN: EZUBJF. DOI: 10.15862/18ECVN224
3. Glaziev S. Yu. What’s Going on. Report to the Izvorsky Club // Free thought. 2022. No. 5. P. 5–44. (In Russ.) EDN: TGZHOS
4. Goncharov M. S. Formation of a Mechanism for Structural and Innovative Transformations of the Coal Industry and Development of Measures for their Implementation : dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences. Moscow, 2024. 160 p. EDN: PWVVOJ

5. Grishina T. M. The Evolution of the Eurasian Economic Integration: A Comparative Historical Analysis // Business Security. 2023. No. 1. P. 6–10. (In Russ.) EDN: PIYVGE. DOI: 10.18572/2072-3644-2023-1-6-10
6. Guseinov T. T. Azerbaijan in Regional Integration Processes: Role and Prospects of Interaction with the EAEU // RUDN Journal of Economics. 2024. Vol. 32. No. 1. P. 69–87. (In Russ.) EDN: PFAUDN. DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-1-69-87
7. Ziyadullaev N. S. Economy of the Commonwealth Countries: Retrospective, Strategies and Imperatives : monograph / ed. by V. A. Tsvetkova. Moscow : MEI RAS, 2022. 240 p. ISBN: 978-5-6043908-3-2. (In Russ.) EDN: ADSFWY. DOI: 10.33051/978-5-6043908-3-2-2021-1-238
8. Zubenko V. V. Structural Changes in the Economy and Forms of Cooperation between the EAEU and other CIS Countries at Different Stages of Integration Interaction // Journal of Economy and Entrepreneurship. 2023. No. 4. P. 146–154. (In Russ.) EDN: MHCVVE. DOI: 10.34925/EIP.2023.153.4.025
9. Kim Z. Kh., Nguen T. T. M., Ten K. I., Fam T. M. Kh. Regional Aspects of International Relations in the post-Soviet Space // Etnosocium (multinational society). 2024. No. 5. P. 94–100. (In Russ.) EDN: PRQLXJ
10. EDB Mutual Investment Monitoring – 2023 / ed. by A. Malakhova, E. Serika, A. Zaboeva. Almaty : Eurasian Development Bank, 2023. 62 p. (In Russ.) URL: https://eabr.org/upload/iblock/82b/EDB_2023_Report-5_Monitoring-of-Mutual-Investments_rus.pdf
11. Morozov G. K., Pigarev V. D. Features of Development and Emerging Risks in Mutual Cooperation of the EAEU and CIS Member States // Economic Development Research Journal. 2023. No. 1. P. 113–122. (In Russ.) EDN: SMLXUV. DOI: 10.54092/25420208_2023_1_113
12. Post-Soviet States at the Present Stage: Internal Political Dynamics and the Search for Development Paths : collective monograph / ed. by Eh. G. Solov'ev. Moscow : IMEMO RAS, 2024. 209 p. ISBN: 978-5-9535-0623-6. (In Russ.) EDN: HWSFAL. DOI: 10.20542/978-5-9535-0623-6
13. Savintseva S. A., Kraev M. P. Eurasian Economic Union as a New Type of Economic Union // Management Accounting. 2024. No. 4. P. 224–231. (In Russ.) EDN: BCJRNE
14. Hasanov F. J., Aliyev R., Taskin D., Suleymanov E. Oil Rents and non-Oil Economic Growth in CIS Oil Exporters. The Role of Financial Development // Resources Policy. 2023. Vol. 82. No. 103523. P. 1–21. DOI: 10.1016/j.resourpol.2023.103523
15. Ngoma N. S. Impact of Sanctions on Russia's Foreign Trade // Journal of International Economic Affairs. 2024. Vol. 14. No. 2. P. 297–322. DOI: 10.18334/eo.14.2.120821

About the author:

Maxim S. Goncharov, Head of the Department for Consolidated Analysis in the Coal and Peat Industry of the Russian Energy Agency of the Ministry of Energy of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); PhD in Economics;
e-mail: Goncharov@rosenergo.gov.ru; ORCID: 0009-0005-0437-8734

Развитие рынка труда молодежи в Союзном государстве России и Белоруссии в условиях геополитических вызовов¹

Яновская А. А.^{1,*}, Симченко Н. А.², Кочербаева А. А.³

¹ Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

* e-mail: anna_net88@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0247-5643

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³ Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина, Международный аналитический клуб «Иссык-Куль — Большая Евразия», Бишкек, Кыргызская Республика

РЕФЕРАТ

Цель. Провести анализ рынка труда молодежи в Союзном государстве России и Белоруссии и выявить тенденции, влияющие на развитие рынка труда в условиях геополитических вызовов.

Задачи. Проанализировать динамику основных показателей рынка труда: численность рабочей силы, показатели спроса и предложения на труд, численность занятых по возрастным группам. Выявить потенциал и риски развития рынка труда молодежи в Союзном государстве России и Белоруссии, а также выявить возможности сотрудничества в условиях геополитических вызовов.

Методология. В процессе исследования поставленные задачи решались с использованием общенаучных методов — синтеза, анализа, обобщения. На основе комплексного и сравнительного анализа развития рынка труда в Союзном государстве России и Белоруссии проведена оценка потенциала и рисков рынка труда молодежи.

Результаты. Анализ показателей рынка труда в Союзном государстве России и Белоруссии показал, что, несмотря на снижение уровня безработицы среди молодежи, на рынке труда присутствует дефицит кадров за счет ежегодного снижения численности занятых в экономике возрастной группы 15–29 лет. Данная ситуация обуславливает наличие рисков для устойчивого развития экономики. Определен потенциал рынка труда молодежи, выраженный в наличии цифровых компетенций и профессиональных навыков, которые формируется на этапе подготовки кадров в высших и средних профессиональных учреждениях. Определено, что важным элементом развития рынка труда молодежи выступает механизм сотрудничества, который позволяет устранить негативные тенденции рынка труда молодежи в России и Белоруссии.

Выводы. Учитывая тенденции, происходящие на рынке труда молодежи в Союзном государстве России и Белоруссии, необходимо усилить регулирование сегмента социально-трудовых отношений с молодежью, обеспечивая гарантии самореализации и трудоустройства молодых специалистов, востребованности их профессиональных навыков в начале трудовой деятельности за счет привлечения молодых людей в различные национальные проекты, способствующие реализации трудового потенциала молодежи.

Ключевые слова: рынок труда, молодежь, занятость, безработица, потенциал, риски, сотрудничество

¹ Работа выполнена по гранту № 23-28-00853 Российского научного фонда; Конкурс 2022 года «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами»; тема: «Механизмы развития сложных социально-экономических систем в новых экономических условиях: Союзное государство России и Белоруссии; научно-исследовательский сектор; высшее образование и рынок труда в цифровой экономике».

Для цитирования: Яновская А. А., Симченко Н. А., Кочербаева А. А. Развитие рынка труда молодежи в Союзном государстве России и Белоруссии в условиях геополитических вызовов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 4. С. 23–31. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-23-31>. EDN: YQZGMZ

Development of the Youth Labor Market in the Russian and Belarusian Union States in the Context of Geopolitical Challenges

Anna A. Yanovskaya^{a, *}, Nataliia A. Simchenko^b, Ainura A. Kocherbaeva^c

^a Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

* e-mail: anna_net88@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0247-5643

^b St. Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation

^c Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin, International Analytical Club “Issyk-Kul — Greater Eurasia”, Bishkek, Kyrgyz Republic

ABSTRACT

Aim. To analyze the labor market of young people in the Russian and Belarusian Union States and identify trends that affect the development of the labor market under the conditions of geopolitical challenges.

Tasks. Analyse the evolution of the main labour market indicators: number of workers, demand and supply of work, number of employees by age. To identify the potential and risks of developing the youth labor market in the Russian and Belarusian Union States, as well as to identify opportunities for cooperation in the context of geopolitical challenges.

Methods. In the process of research, the tasks were solved using general science methods — synthesis, analysis, generalization. Based on a comprehensive and comparative analysis of the development of the labor market in the Russian Federation and Belarus, an assessment of the potential and risks of the labor market for young people was carried out.

Results. Analysis of labor market indicators in the Russian and Belarusian Union States showed that, despite the decrease in youth unemployment, there is a shortage of workers in the labor market due to the annual decline in the number of employees in the economy of the 15–29 years old age group. This situation presents risks to the sustainable development of the economy. The potential of the youth labor market, expressed in the availability of digital competences and professional skills that are formed during the training phase in higher and secondary vocational institutions, has been identified. It was determined that an important element of the development of the youth labor market is a mechanism of cooperation, which allows to eliminate negative trends in the youth labor market in Russia and Belarus.

Conclusions. Considering the trends in the youth labor market in the Russian and Belarusian States, it is necessary to strengthen regulation of the social-labor relations segment with young people, ensuring self-realization and employment of young professionals, The demand for their skills at the beginning of working life by involving young people in various national projects that contribute to the realization of youth’s work potential.

Keywords: labor market, youth, employment, unemployment, potential, risks, cooperation

For citation: Yanovskaya A. A., Simchenko N. A., Kocherbaeva A. A. Development of the Youth Labor Market in the Russian and Belarusian Union States in the Context of Geopolitical Challenges // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 4. P. XX–XX. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-XX-XX>. EDN:

Введение

В условиях развития посткапиталистической экономики, ориентированной на применение инновационных концептов, социально-трудовые и экономические трансформации, происходящие на рынке труда, воздействуют на те сегменты, которые характеризуются наиболее уязвимыми категориями системы трудовых отношений, — это молодежь, люди предпенсионного и пенсионного возраста, женщины, выходящие на рынок труда после длительного перерыва трудовой деятельности и пр. С точки зрения перспектив экономического развития необходимо усиливать развитие рынка труда молодежи, ведь специфика этой категории трудящихся заключается в том, что молодежь обладает активной трудовой мобильностью, высоким уровнем обучаемости и адаптивности, творческой инициативностью, способностью к предпринимательской деятельности, позитивным отношением к новшествам, что в целом способствует положительному становлению инновационной экономики [4, с. 400; 6, с. 65]. Но в то же время рынок труда молодежи обладает негативными проявлениями, выраженными в виде недостаточного уровня развития компетенций, в отсутствии практического опыта, высоком уровне безработицы, завышенности требований к условиям и оплате труда и др.

Актуальность исследования развития рынка труда обусловлена тем, что с недавних пор на национальном уровне реализуются различные молодежные проекты и программы, которые позволяют раскрыть талант у молодых людей, стимулировать их к активной трудовой деятельности и эффективной самореализации. Однако в Союзном государстве России и Белоруссии в условиях геополитических вызовов необходимо оценить потенциал молодых специалистов, выявить возможные риски, которые могут отразиться на развитии не только рынка труда, но и экономики в целом, а также обозначить направления сотрудничества, возникающие на рынке труда молодежи.

Отметим, что в России по указу Президента В. В. Путина с 2024 г. реализуется национальный проект «Молодежь России», который направлен на создание условий реализации потенциала молодых людей вне зависимости от социального статуса или региона проживания, а также «содействует развитию международного обмена и сотрудничества молодежных организаций»¹. В Республике Беларусь также активно реализуется молодежная политика, направленная на инвестирование в развитие молодых людей, повышая их конкурентоспособность на рынке труда, при этом снижая социальное неравенство и улучшая социально-трудовые условия и профессиональное развитие, способствуя формированию здорового и устойчивого общества. Таким образом, в Союзном государстве России и Белоруссии молодежная политика имеет схожие направления реализации, способствующие межнациональному сотрудничеству молодых людей.

Роль молодежи на рынке труда и проблемы глобальной безработицы

Авторами Г. Н. Тугускиной, Л. В. Рожковой и Н. В. Корж исследован рынок труда молодежи, в результате определено, что данный сегмент является важным для экономики, но в то же время имеет свои особенности в формировании национального рынка труда. Как правило, молодые специалисты обладают недостаточной профессиональной компетентностью в совокупности с чрезмерной амбициозностью молодежи в отношении ожиданий оплаты труда и желания сделать карьеру [5, с. 69]. О. А. Золотина и А. Т. Сагдеева отмечают, что происходит смена модели трудового поведения на рынке труда молодежи, так, «ранее молодые люди осуществляли переход от учебы к работе после получения диплома, то сейчас конкурентной стратегией на рынке труда является получение профессионального опыта в период обучения» [2, с. 71]. Вместе с этим коллективом авторов Р. К. Сабировой, Ж. Н. Ерняязовой и др. с целью обеспечения занятости молодежи и снижения молодежной безработицы на примере рынка труда Казахстана в рамках социального партнерства даны рекомендации по развитию сегмента молодежного рынка труда, заключающиеся в модернизации образовательных программ про-

¹ Национальный проект «Молодежь России» [Электронный ресурс] // Центр содействия реализации Национальных проектов и программ. 2024. URL: <https://crnprf.ru/tpost/4foglrvk11-natsionalnii-proekt-molodezh-rossii-2024> (дата обращения 10.09.2024).

фессионального обучения и переобучения молодых специалистов, информировании молодежи о вакансиях в учреждениях, совершенствовании цифровизации рынка труда [1, с. 26; 3, с. 67].

Зарубежные авторы R. Bedamatta и M. Bordoloi исследовали рынок труда молодежи среди женщин в Индии, в исследовании отмечено, что в Индии среди женщин в возрасте от 15 до 35 лет являются безработными 48% (примерно 114,6 млн женщин данной возрастной категории) от общей численности женского молодежного населения Индии. С целью сокращения высокого уровня безработицы среди женщин авторы предлагают стратегические мероприятия, направленные на интеграцию и привлечение женщин молодого возраста в секторы занятости [8]. S. Schneider, M. Pilz исследовали проблемы рынка труда Индии, а именно возможности трудоустройства молодой рабочей силы с точки зрения спроса и предложения на труд. Определено, что в количественном выражении система профессионального образования и профессиональной подготовки в снижении уровня безработицы среди молодежи не играла особой роли, поэтому была проведена реформа в сфере профессионального образования и внедрена дуальная система образования, позволяющая повысить взаимосвязь между результатами обучения и требованиями отрасли, результатом которой должно стать успешное трудоустройство выпускников профессиональных образовательных учреждений [10]. Авторы, исследовавшие рынок труда молодежи в африканском регионе, выделяют следующие факторы, которые влияют на статус молодежи на рынке труда: пол, возраст, районы проживания, образование родителей и род занятий родителей [7; 9].

Таким образом, анализ отечественных и зарубежных исследований по проблематике рынка труда молодежи показал, что на профессиональную реализацию молодых специалистов на рынке труда влияет не только регуляторная политика в отношении получения профессиональных навыков, трудоустройства и самореализации молодежи, но и не менее важно влияние семьи, в которой проживают молодые люди.

Анализ динамики основных показателей рынка труда Союзного государства России и Белоруссии

Эффективно функционирующий рынок труда, как составляющая инновационной экономики, выполняет определенные социально-экономические функции, которые заключаются в установлении цены на труд, распределении трудовых ресурсов по активным видам занятости, регулировании спроса и предложения труда, стимулировании к труду, конкуренции рабочей силы и пр. Безусловно, все процессы, происходящие в геополитическом пространстве, отражаются на развитии рынка труда.

Для полного понимания тенденций рынка труда проанализируем динамику рабочей силы в России (табл. 1) и Белоруссии (табл. 2).

Таблица 1

Динамика численности рабочей силы Российской Федерации

Table 1. Labour Force Dynamics of the Russian Federation

Год	Рабочая сила		В том числе			
	тыс. чел.	в % к предыдущему году	занятые		безработные	
			тыс. чел.	в % к предыдущему году	тыс. чел.	в % к предыдущему году
2017	76 659	99,6	72 678	100,0	3 982	93,7
2018	76 630	100,0	72 957	100,4	3 673	92,2
2019	75 800	98,9	72 392	99,2	3 488	95,0
2020	75 466	99,6	71 116	98,2	4 351	124,7
2021	75 969	100,7	72 298	101,7	3 671	84,4
2022	75 632	99,6	72 644	100,5	2 988	81,4
2023	76 037	100,5	73 636	101,4	2 401	80,4

Источник: составлено авторами¹

¹ Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2024 Стат. сб. / Росстат. М., 2024. С. 11.

Динамика численности рабочей силы носит колебательный тренд, зависящий от влияния внешних факторов. Например, ограничительные меры по борьбе с коронавирусной инфекцией в 2020 г. или экономические санкции, мобилизация в 2022 г., повлекшие отток высококвалифицированных кадров в другие страны, и привели к негативным тенденциям на рынке труда. В целом структура рабочей силы в России за исследуемый период претерпела несущественные изменения. Так, численность занятых с 2017 г. по 2023 г. увеличилась на 958 тыс. чел., или на 1,3%, что является незначительным отклонением, однако численность безработных граждан, наоборот, уменьшилась на 1581 тыс. чел., или на 40%. Следствием снижения безработицы являются такие положительные факторы, как реализация государственных программ, национальных проектов по содействию занятости населения, а также негативные демографические факторы, например низкая рождаемость, которая была в 1990-х и начале 2000-х годов, ведь именно молодые люди, рожденные в этот период, на сегодняшний день восполняют трудовые ресурсы взамен на постепенно выходящих на пенсию многочисленного поколения 1960-х гг.

Таблица 2

Динамика численности рабочей силы Республики Беларусь

Table 2. Labour Force Dynamics of the Republic of Belarus

Год	Рабочая сила		В том числе			
	тыс. чел.	в % к предыдущему году	занятые		безработные	
			тыс. чел.	в % к предыдущему году	тыс. чел.	в % к предыдущему году
2017	5 195,3	106,6	4 901,8	100,8	293,4	97,2
2018	5 141,6	99,0	4 896,7	99,9	244,9	83,5
2019	5 122,4	99,6	4 909,1	100,3	213,3	87,1
2020	5 091,6	99,4	4 885,4	99,5	206,2	96,6
2021	5 047,5	99,1	4 850,6	99,3	196,9	95,5
2022	5 026,8	99,6	4 847,1	99,7	179,7	88,6
2023	4 972,0	98,9	4 800,0	99,0	172,1	95,8

Источник: составлено авторами¹

В Белоруссии численность рабочей силы имеет ежегодную тенденцию к сокращению и за период с 2017 по 2023 г. уменьшилась на 223,3 тыс. чел., или на 4,3%, численность занятых также имеет тенденцию к снижению, несмотря на то, что правительство республики не применяло антиковидных мер, отсутствуют экономические санкции. Но по численности безработных ситуация противоположная: положительная динамика, уровень безработных снижается, и с 2017 по 2023 г. численность безработных уменьшилась на 121,3 тыс. чел., или на 41%. Такая ситуация может свидетельствовать о высоком уровне внешней трудовой миграции, демографического кризиса, то есть проявляются аналогичные тенденции, как и в России.

Вместе с тем, несмотря на изменения динамики численности рабочей силы, на рынке труда Союзного государства России и Белоруссии проявляется еще одна тенденция — существенный разрыв спроса и предложения на труд, характеризующий проявление квалификационной ямы. Поясним, что под спросом выступает показатель незанятых вакансий, предложение труда — численность безработных, вставших на учет в центры занятости. Графически данные изменения представлены на рис. 1 и рис. 2 соответственно.

В России начиная с 2016 г. спрос на труд увеличивался, в то время как предложение снижалось. В 2023 г. спрос превысил предложение на 1260 тыс. вакансий или почти в три раза.

Аналогична ситуация в Белоруссии. Численность безработных сокращается, а число вакансий стремительно возрастает, то есть очевидно проявляется квалификационный разрыв на рынке труда.

¹ Динамика численности рабочей силы [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ssrd-mvf_2/natsionalnaya-stranitsa-svodnyh-dannyh/zanyatost-i-bezrobotitsa/index.php (дата обращения: 10.09.2024).

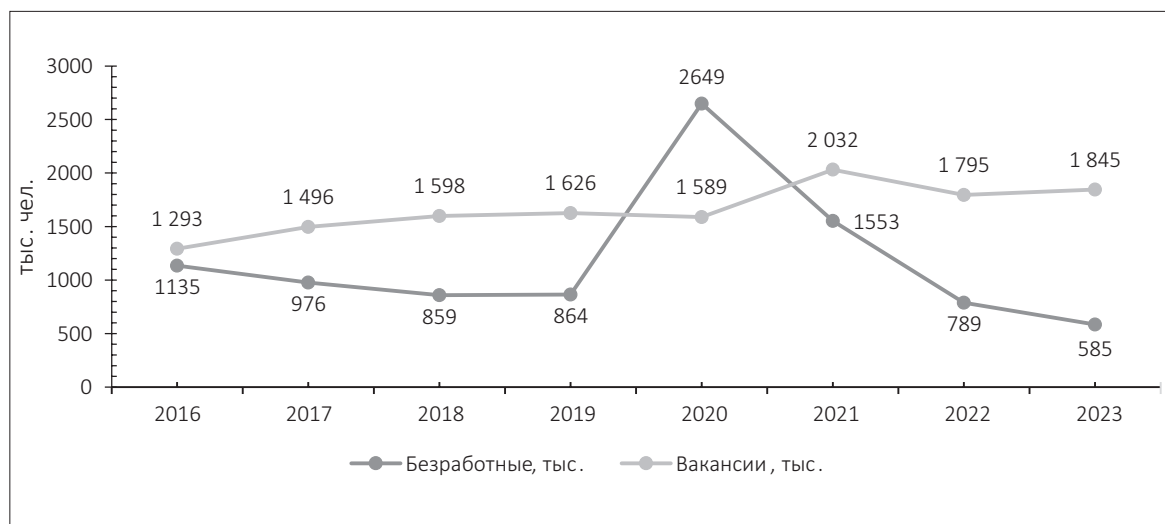

Рис. 1. Динамика спроса и предложения на рынке труда Российской Федерации
 Fig. 1. Dynamics of Demand and Supply in the Labor Market of the Russian Federation

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium> (дата обращения: 11.09.2024)

Рис. 2. Динамика спроса и предложения на рынке труда Республики Беларусь
 Fig. 2. Dynamics of Demand and Supply in the Labor Market of the Republic of Belarus

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://gsz.gov.by/directory/supply-and-demand-graph/> (дата обращения: 10.09.2024)

Потенциал и риски развития рынка труда молодежи в Союзном государстве России и Белоруссии

Устранить квалификационный разрыв, по нашему мнению, возможно через развитие рынка труда молодежи. Для понимания более подробной характеристики этого рынка рассмотрим численность занятых в экономике России и Белоруссии по возрастным группам (табл. 3 и табл. 4). В нашем случае возрастной интервал распределен на шесть групп, но больший интерес в исследовании вызывает первая группа — численность занятых в возрасте от 15 до 29 лет, именно данная группа формирует рынок труда молодежи.

Таблица 3

Численность занятых по возрастным группам в России, тыс. чел.
Table 3. Number of Employed by Age Groups in Russia, thousand people

Возрастной интервал	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Темпы роста, % 2023/2017
15–29	16 422	15 497	14 487	13 483	12 756	11 711	11 454	70,0
30–39	21 405	21 912	22 194	22 347	22 769	22 748	22 636	106,0
40–49	18 176	18 463	18 625	18 965	19 422	19 901	20 228	111,0
50–59	16 439	16 231	15 792	15 650	15 734	15 765	15 842	96,0
60–74	3 272	3 502	3 644	3 875	4 148	4 375	4 719	144,0

Источник: составлено авторами¹

Анализ данных, представленных в табл. 3, показывает ежегодное сокращение численности занятых в возрасте 15–29 лет, снижение за семь лет данной группы занятых в экономике составил 30%. Данная ситуация является катастрофичной для социально-экономического развития страны, если вовремя не принять конкретные меры по стимулированию к труду молодого поколения. В случае реализации неэффективных программ молодежной политики возрастает риск того, что в будущем рынок труда еще больше ощутит на себе нехватку квалифицированных кадров, снизится производительность труда, предприятия недополучат прибыль, соответственно, наполнение бюджетов разного уровня снизится, что, в свою очередь, отразится на социальном развитии регионов и страны в целом.

Таблица 4

Численность занятых по возрастным группам в Белоруссии, тыс. чел.
Table 4. Number of employed by age groups in Belarus, thousand people

Возрастной интервал	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Темпы роста, % 2023/2017
15–29	1 137	1 044	997	943	851	814	768	68,0
30–39	1 303	1 354	1 379	1 386	1 395	1 392	1 369	105,0
40–49	1 168	1 180	1 188	1 192	1 213	1 229	1 248	107,0
50–59	1 083	1 060	1 058	1 051	1 053	1 054	1 052	97,0
60–74	211	258	287	314	339	359	365	173,0

Источник: составлено авторами² [2]

Аналогична ситуация в Республике Беларусь: численность занятого населения в экономике страны в возрасте от 15 до 29 лет ежегодно сокращается и с 2017 по 2023 г. уменьшилась на 32%. Несомненно, данная ситуация связана с эмиграцией и демографическими проблемами. Как было отмечено, это низкая рождаемость 1990-х и начала 2000-х годов и старение населения. Поэтому диспропорции рынка труда возможно устранить через стимулирование молодежи к труду, содействие их занятости через предоставление региональных льгот (предоставление служебного жилья, с последующим оформлением в право собственности молодого сотрудника, материальная доплата и пр.). В то же время дефицит молодежи на рынке труда содействует снижению всех типов дискриминации, а также способствует трансформации подходов к оценке молодых специалистов исключительно по их профессиональному опыту, усилению сотрудничества не только в межсекторальном развитии национальных экономик, но интеграции России и Белоруссии.

¹ Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). С. 18.

² Численность занятого населения (по данным выборочного обследования домашних хозяйств) по территории Республики Беларусь. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10102000029> (дата обращения: 11.09.2024).

Заключение

Таким образом, исследование развития рынка труда молодежи в Союзном государстве России и Белоруссии в условиях геополитических вызовов позволило определить потенциал рынка труда молодежи, который заключается в наличии цифровых навыков и профессиональных умений, необходимых для устойчивого развития инновационных процессов экономики за счет модернизации и совершенствования образовательных программ на базе средних профессиональных и высших учебных заведений, а также осуществления государственных проектов, направленных на самореализацию молодых людей и выявление талантливой молодежи. В то же время рынку труда молодежи присущи определенные риски, которые проявляются в ежегодном сокращении численности занятых в экономике в возрастной группе 15–29 лет, а также практически отсутствию механизмов стимулирования к труду молодежи. Поэтому важным элементом развития рынка труда молодежи выступает механизм сотрудничества, который позволит частично устранить дефицит кадров в Союзном государстве России и Белоруссии за счет интеграции и корпоративных инициатив в подготовке, распределении и развитии кадров.

Литература

1. Вуколов В. Л. Цифровая экономика и рынок труда, цифровые технологии и трудовые отношения: взаимовлияние, особенности и тенденции развития // Социально-трудовые исследования. 2023. Т. 50. № 1. С. 24–30. EDN: UGGVAN. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-50-1-24-30
2. Золотина О. А., Сагдеева А. Т. Рынок труда и занятость молодежи в России // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2022. Т. 11. № 5. С. 71–78 EDN: FOGHDL. DOI: 10.12737/2305-7807-2022-11-5-71-78
3. Сабирова Р. К., Ерниязова Ж. Н., Талапбаева Г. Е. [и др.] Молодежный рынок труда в рамках социального партнерства: современное состояние и направления развития // Economy: Strategy and Practice. 2021. Т. 16. № 4. С. 116–129. EDN: BBFILA. DOI: 10.51176/1997-9967-2021-4-116-129
4. Томашевский К. Л. Цифровизация и ее влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнительно-правовой аспекты) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 2. С. 398–413. EDN: LZLKJW. DOI: 10.21638/spbu14.2020.210
5. Тугускина Г. Н., Рожкова Л. В., Корж Н. В. Молодежь на рынке труда в современных условиях: проблемы трудоустройства и занятости // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 67–77. EDN: AEZVFL. DOI: 10.21685/2072-3016-2021-4-7
6. Остапенко В. А., Морозова И. М., Казанцева Н. В. Развитие новых форм занятости в условиях цифровой трансформации экономики // E-Management. 2022. Т. 5. № 3. С. 64–72. EDN: AGOYCU. DOI: 10.26425/2658-3445-2022-5-3-64-72
7. Awad A., Hussain M. A. Youth in the Labour Market: Does Inequality of Opportunity Matter? The Experience of the Democratic Republic of Congo and Madagascar // Knowl Econ. 2023. No. 14. P. 3176–3202. DOI: 10.1007/s13132-022-00902-5
8. Bedamatta R., Bordoloi M. India's Missing Female Youth Labour Force: Size, Characteristics and Policy Concern // Labour Econ. 2024. No. 67. P. 465–481. DOI: 10.1007/s41027-024-00493-6
9. Houeho F. V., Hounkanrin C. A., Lokonon B. O. K. Main Channels of Job Search in the Beninese Labour Market: The Case of Unemployed Young // Labour Econ. 2024. No. 67. P. 571–592. DOI: 10.1007/s41027-024-00501-9
10. Schneider S., Pilz M. India's Labour Market Challenges: Employability of Young Workforce from the Perspective of Supply and Demand // Prospects. 2024. DOI: 10.1007/s11125-024-09691-y

Об авторах:

Яновская Анна Анатольевна, и. о. заведующего кафедрой управления персоналом Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент;
e-mail: anna_net88@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0247-5643

Симченко Наталия Александровна, и. о. заведующего кафедрой экономической теории и экономической политики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор;
e-mail: natalysimchenko@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8364-2313

Кочербаева Айнура Анатольевна, профессор Кыргызско-Российского славянского университета им. Б. Н. Ельцина (Бишкек, Кыргызская Республика), директор Международного аналитического клуба «Иссык-Куль — Большая Евразия», доктор экономических наук, профессор;
e-mail: ainura_koch@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4205-8940

References

1. Vukolov V. L. Digital Economy and Labor Market, Digital Technologies and Labor Relations: Mutual Influence, Features and Development Trends // Social and Labor Research. 2023. Vol. 50. No. 1. P. 24–30. (In Russ) EDN: UGGVAN. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-50-1-24-30
2. Zolotina O. A., Sagdeeva A. T. The Labor Market and Youth Employment in Russia // Management of the Personnel and Intellectual Resources in Russia. 2022. Vol. 11. No. 5. P. 71–78. EDN: FOGHDL. DOI: 10.12737/2305-7807-2022-11-5-71-78. (In Russ)
3. Sabirova R. K., Yerniyazova Zh. N., Talapbayeva G. E. [et all.] Youth Labor Market in the Framework of Social Partnership: Current State and Directions of Development // Economy: Strategy and Practice. 2021. Vol. 16. No. 4. P. 116–129. (In Russ) EDN: BBFILA. DOI: 10.51176/1997-9967-2021-4-116-129
4. Tomashevski K. L. Digitalization and Its Impact on the Labour Market and Employment Relations (Theoretical and Comparative Legal Aspects) // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2020. No. 2. P. 398–413. (In Russ) EDN: LZLKJW. DOI: 10.21638/spbu14.2020.210
5. Tuguskina G. N., Rozhkova L. V., Korzh N. V. Youth in Modern Labor Market: Problems of Placement and Employment // University Proceedings. Volga Region. Social Sciences. 2021. No. 4. P. 67–77. (In Russ.) EDN: AEZVFL. DOI: 10.21685/2072-3016-2021-4-7
6. Ostapenko V. A., Morozova I. M., Kazantseva N. V. Development of the New Employment Forms in the Context of Digital Transformation of the Economy // E-Management. 2022. Vol. 5. No. 3. P. 64–72. (In Russ) EDN: AGOYCU. DOI: 10.26425/2658-3445-2022-5-3-64-72
7. Awad A., Hussain M. A. Youth in the Labour Market: Does Inequality of Opportunity Matter? The Experience of the Democratic Republic of Congo and Madagascar // Knowl Econ. 2023. No. 14. P. 3176–3202. DOI: 10.1007/s13132-022-00902-5
8. Bedamatta R., Bordoloi M. India's Missing Female Youth Labour Force: Size, Characteristics and Policy Concern // Labour Econ. 2024. No. 67. P. 465–481. DOI: 10.1007/s41027-024-00493-6
9. Houeho F. V., Hounkanrin C. A., Lokonon B. O. K. Main Channels of Job Search in the Beninese Labour Market: The Case of Unemployed Young // Labour Econ. 2024. No. 67. P. 571–592. DOI: 10.1007/s41027-024-00501-9
10. Schneider S., Pilz M. India's Labour Market Challenges: Employability of Young Workforce from the Perspective of Supply and Demand // Prospects. 2024. DOI: 10.1007/s11125-024-09691-y

About the authors:

Anna A. Yanovskaya, Associate Professor, Head of the Department of Human Resources Management of Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation), PhD in Economics;
e-mail: anna_net88@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0247-5643

Nataliia A. Simchenko, Head of the Department of Economic Theory and Economic Policy of St Petersburg University (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Sciences (Economy), Professor;
e-mail: natalysimchenko@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8364-2313

Ainura A. Kocherbaeva, Professor of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin (Bishkek, Kyrgyz Republic), Director of the International Analytical Club “Issyk-Kul — Greater Eurasia”, Doctor of Sciences (Economy), Professor;
e-mail: ainura_koch@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4205-8940

Миграционная составляющая взаимодействия России и Таджикистана

Федченко А. А.^{1,*}, Борисова Л. И.²

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

* e-mail: faa1711@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9450-3498

² Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан

РЕФЕРАТ

Цель. Статья посвящена аргументации роли миграционной составляющей трудовых ресурсов, выявлению социально-экономических последствий трудовой миграции и разработке подходов к ее регулированию при взаимодействии России и Республики Таджикистан.

Задачи. Изучение роли Таджикистана в формировании и использовании трудовых ресурсов России, исследование причин и последствий трансформации миграционных процессов в Республике Таджикистан, обоснование перспектив развития миграционной составляющей взаимодействия России и Республики Таджикистан.

Методология. В исследовании применены: анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнения и группировки, экономико-статистический анализ, эволюционный и исторический подходы; использована законодательная база и обобщены литературные источники по теме исследования.

Результаты. В результате исследования выявлена существенная роль миграционных процессов в формировании и использовании трудовых ресурсов, о чем свидетельствуют рассчитанные авторами среднегодовые изменения этого показателя за более чем десятилетний период. Актуальность исследования миграционной составляющей взаимодействия России и Республики Таджикистан подтверждается ее высокой долей в общем миграционном потоке. В статье обоснована совокупность факторов, влияющих на миграционную составляющую трудовых ресурсов. К числу основных из них отнесены: многополярность, подтверждаемая созданием таких межгосударственных объединений, как БРИКС; изменение миграционного законодательства, регулирующего деятельность мигрантов, как в принимающей стране, так и в стране исхода; развитие цифровых технологий, способствующее расширению использования таких нестандартных форм занятости, как фриланс и платформенная занятость. В процессе исследования выделены основополагающие принципы формирования трудового потенциала мигрантов, способствующие, на наш взгляд, повышению их трудового потенциала. При этом аргументируется целесообразность акцентирования внимания не только на организационно-экономической эффективности производственных процессов. В статье сделан вывод о необходимости при регулировании трудовой миграции учитывать переход от модели стандартизированной занятости к индивидуализированной, что в существенной степени затрагивает мигрантов и получает подтверждение в распространении среди них прекарной (неустойчивой) занятости, при которой утрачиваются работником стандартные трудовые отношения, основанные на бессрочном трудовом договоре с полной рабочей неделей. При принятии управленческих решений по регулированию миграционных процессов предлагается в качестве индикатора социально-экономических последствий трудовой миграции, проявляющихся в прекаризации занятости, использовать доход мигрантов, сопоставленный с прожиточным минимумом, а также с медианным значением доходов работников аналогичных профессиональных групп.

Выводы. В данном исследовании рассматривается миграционная составляющая взаимодействия России и Республики Таджикистан, являющаяся очень важной для обеих стран. Для России целесообразность миграционных процессов обусловлена тем, что они способствуют решению демографических и связанных с ними проблем, в том числе пополнение рабочей силы за счет молодых и средних возрастов. Для Республики Таджикистан миграция является частью государственной политики по регулированию рынка труда, что подтверждается текущими и перспективными мерами по регулированию рынка труда в этой стране. Положительный результат взаимодействия России и Республики Таджикистан достигается при комплексном подходе к решению этой проблемы, предусматривающем статистическое обоснование потребности в трудовых ресурсах, адекватную меняющимся условиям законодательную базу, тесную связь со сферой образования. Современные компьютерные технологии обуславливают высокую степень цифровизации организационных и трудовых процессов, проявляющуюся в расширении нестандартных, в том числе precarious, форм занятости, что предполагает необходимость их мониторинга и регулирования.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, миграция, нестандартные формы занятости, индикатор прекаризации, перспективы развития

Для цитирования: Федченко А. А., Борисова Л. И. Миграционная составляющая взаимодействия России и Таджикистана // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 4. С. 32–41.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-32-41>. EDN: YALTND

Migration Component of Cooperation between Russia and Tajikistan

Anna A. Fedchenko^{a,*}, Lyubov I. Borisova^b

^a Financial University at Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

* e-mail: faa1711@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9450-3498

^b Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan

ABSTRACT

Aim. The article is devoted to the argumentation of the role of the migration component of labor resources, identification of socio-economic consequences of labor migration and development of approaches to its regulation in the interaction between Russia and the Republic of Tajikistan.

Tasks. To study the role of Tajikistan in the formation and use of labor resources of Russia, to study the causes and consequences of the transformation of migration processes in the Republic of Tajikistan, to substantiate the prospects for the development of the migration component of interaction between Russia and the Republic of Tajikistan.

Methods. The study used: analysis and synthesis, induction and deduction, comparisons and groupings, economic and statistical analysis, evolutionary and historical approaches; used the legislative base and generalized literature sources on the topic of the study.

Results. The study revealed a significant role of migration processes in the formation and use of labor resources, as evidenced by the average annual changes in this indicator calculated by the authors for more than a decade. The relevance of the study of the migration component of interaction between Russia and the Republic of Tajikistan is confirmed by its high share in the total migration flow. The article substantiates a set of factors affecting the migration component of labor resources. The main ones include: multipolarity, confirmed by the creation of interstate associations such as BRICS; changes in migration legislation regulating the activities of migrants, both in the host country and in the country of origin; the development of digital technologies, contributing to the expansion of the use of non-standard forms of employment such as freelancing and platform employment. In the process of the research, the fundamental principles of forming the labor potential of migrants, which, in our opinion,

contribute to the improvement of their labor potential, were identified. It is argued that it is advisable to focus attention not only on the organizational and economic efficiency of production processes. The article concludes that in regulating labor migration it is necessary to take into account the transition from the model of standardized employment to individualized employment, which significantly affects migrants and is confirmed by the spread of precarious work among them.

Conclusions. This study examines the migration component of interaction between Russia and the Republic of Tajikistan, which is very important for both countries. For Russia, the expediency of migration processes is due to the fact that they contribute to the solution of demographic and related problems, including the replenishment of the labor force at the expense of young and middle-aged people. For the Republic of Tajikistan, migration is part of the state policy on labor market regulation, which is confirmed by current and prospective measures to regulate the labor market in this country. The positive result of interaction between Russia and the Republic of Tajikistan is achieved with a comprehensive approach to solving this problem, providing for statistical substantiation of the need for labor resources, adequate to changing conditions legislative framework, close connection with the sphere of education. Modern computer technologies cause a high degree of digitalization of organizational and labor processes, manifested in the expansion of non-standard, including precarious, forms of employment, which implies the need for their monitoring and regulation.

Keywords: labor resources, migration, non-standard forms of employment, precarization indicator, development prospects

For citation: Fedchenko A. A., Borisova L. I. Migration Component of Cooperation between Russia and Tajikistan // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 4. P. 32–41. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-32-41>. EDN: YALTND

Введение

Взаимодействие двух дружественных стран — России и Республики Таджикистан — имеет свою вековую историю. Но изменившаяся ситуация, обусловленная в существенной степени сменой технологий и повышением неопределенности, потребовала нового осмысления использования сложившихся механизмов для решения возникающих в современном обществе проблем. В качестве основных сложившихся механизмов мы рассматриваем:

- экономическое взаимодействие, осуществляемое на рынке труда, товаров и услуг;
- образовательное взаимодействие, предполагающее интегрирование сферы образования;
- культурное взаимодействие, предусматривающее расширение сотрудничества в области культуры.

При важности всех механизмов взаимодействия для России и Таджикистана ключевым в настоящих условиях является экономическое, что объективно предопределено особенностями социально-экономического положения. Поскольку трудовые ресурсы рассматриваются нами как основа экономического развития, то для России очень важно пополнение рабочей силы за счет молодых и средних возрастов, т. к. в соответствии с демографическими особенностями современного периода на рынок труда вышло малочисленное поколение, родившееся в кризисные девяностые годы.

В условиях возрастания роли влияния мигрантов высвечивается проблема рационального использования этой части трудовых ресурсов. В рамках данного исследования рассматривается международная, добровольная, трудовая миграция с учетом современных особенностей ее проявления [6; 9]. Важность изучения этого явления нашла подтверждение в работах многих российских ученых [1; 3; 8; 10]. Мы разделяем позицию, аргументирующую целесообразность установления взаимосвязи между макроэкономическими индикаторами и показателями миграции [14]. Поскольку влияние миграционных процессов на потенциал трудовых ресурсов в России возрастает, то одним из путей решения данной проблемы является выявление совокупности факторов, влияющих на миграционную составляющую трудовых ресурсов, к основным из которых, на наш взгляд, относятся:

- многополярность;
- изменение миграционного законодательства;
- развитие цифровых технологий.

Влияние многополярности, ставшей неотъемлемой реальностью современного мира, проявляется в создании таких межгосударственных объединений, как БРИКС, расширяющих возможность экономического сотрудничества, в том числе за счет миграционной политики. Во многих странах БРИКС наблюдается увеличение доли квалифицированных работников, особенно в отраслях, связанных с современными компьютерными технологиями, и снижение доли низкоквалифицированных. При этом потребность в низкоквалифицированной рабочей силе остается высокой за счет развития сферы услуг и строительства. Именно эта потребность в существенной мере удовлетворяется за счет мигрантов. Поэтому необходимость регулирования миграционных потоков в условиях многополярного мира возрастает.

Изменение миграционного законодательства, регулирующего деятельность мигрантов, находится в стадии становления, что находит отражение в российском законодательстве, касающемся как всех граждан (например, минимальный размер оплаты труда), так и отдельно мигрантов (например, квотирование рабочих мест мигрантов; круг работ, на которых они могут трудиться на основании патента, и т. д.). Вступившие в силу с 01.09.2023¹ изменения в законе о мигрантах затрагивают не только иностранных граждан, но и всех, кто собирается пересекать границы и заниматься миграционной деятельностью. В соответствии с этими изменениями усиливается контроль над миграционным статусом граждан и повышается ответственность за нарушения миграционного законодательства.

Развитие цифровых технологий при организации трудовой деятельности мигрантов способствует расширению использования нестандартных форм занятости, нередко сопровождающихся снижением социальных гарантий по сравнению со стандартными формами занятости, предусматривающими заключение срочного трудового договора. Несмотря на это, среди мигрантов все более широкое распространение получают такие формы нестандартной занятости, как работа на платформах и фриланс, поскольку они позволяют повысить доходы и улучшить материальное благосостояние.

Трансформация миграционных процессов в России и Республике Таджикистан

Основываясь на данных Росстата, в процессе исследования выявлена динамика среднегодовой численности трудовых ресурсов в целом и по ее структурным элементам. Так, при наличии незначительных колебаний среднегодовая численность трудовых ресурсов в России имеет выраженную тенденцию к снижению². Расчет среднегодовых темпов роста этого показателя, составивших 99,87%, подтверждает важность всестороннего исследования способов влияния на среднегодовую численность трудовых ресурсов. Анализ структуры трудовых ресурсов выявил следующие особенности. Среднегодовой темп роста трудоспособного населения в трудоспособном возрасте за период с 2010 по 2022 гг., по нашим расчетам, составил 99,61%. При этом среднегодовой темп роста иностранных трудовых мигрантов за этот же период равнялся 104,81%, а лиц старше трудоспособного возраста — 101,36%. Дальнейшее увеличение привлекаемой к трудовой деятельности возрастной части населения маловероятно, поэтому внимание к иностранным трудовым мигрантам, как неотъемлемой части российских трудовых ресурсов, — обосновано.

В соответствии с данными Росстата среднегодовая численность трудовых ресурсов с 2010 по 2019 г. постепенно снижалась, но начиная с 2020 г. наметилась тенденция к увеличению этого показателя. Аналогичная динамика выявлена и у населения в трудоспособном возрасте. На данный процесс в существенной степени влияют иностранные трудовые мигранты, доля которых в среднегодовой численности трудовых ресурсов колеблется от 2,1% (в 2010 г.) до 3,8% (в 2022 г.)³.

¹ Новый закон для мигрантов с 1 сентября 2023 г: изменения и правила [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/@cvm78ru-novyi-zakon-dlya-migrantov-s-1-sentyabrya-2023-goda-izmeneni> (дата обращения: 23.11.2024).

² Труд и занятость в России. 2023: стат. сб. / Росстат. М., 2023. С. 80 [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf (дата обращения: 25.10.24).

³ Там же.

Проведено исследование динамики численности иностранных трудовых мигрантов, минимального размера оплаты труда, среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций на российском рынке труда за последние пять лет (2019–2023 г.). Выявленная динамика отражена на рис.

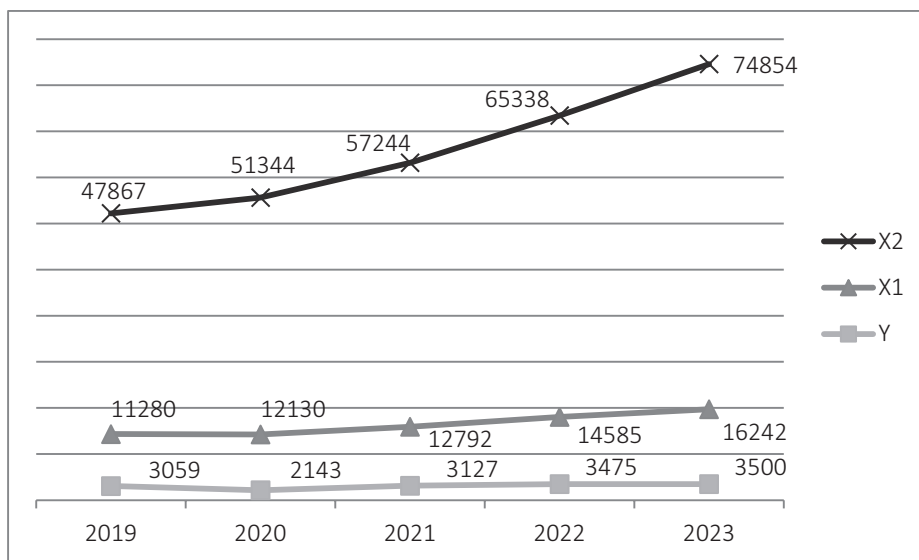

Рис. Динамики численности иностранных трудовых мигрантов, тыс. чел. (Y)¹, минимального размера оплаты труда, руб. (X1)², среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций, руб. (X2)³

Fig. Dynamics of the number of foreign labor migrants, thousand people (Y), minimum wage, rubles (X1), average monthly nominal accrued wages of employees of organizations, rubles

Исследование динамики численности иностранных трудовых мигрантов на российском рынке труда с минимальным размером оплаты труда и среднемесячной номинальной начисленной заработной платой работников организаций выявило наличие высокой взаимосвязи этих показателей. Так, коэффициент корреляции между Y и X1 составил 0,652399, коэффициент детерминации 0,425624; коэффициент корреляции между Y и X2 составил 0,824134, коэффициент детерминации 0,679196. Использование регрессионных зависимостей может способствовать повышению степени обоснованности принятия решений по вопросам регулирования миграционной составляющей российского рынка труда.

Наиболее многочисленными являются миграционные потоки из Узбекистана и Таджикистана, что находит свое отражение в численности иностранных граждан, получивших разрешительные документы на работу в России в течение года, имевших действующее разрешение на работу, а также обладавших действующим патентом на осуществление трудовой деятельности. При этом доля высококвалифицированных специалистов, имевших действующее разрешение на работу, у иностранных граждан из Узбекистана существенно выше, чем у иностранных граждан из Таджикистана (соответственно 0,8 и 0,1%)⁴. В настоящее время, согласно данным Росстата, среднестатистический международный мигрант в России — это женатый мужчина трудоспособного возраста родом из Таджикистана⁵.

¹ Статистические сведения по миграционной ситуации [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 23.11.2024); Труд и занятость в России. 2023: стат. сб. С. 80.

² Рынок труда, занятость и заработная плата [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 23.11.2024); Труд и занятость в России. 2023: стат. сб. С. 147.

³ Рынок труда, занятость и заработная плата; Труд и занятость в России. 2023: стат. сб. С. 147.

⁴ Там же. С. 115–117.

⁵ Росстат раскрыл «портрет» мигранта в России. Кто и с какими целями въезжает в страну из-за рубежа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/07/2024/669a2afd9a7947271d418486> (дата обращения: 23.11.2024).

Сложившаяся ситуация предопределила роль миграционной составляющей в Республике Таджикистан при наличии и других аспектов экономического взаимодействия, к которым относится торговля, инвестиционная и другая финансовая деятельность. При всей многогранности форм взаимодействия необходимо учитывать складывающиеся взаимосвязи, чтобы ими конструктивно управлять. В частности, ситуация на рынке труда в Таджикистане с 1991 г. в существенной степени определяется действиями Государственной службы занятости и реализуется в рамках основного закона о занятости¹, регулярно осуществляемого мониторинга данных по рынку труда. В дополнение к этим мерам в последние годы правительство Таджикистана предпринимает следующие шаги по влиянию на рынок труда:

- развитие профессионально-технического образования для подготовки квалифицированных кадров в соответствии с потребностями рынка;
- содействие трудоустройству молодежи через программы стажировок и обучения;
- поддержка малого и среднего предпринимательства для создания новых рабочих мест;
- внедрение механизмов социального партнерства между правительством, работодателями и профсоюзами для решения проблем рынка труда.

Несмотря на предпринятые усилия, на рынке труда Таджикистана сохраняется ряд проблем:

- высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи;
- недостаточный уровень квалификации у многих безработных;
- несоответствие между спросом и предложением на рынке труда;
- теневая занятость.

Решение этих проблем и создание эффективно функционирующего рынка труда в современных условиях требует комплексного подхода, включающего:

- улучшение качества и доступности образования и профессиональной подготовки;
- поддержку предпринимательства и создание новых рабочих мест;
- усовершенствование механизмов регулирования рынка труда и социальной защиты;
- привлечение инвестиций и развитие промышленности;
- содействие международному сотрудничеству в сфере занятости.

Последнее из перечисленных направлений «содействие международному сотрудничеству в сфере занятости» предполагает развитие миграционных процессов с другими странами, одной из которых является Россия. Миграционные процессы способствуют успешному решению проблем рынка труда в Таджикистане, т. к. позволяют снизить безработицу, повысить квалификацию рабочей силы, усилить социальную защиту населения и, как следствие, создать условия для устойчивого экономического роста и процветания. В этой связи государственное регулирование рынка труда играет ключевую роль в формировании конкурентоспособной экономики и обеспечении социальной защиты населения. Государственная стратегия развития рынка труда Республики Таджикистан до 2030 г.² утвержденная правительством в 2011 г., является важным инструментом в этом процессе [4]. Существенная роль при этом отводится интеллектуальным работникам, занимающимся инновационной деятельностью, что трансформирует миграционную составляющую рынка труда. Формирование рынка труда предполагает признание репутации интеллектуальных работников как особого товара. Мы разделяем позицию авторов, считающих, что «с формированием рынка интеллектуального труда должна быть создана новая система подготовки и повышения квалификации интеллектуальных работников» [5]. Развитие инновационных процессов предполагает наличие интеллектуальной рабочей силы и ее регулирование с учетом организационной структуры инновационного предпринимательства.

Миграционные процессы способствуют реализации Концепции развития продуктивной занятости в Республике Таджикистан на период до 2040 г., утвержденной Постановлением Правительства

¹ Закон Республики Таджикистан О содействии занятости населения (в редакции Закона РТ от 28.12.2005 № 137, от 30.07.2007 № 325, от 31.12.2008 № 472, от 28.06.2011 № 724) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.medt.tj/documents/main/normativno-pravovye-akti/zakonodatelnie-akti/ru/02525-ru.pdf> (дата обращения: 23.11.2024).

² Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: https://medt.tj/documents/main/strategic_national_programm/strategic_national_prog_ru.pdf (дата обращения: 23.11.2024).

Республики Таджикистан от 28.05.2022 № 263¹. В соответствии с этой концепцией численность населения Республики Таджикистан к 2030 г. достигнет 11,5 млн чел. С учетом этого планируется ежегодно создавать 100 тыс. новых рабочих мест. До 2040 г. концепцией предусмотрены направления дальнейшего развития производительной занятости и создания прибыльных рабочих мест. Поскольку более 70% населения страны проживает в сельской местности, ориентированной на сезонные работы, то жители этих районов в поисках постоянной работы часто выезжают в другие страны, одной из которых является Россия. В структуре доходов существенную роль играет заработная плата, поэтому ее рост свидетельствует о положительных социально-экономических изменениях в Республике Таджикистан, что нашло подтверждение в послании Президента Республики: «С 1 июля 2022 года минимальная заработная плата увеличена на 50 процентов и установлена в размере 600 сомони»².

Перспективы развития миграционной составляющей взаимодействия России и Республики Таджикистан

Миграционная составляющая взаимодействия России и Республики Таджикистан в существенной степени определяется уровнем трудового потенциала иностранных работников, приезжающих в Россию.

Основополагающими принципами формирования трудового потенциала мигрантов, наш взгляд, являются:

- обеспечение стандартной занятости мигрантов при сокращении нестандартных ее форм;
- создание условий для расширения привлечения мигрантов в бизнес-экосистемы (Ozon, Wildberries);
- обеспечение непрерывности профессионального образования мигрантов;
- соблюдение трудовой демократии применительно к мигрантам.

Соблюдение данных принципов будет способствовать повышению трудового потенциала мигрантов. При этом, на наш взгляд, целесообразно:

- сосредоточение внимания не только на организационно-экономической эффективности производственных процессов, но и на потребностях мигрантов;
- содействие более широкому участию мигрантов в процессе внедрения усовершенствований, принятии решений, затрагивающих их работу, что повысит ее результативность;
- создание экологических рабочих мест.

Использование трудового потенциала мигрантов происходит в условиях активной цифровизации на всех уровнях управления, поэтому наряду с привлечением низкоквалифицированной рабочей силы возникает потребность в работниках для цифровых рабочих мест.

В условиях высокой степени социально-экономической неопределенности и неустойчивости миграционные процессы затрагивает прекарная занятость, характеризующаяся отсутствием бессрочного трудового договора и гарантии полной рабочей недели, имеющих место при стандартной занятости [2]. Прекарная занятость подразумевает рискованность и непредсказуемость трудовых отношений. В условиях перехода от модели стандартизированной занятости к модели индивидуализированной занятости наблюдается увеличение ее доли, сопровождающееся нестабильностью трудовых доходов, изменением тарифно-квалификационных требований и условий труда.

Как следствие диверсификации и гибкости занятости, прекарная ее форма затрагивает все группы трудовых ресурсов, но степень ее проявления и влияния различна, что обусловлено спецификой трудовой деятельности и наличием источников дохода. Наиболее распространенной среди мигрантов формой прекарной занятости является платформенная. Эта форма занятости нашла отражение

¹ Концепция развития продуктивной занятости в Республике Таджикистан на период до 2040 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=142278(дата обращения: 30.07.2024).

² Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» от 21.12.2021, г. Душанбе [Электронный ресурс]. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/9389/poslanie-prezidenta-tadzhikistana-lidera-natsii-ob-osnovnykh-napravleniyakh-vnutrennei-i-vneshnei-politiki-respubliki> (дата обращения: 24.11.2023).

в ряде публикаций [2; 12; 13]. Хотя на ее тесную взаимосвязь с миграционными процессами прямо не указывалось, но косвенная связь, проявляющаяся в высокой доле мигрантов, охваченных такой формой занятости, получает подтверждение на практике, т. к. способствует снижению издержек производства.

Основным индикатором прекаризации занятости мигрантов является, на наш взгляд, их доход, рассматриваемый во взаимосвязи с прожиточным минимумом. Наряду с ним считаем целесообразным сопоставлять данный индикатор с медианным значением доходов работников аналогичных профессиональных групп, что позволит получить более обоснованную и объективную оценку их положения.

Заключение

Современные вызовы требуют формирования перспектив управления международной миграцией трудовых ресурсов. Мы разделяем позицию авторов, считающих, что «привлечение трудовых мигрантов должно быть встроено в комплексную систему мер и механизмов, направленную на рациональное использование трудовых ресурсов и защиту национальной идентичности человеческого потенциала страны» [9, с. 1689]. Соглашаемся со следующими положительными оценками миграционных процессов: «Экспорт рабочей силы в другие государства снижает давление избыточных трудовых ресурсов на рынке труда в самой стране. В то же время трудовые мигранты, работающие за границей, в процессе труда приобретают новые профессиональные навыки, опыт, знания, которые могут использовать при возвращении на родину, повышая производительность труда в своей стране» [7, с. 140]. Кроме того, подчеркиваем, что важной составляющей успешного взаимовыгодного регулирования миграционных процессов является повышение квалификационного уровня мигрантов, которое достигается путем развития образовательной базы в стране исхода, в данном случае — Республики Таджикистан [11, с. 49].

К полученным результатам относятся следующие выводы. Исследование динамики и структуры трудовых ресурсов за более чем десятилетний период, а также расчет среднегодовых темпов позволили выявить позитивный вектор миграционных процессов. Кроме того, сформированы ключевые факторы, влияющие на миграционную составляющую трудовых ресурсов в России, и сделан вывод о необходимости учитывать усиление этого воздействия в условиях многополярности, трансформации законодательной базы и развития цифровых технологий, что повышает уровень обоснованности принятия решений при управлении трудовыми ресурсами в России.

Выявленные в результате исследования взаимосвязи численности иностранных трудовых мигрантов, минимального размера оплаты труда, среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций позволяют повысить обоснованность принимаемых текущих и прогнозных управленческих решений, касающихся регулирования российского рынка труда.

Усиление позитивного влияния миграционной составляющей взаимодействия России и Республики Таджикистан на обе участвующие в этом процессе стороны возможно, на наш взгляд, при условии, что будут учитываться следующие аспекты.

1. Усиление влияния демографической ситуации на рынок труда.
2. Изменение форм международного сотрудничества и повышение неопределенности.
3. Отставание законодательной и нормативной базы от изменений в социально-трудовой сфере.
4. Изменения миграционной политики.
5. Развитие новых цифровых технологий.
6. Усиление роли мультипрофессиональности.
7. Расширение использования нестандартных форм занятости и проявление прекаризации.

Для успешного принятия управленческих решений при рассмотрении механизмов миграционного взаимодействия России и Республики Таджикистан необходимо учитывать турбулентность во всех областях социально-экономической деятельности, обусловленную сменой технологий и переходом от цифровизации к экономике данных.

Литература

1. *Андреева А. А.* Определение понятий «внешняя трудовая миграция» и «внутренняя трудовая миграция» в рамках социологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 18–20. EDN: TWSGQN
2. *Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Иванова Т. В., Чащина Т. В.* Значимые индикаторы неустойчивой занятости и их приоритетность // Уровень жизни населения регионов России. 2022. № 4. С. 502–520. EDN: KWLGGN. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.4.7
3. *Варданян Р. А.* Методологические аспекты исследования трудовой миграции как механизма устойчивого развития региона // Экономика. Налоги. Право. 2012. № 2. С. 32–39. EDN: TFYEQL
4. *Гоибназарзода С. М.* Функционирование рынка труда Республики Таджикистан в условиях трансформации. Душанбе, 2023. 360 с.
5. *Комилов С. Д.* Проблемы повышения инновационной активности предприятий в Республике Таджикистан // Проблемы современной экономики. 2009. № 1 (29). С. 313–316. EDN: MVTPCF
6. *Магомедов Ш. Д.* Совершенствование и развитие международной миграции трудовых ресурсов на современном этапе развития человечества // Экономика труда. 2024. Т. 11. № 6. С. 857–872. EDN: BWUAAAG. DOI: 10.18334/et.11.6.121095
7. *Павлюк А. В., Кабакова С. С.* Административно-правовое регулирование внешних трудовых миграционных потоков в Российской Федерации // Социально-политические науки. 2017. № 5. С. 135–143. EDN: ZRQQNH
8. *Рыбаковский Л. Л.* Миграционный потенциал. Понятие и критерии оценки // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 29–36. EDN: JVTZBJ
9. *Соболев Э. Н.* Трудовая миграция в России: тенденции, риски, механизмы регулирования // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7. № 7. С. 1689–1704. EDN: CAEDYM. DOI: 10.18334/есsec.7.7.121432
10. *Федоров В. К., Черкасов М. Н., Луценко А. В.* [и др.]. Управление трудовыми ресурсами в инновационных процессах : монография. М. : РИОР: НИЦ ИНФРА-М, 2015. 208 с. ISBN: 9785369013632.
11. *Федченко А. А., Борисова Л. И.* Опыт и перспективы развития российско-таджикского сотрудничества в сфере образования // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. № 1. С. 48–59. EDN: BISYWJ. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-48-59
12. *Федченко А. А., Филомонова И. В.* Доходы от платформенной занятости как инструмент формирования среднего класса // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 1. С. 48–58. EDN: IOWAWI. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_1_5_48_58
13. *Черных Е. А.* Социально-демографические характеристики и качество занятости платформенных работников в России и мире // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 172–187. EDN: MULDYZ. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.11
14. *Юкиш В. Ф.* Миграционные процессы в России: социально-экономические проблемы и следствия : монография. М. : Мир науки, 2022. ISBN: 978-5-907603-44-8. EDN: PEGHWB. URL: <https://izd-mn.com/PDF/49MNNPM22.pdf>

Об авторах:

Федченко Анна Александровна, профессор кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук;
e-mail: faa1711@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9450-3498

Борисова Любовь Ивановна, доцент кафедры финансов и кредита Российско-Таджикского (Славянско-го) университета (Душанбе, Республика Таджикистан), кандидат экономических наук;
e-mail: lyubov@mail.ru

References

1. Andreeva A. A. Definitions of External and Internal Labour Migration in the Framework of the Sociological Research // Theory and Practice of Social Development. 2015. No. 8. P. 18–20. (In Russ.) EDN: TWSGQN
2. Bobkov V. N., Odintsova E. V., Ivanova T. V., Chashchina T. V. Significant Indicators of Precarious Employment and Their Priority // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2022. Vol. 18. No. 4. P. 502–520. (In Russ.) EDN: KWLGGN. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.4.7
3. Vardanyan R. A. Methodological Aspects of the Study of Labor Migration as a Mechanism for Sustainable Development in the Region // Economics. Taxes. Law. 2012. No. 2. P. 32–39. (In Russ.) EDN: TFYEQL
4. Goibnazarzoda S. M. Functioning of the Labor Market of the Republic of Tajikistan in Conditions of Transformation. Dushanbe, 2023. 360 p. (In Russ.)
5. Komilov S. D. Problems of Raising the Enterprises' Innovation Activity in the Republic of Tajikistan // Problems of Modern Economics. 2009. No. 1 (29). P. 313–316. (In Russ.) EDN: MVTPCF
6. Magomedov Sh. D. Improvement and Development of International Labor Migration at the Present Stage of Human Development // Labor Economics. 2024. Vol. 11. No. 6. P. 857–872. (In Russ.) EDN: BWUAAAG. DOI: 10.18334/et.11.6.121095
7. Pavlyuk A. V., Kabakova S. S. Administrative and Legal Regulation of External LABOR Migration Flows in the Russian Federation // Sociopolitical Sciences. 2017. No. 5. P. 135–143. (In Russ.) EDN: ZRQQHX
8. Rybakovsky L. L. Migration Potential. The Term and Evaluative Criteria // Sociological Studies. 2009. No. 2. P. 29–36. (In Russ.) EDN: JVTZBJ
9. Sobolev E. N. Labor Migration in Russia: Trends, Risks and Regulatory Mechanisms // Economic Security. 2024. Vol. 7. No. 7. P. 1689–1704. (In Russ.) EDN: CAEDYM. DOI: 10.18334/ecsec.7.7.121432
10. Fedorov V. K., Cherkasov M. N., Lutsenko A. V. [et al.]. Labor Management in Innovative Processes : monograph. Moscow : RIOR: SIC INFRA-M, 2015. 208 p. ISBN: 9785369013632. (In Russ.)
11. Fedchenko A. A., Borisova L. I. Experience and Prospects for the Development of Russian-Tajik Cooperation in the Field of Education // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 48–59. (In Russ.) EDN: BISYWJ. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-48-59
12. Fedchenko A. A., Filimonova I. V. Online Working Platforms Income as a Tool for Shaping Middle Class // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2024. Vol. 20. No. 1. P. 48–58. (In Russ.) EDN: IOWAWI. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_1_5_48_58
13. Chernykh E. A. Socio-demographic Characteristics and Quality of Employment of Platform Workers in Russia and the World // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2021. Vol. 14. No. 2. P. 172–187. (In Russ.) EDN: MULDYZ. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.11
14. Yukish V. F. Migration Processes in Russia: Socio-economic Problems and Consequences : monograph. Moscow : World of Science, 2022. ISBN: 978-5-907603-44-8. (In Russ.) EDN: PEGHWB. URL: <https://izd-mn.com/PDF/49MNNPM22.pdf>

About the authors:

Anna A. Fedchenko, Professor of Department of Psychology and Human Capital Development of Financial University at Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economy);
e-mail: faa1711@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9450-3498

Lyubov I. Borisova, Associate Professor of Department of Finance and Credit of Russian-Tajik (Slavic) University (Dushanbe, Republic of Tajikistan), PhD in Economics;
e-mail: lyubov@mail.ru

Особенности интеграционных усилий Ирана в торговых связях с Россией

Козырев А. С.

Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; Торговое представительство Российской Федерации в Исламской Республике Иран, Тегеран, Иран

e-mail: kozyrevmail@mail.ru

ORCID: 0009-0008-5357-598X

РЕФЕРАТ

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к интеграционным процессам в Евразии и их влиянием на международные торговые отношения, особенно в контексте взаимодействия России и Ирана. В условиях глобальных геоэкономических вызовов интеграционные усилия Ирана в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) становятся важным фактором, способствующим развитию внешнеэкономических связей. Новизна исследования обусловлена применением различных эконометрических методов к исследованию торговли и интеграции Ирана и России.

Цель. Исследование влияния процесса интеграции Ирана в экономику ЕАЭС и ШОС на внешнеторговые связи России и Ирана.

Задачи. Задачами исследования являются: расчет индекса торговой комплементарности для оценки взаимной дополняемости профилей торговли Ирана, России и их торговых партнеров, изучение экономических показателей ЕАЭС и ШОС с целью более глубокого понимания процесса интеграции Ирана в экономику региона и последствий этого процесса для торговли Ирана и России, а также разработка эконометрической модели торговли для оценки влияния различных факторов, в особенности связанных с интеграцией, на оборот торговли России с Ираном и другими странами.

Методы. Использованы методы эконометрического моделирования международной торговли с применением гравитационного подхода, расчет индекса комплементарности и описательная статистика.

Результаты и выводы. Результаты демонстрируют низкий уровень торговой комплементарности между профилями торговли России и Ирана, что может указывать на слабый потенциал развития торговли. Тем не менее торговля России и Ирана находится на низкой стадии развития, и существует значительный потенциал для роста в различных областях. Успешные усилия Ирана по интеграции в ЕАЭС, заключение Временного соглашения, ведущего к образованию зоны свободной торговли, а также Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Ираном стали важными стимулами для роста товарооборота и реализации имеющегося потенциала. Эконометрические расчеты показывают, что заключение соглашений о свободной торговле и преференциальных торговых соглашений может привести к кратному росту товарооборота между Россией и Ираном.

Ключевые слова: интеграция, международная торговля, Россия, Иран, ЕАЭС, ШОС, торговая комплементарность, эконометрическое моделирование, зона свободной торговли

Для цитирования: Козырев А. С. Особенности интеграционных усилий Ирана в торговых связях с Россией // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 4. С. 42–54.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-42-54>. EDN: YJYBGJ

Features of Iran's Integration Efforts in Trade Relations with Russia

Aleksei S. Kozyrev

Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation;
Trade Representation of the Russian Federation in the Islamic Republic of Iran, Tehran, Iran

e-mail: kozyrevmail@mail.ru

ORCID: 0009-0008-5357-598X

ABSTRACT

The relevance of this research is determined by the growing interest in integration processes in Eurasia and their impact on international trade relations, particularly in the context of the interaction between Russia and Iran. In the face of global economic challenges, Iran's integration efforts within the framework of the Eurasian Economic Union (EAEU) and the Shanghai Cooperation Organization (SCO) become a significant factor contributing to the development of foreign economic ties. The novelty of the study lies in the application of various econometric methods to the analysis of trade and integration between Iran and Russia.

Aim. The purpose of this study is to study the impact of Iran's integration process into the economies of the EAEU and SCO on the foreign trade relations between Russia and Iran.

Tasks. The objectives of the research include calculating the trade complementarity index to assess the mutual complementarity of the trade profiles of Iran, Russia, and their trading partners, analyzing economic data and indicators of EAEU and SCO integration to gain a deeper understanding of Iran's integration process into the regional economy and its implications for trade between Iran and Russia, as well as developing an econometric trade model to evaluate the influence of various factors, particularly those related to integration, on the trade turnover between Russia and Iran and other countries.

Methods. The methods employed include econometric modeling of international trade using a gravity approach, calculating the trade complementarity index, and descriptive statistics.

Results and Conclusions. The results demonstrate a low level of trade complementarity between the trade profiles of Russia and Iran, which may indicate a weak potential for trade development. Nevertheless, trade between Russia and Iran is at a low stage of development, and there is significant potential for growth in various areas. Iran's successful efforts to integrate into the EAEU, the conclusion of a Temporary Agreement leading to the establishment of a free trade zone, and the Free Trade Agreement between the EAEU and Iran have become important incentives for increasing trade turnover and fulfilling existing potential. Econometric calculations show that the conclusion of free trade agreements and preferential trade agreements could lead to a multiple increase in trade turnover between Russia and Iran.

Keywords: Integration, international trade, Russia, Iran, EAEU, SCO, trade complementarity, econometric modeling, free trade zone

For citation: Kozyrev A. S. Features of Iran's Integration Efforts in Trade Relations with Russia // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 4. P. 42–54. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-42-54>. EDN: YJYBGJ

Введение

В условиях глобальных геополитических изменений и усиления санкционного давления на отдельные государства вопросы региональной экономической интеграции приобретают особую актуальность. Иран, обладающий значительным экономическим и геостратегическим потенциалом, активно ищет пути для укрепления своих позиций на международной арене и диверсификации внешнеэкономических связей. Одним из ключевых направлений является интеграция в евразийские экономические структуры, такие как Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Торгово-экономические отношения между Ираном и Россией имеют давнюю историю и являются важным фактором стабильности и развития региона. Однако существующие ограничения, связанные с санкционными режимами и инфраструктурными барьерами, препятствуют полной реализации потенциала двусторонней торговли. В этом контексте интеграционные усилия Ирана в Евразии представляются перспективным инструментом для снятия барьеров и расширения торговых связей с Россией.

Интеграция Ирана в ЕАЭС открывает новые возможности для углубления экономических отношений между странами. ЕАЭС, объединяющий ряд постсоветских государств под эгидой экономического сотрудничества, предоставляет платформу для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Вступление Ирана в эту организацию может способствовать усилению торговых потоков, снижению тарифных и нетарифных барьеров и укреплению взаимного доверия в экономической сфере.

В условиях санкционного давления на Иран и Россию экономическое сотрудничество между этими странами приобретает особую значимость. Для Ирана сотрудничество с ЕАЭС и Россией открывает возможности для диверсификации внешнеэкономических связей и снижения зависимости от западных рынков. Для России и других стран ЕАЭС Иран представляет собой важного партнера, способного обеспечить доступ к обширному рынку и ключевым ресурсам. В этом контексте заключение соглашения о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Ираном можно рассматривать как важный шаг на пути к укреплению экономической стабильности и развитию взаимовыгодного сотрудничества в регионе. Интеграция Ирана в зону свободной торговли ЕАЭС представляет собой важный элемент в стратегии экономического развития и сотрудничества в Евразийском регионе.

С другой стороны, активное участие Ирана в ШОС, где Россия также является одним из ключевых членов, открывает дополнительные перспективы для многостороннего сотрудничества. Однако между ЕАЭС и ШОС существует определенная конкуренция за влияние в регионе, что накладывает свой отпечаток на процессы интеграции и взаимодействия стран-участниц.

Данное исследование позволит не только понять текущие тенденции в торговых отношениях Ирана и России, но и определить перспективы их развития в условиях усиливающейся интеграции в Евразии.

Методы

В данной статье для анализа внешнеторговых связей используются различные эконометрические и статистические методы, в частности, такие как расчет индекса торговой комплементарности и линейная регрессионная модель, основанная на гравитационном подходе. Кроме того, для анализа количественных данных применяются методы описательной статистики.

Индекс торговой комплементарности (Complementarity Index, CI) — это мера, используемая для оценки степени, в которой две или более экономики дополняют друг друга в международной торговле. Индекс рассчитывается на основе данных о структуре торговли между двумя странами или регионами и определяет, насколько взаимодополняемы их экспортные и импортные товаропотоки. Индекс рассчитывается по формуле (1):

$$CI_{igj} = \left\{ \frac{\sum_g (M_{jg}/M_j) - (X_{ig}/X_i)}{2} \right\} \quad (1), \text{ где}$$

CI_{igj} — индекс торговой комплементарности (complementarity index);

M_{jg} — импорт товара g в страну j ;

M_j — общий объем импорта страны j ;

X_{ig} — экспорт товара g страной i ;

X_i — общий объем экспорта страны i .

Индекс принимает значение от 0 до 1. Чем выше индекс торговой комплементарности между двумя странами, тем больше потенциал для взаимной выгоды от торговли между ними. Например, если

одна страна специализируется на производстве сельскохозяйственной продукции и нуждается в импорте бытовой техники, то она может выиграть от торговли со страной, не богатой земельными ресурсами и импортирующей зерно, но экспортирующей, например, телевизоры. Недостатком индекса является его слабая способность к выявлению потенциала внутриотраслевой торговли [7].

Индекс торговой комплементарности может использоваться для анализа торговых потоков, формирования торговых стратегий и оценки потенциала для развития торговых отношений между различными экономиками. Индекс позволяет определить, насколько две страны дополняют друг друга в торговле. На основе этой информации страны могут принимать решения о том, с какими партнерами им следует развивать торговые отношения, чтобы максимизировать взаимные выгоды [5].

Использование индекса торговой комплементарности также помогает оценить, насколько успешно две страны могут взаимодействовать в рамках преференциального торгового соглашения или зоны свободной торговли. Если экспортные структуры стран дополняют друг друга, то торговые соглашения могут способствовать более эффективному использованию ресурсов и расширению торговых потоков. Более высокие значения индекса могут указывать на наличие потенциала для увеличения торговли и интеграции в ближайшей перспективе [13].

Для анализа потенциала и внешнеэкономических связей России и Ирана в данной статье также применяется эконометрическая модель торговли, разработанная с использованием гравитационного подхода. Гравитационная модель, впервые предложенная Тинбергеном [12], основывается на аналогии с законом всемирного тяготения Ньютона и предполагает, что объем торговли между двумя странами пропорционален произведению их экономических масс (обычно измеряемых ВВП) и обратно пропорционален расстоянию между ними. В рамках этой модели учитываются как экономические, так и географические факторы, влияющие на торговые потоки.

Для эмпирического анализа используется набор статистических данных, включающий информацию о двусторонней торговле между странами за период с 2000 по 2020 г. Основные переменные включают ВВП стран-экспортеров и импортеров, расстояние между экономическими центрами стран, население стран, а также такие переменные, как наличие общих границ и членство в торговых блоках и соглашениях о свободной торговле. Данные были собраны из различных источников, включая Всемирный банк, Международный валютный фонд и базу данных Trademap. Для оценки параметров модели используется метод наименьших квадратов, для расчета модели применены инструменты «Пакета анализа» Microsoft Excel.

Результаты и дискуссия

Значения индекса торговой комплементарности (табл. 1) рассчитаны для десяти стран, среди которых Россия, Иран и их крупнейшие торговые партнеры, включая все страны ЕАЭС, Китай, Германию, Турцию и Объединенные Арабские Эмираты. Индекс рассчитан с использованием базы данных Trademap.org о взаимной торговле стран товарами в соответствии с международной товарной номенклатурой Гармонизированной системы описания и кодирования товаров. В табл. 1 в заглавиях строк указаны страны-экспортеры, а в названиях колонок — страны импортеры, т. к. при рассмотрении значений индекса необходимо учитывать направление товарных потоков.

Значение индекса торговой комплементарности для России в роли экспортера позволяет выделить страны с наибольшей комплементарностью, такие как Китай (значение индекса — 0,4012), Турция (0,3945), Германия (0,3593) и Армения (0,3494), и с наименьшей комплементарностью. Для России-экспортера самый низкий уровень комплементарности из рассмотренных торговых партнеров наблюдается именно с Ираном, что указывает на сравнительно невысокий потенциал экспорта из России в Иран. Тем не менее стоит обратить внимание на низкие значения индекса также для Беларуси (0,1472) и Казахстана (0,2213), торговля с которыми имеет существенные объемы и достаточно высокий уровень диверсификации [4].

Показатели индекса торговой комплементарности для России в роли импортера позволяют выделить три страны, значение индекса для которых значительно выше прочих: Германия (0,7821), Китай

(0,7085) и Турция (0,6244). Высокие значения индекса для этих стран соответствуют их роли в международном разделении труда и специализации на технологических товарах, в которых нуждается Россия. Это в особенности касается Германии и Китая, в то время как Турция, помимо поставок товаров собственного производства, также является перевалочным пунктом, через который в Россию попадают технологические товары, поставка которых может быть ограничена в связи с санкциями [1; 3].

Таблица 1

Индекс торговой комплементарности

Table 1. Complementarity index

СТРАНА		ИМПОРТЕР									
		Россия	Иран	Казахстан	Беларусь	Армения	Кыргызстан	Китай	Германия	Турция	ОАЭ
ЭКСПОРТЕР	Россия	—	0,1238	0,2213	0,1472	0,3494	0,2198	0,4012	0,3593	0,3945	0,3444
	Иран	0,1409	—	0,1504	0,1230	0,2647	0,1202	0,3304	0,2699	0,2322	0,2927
	Казахстан	0,1716	0,1199	—	0,1350	0,2997	0,1663	0,4230	0,2956	0,3191	0,3137
	Беларусь	0,3493	0,1776	0,4211	—	0,4987	0,3048	0,3887	0,4592	0,4348	0,3998
	Армения	0,4144	0,1280	0,4678	0,3843	—	0,2486	0,4333	0,4426	0,4081	0,5528
	Кыргызстан	0,2977	0,0938	0,3216	0,2653	0,3004	—	0,2787	0,3338	0,4400	0,2688
	Китай	0,7085	0,2093	0,6747	0,5916	0,5610	0,3526	—	0,6406	0,5004	0,5043
	Германия	0,7821	0,2224	0,7838	0,7544	0,6791	0,3774	0,5213	—	0,5793	0,5627
	Турция	0,6244	0,2166	0,7039	0,6129	0,6992	0,4141	0,4933	0,6690	—	0,5529
	ОАЭ	0,4404	0,1652	0,4569	0,3972	0,6371	0,3347	0,6127	0,5881	0,5139	—

Источник: рассчитано автором

Индекс торговой комплементарности для Ирана в роли экспортера имеет стабильно невысокие уровни, принимая наивысшее значение для Китая (0,3304), за которым следуют ОАЭ (0,2927) и Германия (0,2699). Наиболее высокий индекс для Ирана-экспортера среди стран ЕАЭС — у Армении (0,2647). Индекс же для остальных стран ЕАЭС принимает очень низкие значения в сравнении с другими парами рассматриваемых стран: 0,1409 для России, 0,1504 для Казахстана, 0,1230 для Беларуси и 0,1202 для Кыргызстана. Весьма низкие значения индекса торговой комплементарности для Ирана в роли экспортера указывают на ограниченный потенциал роста и диверсификации экспорта товаров из Ирана в Россию и в целом в ЕАЭС.

Значения индекса для Ирана в роли импортера отличаются еще более низкими значениями и для всех стран не превышают уровень 0,2224 (Германия). Индекс комплементарности Ирана-импортера со странами ЕАЭС еще ниже: для России он принимает значение 0,1238, для Казахстана — 0,1199, для Беларуси — 0,1776, для Армении — 0,1280, а для Кыргызстана — лишь 0,0938, что является самым низким показателем индекса торговой комплементарности среди всех рассматриваемых.

Такие низкие показатели индекса для Ирана в роли импортера могут быть связаны с закрытостью рынка страны и стремлением к самообеспечению всеми возможными видами товаров, что соответствует принципам иранской доктрины «экономики сопротивления», подразумевающей протекционистскую торговую политику [2; 10]. В то же время, учитывая то обстоятельство, что Иран в настоящее время не состоит в эффективных торговых союзах и даже не является членом Всемирной торговой организации [8], заключение Временного соглашения, а затем и постоянного Соглашение о свободной

торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны, от 25 декабря 2023 г. может привести к уменьшению торговых барьеров со стороны Ирана на беспрецедентном уровне и стать не только стимулом для роста объемов торговли в тех отраслях, которые уже активно взаимодействуют, но и в тех, которые ранее не имели доступа на рынок Ирана ввиду запретительного уровня пошлин и наличия других нетарифных торговых барьеров [6]. Другими словами, заключение Соглашения о ЗСТ может вызвать как эффект отклонения торговли, так и эффект создания торговли, что может впоследствии изменить структуру взаимного экспорта и импорта сторон в сторону большей диверсификации и роста комплементарности.

Руководство Ирана принимает активные меры по развитию регионального сотрудничества, стремясь преодолеть международную изоляцию [11]. Вступление в Шанхайскую организацию сотрудничества в 2023 г., заключение в 2018 г. Временного соглашения, а в 2023 г. Соглашения о свободной торговле с ЕАЭС стали плодами усилий Ирана по интеграции в экономику региона. ШОС, объединяя практически все страны Центральной и Юго-Западной Азии, а также Россию и Китай, оказывает существенное влияние на международный диалог во многих областях, включая безопасность, геополитику и геоэкономику. Членами ШОС являются Индия, Иран, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Пакистан, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Важность этого интеграционного объединения для Ирана определяется составом организации, включающей ряд ключевых партнеров Ирана по внешней торговле, географическим положением участников, по территориям которых проходят ключевые логистические маршруты Азии, а также ролью, которую участники, в особенности Китай, Пакистан, Индия и Россия, играют в обеспечении региональной безопасности [9]. Помимо этого, интерес Ирана к ШОС определяется экономической мощью этого объединения.

Для более глубокого понимания интеграционных процессов в Евразии, в которые одновременно вовлечены и Россия, и Иран, необходимо провести сравнительный анализ экономических показателей ЕАЭС и ШОС. В табл. 2 представлены экономические данные ШОС и ЕАЭС, а также показатели внешнеэкономического сотрудничества между Ираном и странами, входящими в оба объединения. Годовой ВВП ШОС составляет 24,736 трлн долл. США, что составляет 24,52% от мирового производства. Общая численность населения этих стран составляет 3,37 млрд чел., что составляет 42,39% от общего населения планеты. Экспорт товаров и услуг из стран ШОС оценивается в 5,396 трлн долл. США, составляя 17,22% от мирового экспорта, а импорт ШОС оценивается в 4,687 трлн долл. США, что составляет 15,25% от мирового импорта.

С наибольшей долей в совокупном производстве стран ШОС (72,62%) и с высокими экономическими показателями, включая ВВП в текущих ценах по данным 2022 г. в размере 17,963 трлн долл. США и население в размере 1,412 млрд чел., Китай является доминирующим экономическим игроком в этой организации. Обладая ВВП в размере 3,417 трлн долл. США и населением в размере 1,417 млн чел., Индия занимает второе место по доле в экономике ШОС (13,81%). Россия с ВВП в размере 2,24 трлн долл. США и населением в размере 144,24 млн чел. обеспечивает 9,06% совокупного ВВП стран ШОС, также играя значительную роль в экономическом сотрудничестве в рамках организации. Пакистан, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан также вносят свой вклад в экономическое сотрудничество в рамках ШОС, хотя их доли и экономические показатели ниже, чем у Китая, Индии и России: их совокупная доля в ВВП ШОС составляет 2,84%. Иран обладает четвертой по объему ВВП экономикой ШОС, размер его ВВП в 2022 г. составил 0,413 трлн долл. США, население — 88,55 млн чел., а его доля в ВВП организации составила 1,67%.

Иран обладает обширными торговыми связями со странами — участницами ШОС: в 2022 г. Иран импортировал из стран ШОС товары на общую сумму в 20,873 млрд долл. США, что составило 35,5% от его совокупного импорта, а его экспорт в страны ШОС в 2022 г. оценивался в 27,068 млрд долл. США, что составило 33,5% от его общего экспорта. Сальдо торгового баланса Ирана со странами ШОС в 2022 г. в целом оставалось положительным, с профицитом в размере 61,95 млрд долл. США, при этом дефицит торгового баланса наблюдался в торговле с Россией и Индией.

Таблица 2

Экономические данные ЕАЭС и ШОС и внешняя торговля Ирана с участниками объединений
 Table 2. Economic data of the EAEU and SCO and Iran's foreign trade with the member states of these unions

Страна, интеграционная организация	ВВП, трлн долл. США	Доля в мировом производстве, %	Население, млн чел.	Доля в мировом населении, %	Экспорт товаров и услуг, млрд долл. США	Доля в мировом экспорте, %	Импорт, млрд долл. США	Доля в мировом импорте, %	Импорт в Иран, млн долл. США	Доля в иранском импорте, %	Экспорт из Ирана, млн долл. США	Доля в иранском экспорте, %	Торговый баланс, млн долл. США
Члены		Доля в ШОС, %		Доля в ШОС, %		Доля в ШОС, %		Доля в ШОС, %					
ШОС	24,74	24,52	3370,16	42,39	5395,46	17,22	4687,00	15,25	20872,537	35,50	27067,768	33,50	6195,231
Китай	17,96	72,62	1412,18	41,90	3714,25	68,84	3137,59	0,67	15562,15	26,50	22425,53	27,70	6863,38
Индия	3,42	13,81	1417,17	42,05	778,55	14,43	903,46	0,19	2693,24	4,60	1887,79	2,30	-805,44
Россия	2,24	9,06	144,24	4,28	631,55	11,71	349,17	0,07	1525,86	2,60	691,90	0,90	-833,95
Иран	0,41	1,67	88,55	2,63	110,88	2,06	102,47	0,02	—	—	—	—	—
Пакистан	0,37	1,51	235,82	7,00	39,52	0,73	84,32	0,02	781,18	1,30	1362,81	1,70	581,63
Казахстан	0,23	0,91	19,62	0,58	94,22	1,75	59,38	0,01	146,92	0,30	188,12	0,20	41,21
Узбекистан	0,08	0,32	35,65	1,06	21,92	0,41	35,62	0,01	75,35	0,10	290,89	0,40	215,55
Кыргызстан	0,01	0,05	6,97	0,21	2,25	0,04	9,80	0,00	6,46	0,00	70,18	0,10	63,73
Таджикистан	0,01	0,04	9,95	0,30	2,33	0,04	5,18	0,00	81,39	0,10	150,53	0,20	69,14
ЕАЭС	2,57	2,55	182,84	2,30	784,16	2,50	470,44	0,02	1725,60	3,00	1335,30	1,70	-390,30
Члены		Доля в ЕАЭС, %		Доля в ЕАЭС, %		Доля в ЕАЭС, %		Доля в ЕАЭС, %					
Россия	2,24	87,18	144,24	78,89	631,55	80,54	349,17	0,74	1525,86	2,60	691,90	0,90	-833,95
Казахстан	0,23	8,77	19,62	10,73	94,22	12,01	59,38	0,13	146,92	0,30	188,12	0,20	41,21
Беларусь	0,07	2,83	9,23	5,05	46,38	5,91	42,13	0,09	33,50	0,10	15,33	0,00	-18,17
Армения	0,02	0,76	2,78	1,52	9,76	1,24	9,95	0,02	12,87	0,00	369,76	0,50	356,89
Кыргызстан	0,01	0,45	6,97	3,81	2,25	0,29	9,80	0,02	6,46	0,00	70,18	0,10	63,73
Мир	100,88	—	7950,95	—	31341,07	—	30734,96	—	—	—	—	—	—

Источник: составлено автором по данным ITC Trade Map (<https://www.trademap.org/>) и World Development Indicators Database

Китай, будучи крупнейшим торговым партнером Ирана, обеспечивает самые крупные доли в иранском импорте (26,5%) и экспорте (27,7%). Импорт товаров из Китая в Иран в 2022 г. составил 15,562 млрд долл. США, а экспорт — 22,426 млрд долл. США, при этом в торговле с Китаем Иран обладает положительным сальдо торгового баланса в размере 6,863 млрд долл. США.

Индия входит в число важнейших торговых партнеров Ирана, однако ее доли в иранском импорте (4,6%) и экспорте (2,3%) гораздо ниже, чем у Китая. Импорт товаров из Индии в Иран в 2022 г. составил 2,693 млрд долл. США, экспорт в Индию — 1,888 млрд долл. США, а дефицит сальдо торгового баланса в торговле с Индией достиг 805,444 млн долл. США.

Россия также является одним из важнейших торговых партнеров Ирана, тем не менее уступая Китаю и Индии по объему товарооборота с Ираном. Доля товаров из России в иранском импорте составила в 2022 г. 2,6%, а в экспорте — лишь 0,9%. Иран импортировал из России товары на сумму 1,526 млрд долл. США, а экспорт иранских товаров в Россию составил 692 млн долл. США, то есть торговый баланс с Россией Иран свел с дефицитом в размере 833,95 млн долл. США.

Пакистан, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан также играют свою роль в иранской внешней торговле, хотя их доли в иранском импорте и экспорте намного меньше, чем у трех главных торговых партнеров. При этом торговый баланс Ирана в торговле с каждой из этих стран сводится с профицитом.

Таким образом, данные о внешней торговле участников Организации указывают на важность экономического сотрудничества Ирана со странами ШОС, при этом экономический вес Ирана и его доля в региональных торговых потоках сравнительно невелика на фоне других участников организации. Вместе с тем существует потенциал для дальнейшего углубления экономических связей участников ШОС с Ираном. Китай, Индия и Россия являются ключевыми торговыми партнерами Ирана в рамках ШОС, при этом Китай играет ведущую роль как в иранском импорте, так и в экспорте. В то же время Иран прилагает усилия по поддержанию и расширению торговых отношений с другими странами ШОС, что способствует поддержанию его экономической безопасности.

Стратегия Ирана предполагает углубление сотрудничества как с ШОС, так и с ЕАЭС, однако вступление в зону свободной торговли ЕАЭС может иметь гораздо более значительный экономический эффект для обеих сторон, что обусловлено достигнутым в ЕАЭС более высоким уровнем экономической интеграции. Заключение Соглашения о свободной торговле между Ираном и Евразийским экономическим союзом является значимым шагом на пути региональной интеграции Исламской Республики. Сотрудничество с ЕАЭС открывает перед Ираном новые экономические возможности, расширяет для него доступ на рынки стран — участниц Союза и дает стимул сотрудничеству в области транзита и инвестиций. Несмотря на то что совокупный экономический вес стран ЕАЭС гораздо ниже, чем у стран ШОС, достигнутая степень интеграции между странами Союза находится на гораздо более высоком уровне: страны ЕАЭС активно торгуют друг с другом, предприятия связаны исторически производственными связями и цепочками поставок, развита общая трансграничная транспортная инфраструктура, в рамках Союза созданы постоянно действующие органы управления совместной экономической политикой. Заключение Соглашения о свободной торговле с ЕАЭС открывает и перед Ираном возможности по более глубокой интеграции. При этом ШОС, находясь на более низкой ступени интеграции, чем ЕАЭС, даже приняв Иран в свои полноправные члены, не дает ему сравнимых с ЕАЭС торгово-экономических преференций в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Однако стоит отметить, что ШОС является одной из важнейших в Азии площадок для межгосударственного диалога.

Текущее состояние и перспективы сотрудничества между ЕАЭС и Ираном помогут оценить данные об экономике ЕАЭС и его торговле с Ираном. Годовой ВВП ЕАЭС в текущих ценах, по данным 2022 г., составил 2,569 трлн долл. США, обеспечив 2,55% мирового производства. Суммарное население стран ЕАЭС составляет 182,84 млн чел. или 2,3% от всего населения планеты. Экспорт товаров и услуг из стран ЕАЭС в остальные страны мира оценивался в 2022 г. в 784,16 млрд долл. США, что составило 2,5% от мирового экспорта, а импорт в страны ЕАЭС составил 470,44 млрд долл. США, или 1,53% мирового импорта.

По сравнению с ШОС совокупный ВВП ЕАЭС меньше практически в десять раз, 2,569 трлн долл. США против 24,736 трлн долл. США, а доля в мировом производстве составляет 2,55% против 24,52%. Безусловным экономическим лидером ШОС является Китай, обеспечивающий 72,62% ВВП Организации. Население стран ЕАЭС также гораздо меньше по сравнению с населением стран ШОС (182,842 млн чел. против 3,37 млрд чел.): членами ШОС являются две наиболее населенные страны мира — Индия и Китай. В совокупности эти данные указывают на то, что объем внутреннего рынка ЕАЭС в разы уступает объему рынка стран ШОС, и даже рынку Китая в отдельности. Страны ШОС обеспечивают 35,5% импорта товаров в Иран и являются получателями 33,5% иранского экспорта, в то время как страны ЕАЭС обеспечивают лишь 3% импорта в Иран и 1,7% экспорта из Ирана.

Россия, являясь доминирующим участником ЕАЭС, с наибольшей долей в ВВП (87,18%), населении (78,89%), экспорте (80,54%) и импорте (74,22%) Союза, обеспечивает и большую часть товарооборота с Ираном: доля России в иранском импорте в 2022 г. составила 2,6%, а в экспорте товаров из Ирана — 0,9%. Казахстан занимает второе место в ЕАЭС по всем этим показателям, со значительными долями в ВВП (8,77%), населении (10,73%), экспорте (12,01%) и импорте (12,62%), также обеспечивая вторую по размеру долю в товарообороте между ЕАЭС и Ираном. Беларусь, Армения и Кыргызстан обладают значительно меньшими долями в экономике ЕАЭС по сравнению с Россией и Казахстаном.

ЕАЭС, хотя и не имеет такого же экономического веса, как ШОС, все же является важной интеграционной организацией, играющей свою роль в экономике региона. Страны — члены ЕАЭС активно сотрудничают в экономической сфере, достигая заметных успехов в области интеграции, что способствует их совместному прогрессу и устойчивости. При этом глубина интеграции в ЕАЭС значительно превосходит степень интеграции стран ШОС, что делает Союз привлекательным партнером для Ирана и других стран региона.

В последние годы Иран достиг крупных успехов на пути евразийской интеграции. Необходимо отметить значительную роль поддержки со стороны российского руководства в достижении Ираном прогресса в интеграционном процессе как в рамках ЕАЭС, так и ШОС. При этом очень высокой важностью обладает вопрос о том, какой эффект может оказать интеграция Ирана в ЕАЭС и ШОС на экономику и внешнюю торговлю России.

Эффективным методом оценки и прогнозирования потенциала внешней торговли России с Ираном и другими странами, а также изучения влияния различных факторов на оборот торговли России с его внешнеторговыми партнерами является многофакторная эконометрическая модель, разработанная с использованием гравитационного подхода.

Модель представлена в логарифмированной форме (2) и имеет следующий вид:

$$\ln Y = \beta_0 + X_1 \ln \beta_1 + X_2 \ln \beta_2 + \dots + X_n \ln \beta_n + \varepsilon \quad (2), \text{ где}$$

ε — случайная ошибка, а $\beta_1 - \beta_n$ — коэффициенты регрессии.

Независимой (прогнозируемой) переменной в данной модели является оборот внешней торговли России (Y) со страной-партнером по внешней торговле в млн долл. США в номинальном выражении в ценах 2022 г. Рассматривается влияние следующих факторов:

- GDP_j — ВВП страны-партнера по внешней торговле в 2022 г. в фиксированных ценах 2015 г., трлн долл.;
- $COM.B$ — наличие общих границ;
- POP_j — население страны-партнера по внешней торговле;
- $DIST_{ij}$ — расстояние между экономическими центрами;
- $FTA.PTA$ — участие двух стран в соглашении о ЗСТ или преференциальном торговом соглашении, фиктивная качественная переменная, принимающая значение 1 для пары стран, являющихся членами торгового объединения, и 0 — для стран, не входящих в торговое соглашение.

Модель оценена на основе 160 наблюдений в логарифмированном виде, коэффициенты и регрессионная статистика представлены в табл. 3.

Таблица 3

Коэффициенты модели и регрессионная статистика

Table 3. Model coefficients and regression statistics

Коэффициенты		Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Y-пересечение	18,11305	3,453539	5,244779	5,09E-07
ln(GDP _j)	1,407449	0,136328	10,32398	2,56E-19
COM.B	2,058177	0,755544	2,7241	0,007193
ln(POP _j)	0,197226	0,15343	1,28545	0,200565
ln(DIST _{ij})	-1,33321	0,42263	-3,15455	0,001933
FTA.PTA	2,241609	0,837463	2,676666	0,008241
Регрессионная статистика				
Множественный R		0,831477392		
R-квадрат		0,691354653		
Нормированный R-квадрат		0,681333701		
Стандартная ошибка		2,337022294		
Наблюдения		160		
Дисперсионный анализ				
Регрессия	F		Значимость F	
	68,99090999		1,47319E-37	

Источник: составлено автором с использованием пакета анализа MS Excel

Таким образом, уравнение модели (3) имеет вид:

$$\ln Y = 18,113 + 1,407 \ln GDP_j + 0,197 \ln POP_j - 1,333 \ln DIST_{ij} + 2,242 FTA.PTA + 2,058 COM.B \quad (3).$$

Выводы регрессионной статистики и дисперсионного анализа данной эконометрической модели торговли в целом указывают на статистическую значимость коэффициентов и высокую степень связи между факторами модели и зависимой переменной. Множественный коэффициент детерминации (R), указывающий на силу и направление связи между независимыми и зависимой переменными, равен 0,831477, что означает, что около 83% вариации зависимой переменной (оборот внешней торговли) объясняется независимыми переменными в рассматриваемой модели. R-квадрат (коэффициент детерминации) составляет 0,691355, что означает, что около 69% дисперсии зависимой переменной объясняется данной моделью. Нормированный R-квадрат корректируется на количество предикторов в модели. В данном случае он составляет 0,681334, что также указывает на сильную связь между зависимой переменной и рассмотренными предикторами.

Дисперсионный анализ (ANOVA) показывает степень, в которой независимые переменные объясняют изменчивость зависимой переменной. Значимость F-статистики (68,99091) указывает на то, что модель в целом является статистически значимой при уровне значимости менее 0,05. Это указывает на наблюдаемую связь между независимыми и зависимой переменными в модели.

Рассмотрение p-значений и t-статистики позволяет сделать вывод о значимости всех коэффициентов модели кроме ln(POP_j), статистическая значимость которого не подтверждается на уровне значимости 0,05.

Коэффициенты модели позволяют сделать вывод о сильной зависимости объема торговли от факторов, таких как:

- наличие общей границы, которое способствует снижению транспортно-логистических издержек и упрощает деловые контакты;
- членство в двустороннем или многостороннем соглашении о свободной торговле, что говорит о важности устранения тарифных и нетарифных барьеров и прочих издержек торговли для достижения целей по развитию международной торгово-экономической кооперации.

Коэффициенты регрессии позволяют сделать не только качественные выводы, но и дать количественную оценку влияния исследуемых факторов на торговлю. Наибольший интерес представляют коэффициенты такой переменной, как участие в торговых соглашениях и зонах свободной торговли (FTA.РТА). Учитывая, что модель была рассчитана в лог-линейной форме, а переменная FTA.РТА является фиктивной, для интерпретации значения этого коэффициента необходимо использовать формулу (4):

$$R = (e^{\beta} - 1) * 100 \% \quad (4), \text{ где}$$

R — процентное изменение Y при изменении значения фиктивной переменной с 0 на 1;
 β — коэффициент переменной x .

Таким образом, вычисления в соответствии с формулой выше показывают, что наличие общей границы способствует увеличению торговли в среднем в 6,8 раза, а участие в преференциальном торговом соглашении или зоне свободной торговли с Россией может привести к увеличению оборота торговли в 8,4 раза.

Закключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что, несмотря на низкие показатели индекса торговой комплементарности Ирана как импортера и экспортера, указывающие на ограниченный потенциал развития двусторонней торговли с Россией и другими странами Евразийского экономического союза, имеются значительные возможности для роста торговых связей. Текущие объемы торговли между Ираном и странами ЕАЭС остаются незначительными, и даже имеющийся потенциал слабо реализован вследствие международной изоляции Ирана, санкций и протекционистской торговли политики Исламской Республики.

Однако правительство Ирана предпринимает активные меры по развитию регионального сотрудничества, стремясь преодолеть международную изоляцию. Вступление в Шанхайскую организацию сотрудничества в 2023 г., подписание Временного соглашения в 2018 г. и Соглашения о свободной торговле с ЕАЭС в 2023 г. являются результатами целенаправленных усилий Ирана по интеграции в экономику региона.

Интеграция в ЕАЭС обладает наибольшим потенциалом для развития двусторонней торговли между Ираном и Россией. Уже наблюдается увеличение торгового оборота вследствие заключения Временного соглашения с ЕАЭС и ожидается ускорение роста товарооборота после вступления в силу Соглашения о свободной торговле. Модель международной торговли, представленная в статье, подтверждает эффективность интеграционных процессов и демонстрирует, что участие в преференциальных торговых соглашениях или зонах свободной торговли с Россией может привести к кратному увеличению объемов товарооборота между странами.

Таким образом, несмотря на существующие ограничения, интеграционные усилия Ирана в Евразии, особенно в контексте сотрудничества с ЕАЭС, создают благоприятные условия для укрепления торговых связей с Россией. Реализация данного потенциала требует дальнейших совместных усилий по устранению

барьеров в торговле и продвижению экономической интеграции, что может существенно повысить уровень двустороннего сотрудничества и способствовать экономическому развитию региона в целом.

Результаты исследования представляют интерес для разработки эффективных управленческих решений в области международного сотрудничества и внешнеторговой деятельности, направленных на оптимизацию экспортно-импортных операций и укрепление экономических связей. Кроме того, полученные данные могут быть интегрированы в образовательные программы магистратуры и аспирантуры, способствуя подготовке специалистов в области международной экономики и внешнеэкономической политики.

Литература

1. Зуев В. Н., Островская Е. Я., Левченко В. А. Роль Турции и Китая в системе внешнеэкономических приоритетов России в условиях санкций // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2024. № 1. С. 149–175. EDN: IYDPON. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-07
2. Кожанов Н. А. Между развитием, ростом и выживанием: о некоторых особенностях модели социально-экономического развития Ирана на современном этапе // Международная аналитика. 2023. Т. 14. № 1. С. 72–91. EDN: JXLDQQ. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-1-72-91
3. Крыгина И. Е. Логистические маршруты параллельного импорта // Вектор экономики. 2023. № 1 (79). URL: <http://vectoreconomy.ru/images/publications/2023/1/worldconomy/Krygina.pdf> (дата обращения: 25.07.2024). EDN: XVLIAU
4. Мадиярова Д. М., Терлецкий М. В. Взаимная товарная торговля России со странами ЕАЭС в условиях глобальной трансформации XXI века // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. Т. 235. № 3. С. 345–356. EDN: SBXJAO. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-235-3-345-356
5. Мигранян А. А. Методологические аспекты оценки экономической эффективности зон свободной торговли ЕАЭС с Вьетнамом // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 3. С. 150–161. EDN: YSDUGX
6. Новиков М. В., Землянская С. В. Соглашения о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Ираном: тенденции, проблемы и перспективы развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2022. Т. 24. № 4. С. 163–178. EDN: NAXCNI. DOI: 10.15688/ek.jvolvsu.2022.4.14
7. Пылин А. Г. К вопросу об оценке торговых эффектов соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 1. С. 144–155. EDN: YPNCLD. DOI: 10.24411/2073-6487-2018-00025
8. Hosseini E., Rafiee H., Rostamzadeh Z. & Aminizadeh M. The Effect of Membership in Trade Agreements on Iran's Agricultural Bilateral Trade Balance // Journal of Agricultural Economics Research. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 93–107 (На арабском яз.) DOI: 10.30495/jae.2023.28591.2273
9. MacHaffie J. The Shanghai Cooperation Organization and Conflict De-escalation: Trust Building and Interstate Rivalries. Trust Building and Interstate Rivalries. London : Routledge, 2023. 178 p. DOI: 10.4324/9781003353119
10. Sa'adat Mehr M. Exploring Barriers to Realizing Resistance Economics in Iran // Matalaat-e Wahdat-e Domain and University. 1, 1, 1402. P. 1–18. (На арабском яз.)
11. Saraswat D. Iran's Look East Policy Under Ebrahim Raisi: Tracing the Rise of a Middle Power // Strategic Analysis. 2024. Vol. 48. No. 3. P. 211–228. DOI: 10.1080/09700161.2024.2369392
12. Tinbergen J. Shaping the World Economy: Suggestions for an International Economic Policy. NY : Twentieth Century Fund, 1962. 330 p.
13. Zheng Xiaosong, Jia Lijun, Bao Jiawen, Chen Jiao. A Study of Trade Complementarity between China and the Baltic States and Its Development Strategies // Amfiteatru Economic Journal. 2018. Vol. 20. No. 49. P. 788–803. DOI: 10.24818/EA/2018/49/788

Об авторе:

Козырев Алексей Сергеевич, аспирант Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), консультант экономического отдела Торгового представительства Российской Федерации в Исламской Республике Иран (Тегеран, Иран);
e-mail: kozyrevmail@mail.ru; ORCID: 0009-0008-5357-598X

References *проблем*

1. Zuev V. N., Ostrovskaya E. YA., Levchenko V. A. Prioritizing Turkey and China in the Russian Trade Policy after Sanctions // International Organisations Research Journal. 2024. No. 1. P. 149–175. (In Russ.) EDN: IYDPON. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-07
2. Kozhanov N. A. Between Development, Growth and Survival: Some Current Features of Iran's Model of Socio-Economic Development // Journal of International Analytics. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 72–91. (In Russ.) EDN: JXLDQQ. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-1-72-91
3. Krygina I. Y. Parallel Import Logistics Routes // Vector of Economics. 2023. No. 1 (79). (In Russ.) EDN: XVLIAU. URL: <http://vectoreconomy.ru/images/publications/2023/1/worldeconomy/Krygina.pdf> (accessed: 25.07.2024).
4. Madiyarova D. M., Terletskiy M. V. Mutual Commodity Trade of Russia with the EAEU Countries in the Context of the Global Transformation of the XXI Century // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2022. Vol. 235. No. 3. P. 345–356. (In Russ.) EDN: SBXJAO. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-235-3-345-356
5. Migranyan A. A. Methodological Aspects of the Assessment of Economic Efficiency of Free Trade Zones of EAEU with Vietnam // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2017. No. 3. P. 150–161. (In Russ.) EDN: YSDUGX
6. Novikov M. V., Zemlyanskaya S. V. Free Trade Zone Agreements Between the EAEU and Iran: Trends, Problems and Development Prospects // Journal of Volgograd State University. Economics. 2022. Vol. 24. No. 4. P. 163–178. (In Russ.) EDN: NAXCNJ. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2022.4.14
7. Pylin A. G. On the Evaluation of the Trade Effects of the Free Trade Agreement between the EAEU (The Eurasian Economic Union) SRV (The Socialist Republic of Vietnam) // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 1. P. 144–155. (In Russ.) EDN: YPNCLD. DOI: 10.24411/2073-6487-2018-00025
8. Hosseini E., Rafiee H., Rostamzadeh Z. & Aminizadeh M. The Effect of Membership in Trade Agreements on Iran's Agricultural Bilateral Trade Balance // Journal of Agricultural Economics Research. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 93–107. (In Arabic.) DOI: 10.30495/jae.2023.28591.2273
9. MacHaffie J. The Shanghai Cooperation Organization and Conflict De-escalation: Trust Building and Interstate Rivalries. Trust Building and Interstate Rivalries. London : Routledge, 2023. 178 p. DOI: 10.4324/9781003353119
10. Sa'adat Mehr M. Exploring Barriers to Realizing Resistance Economics in Iran // Matalaat-e Wahdat-e Domain and University. 1, 1, 1402. P. 1–18. (In Arabic.)
11. Saraswat D. Iran's Look East Policy Under Ebrahim Raisi: Tracing the Rise of a Middle Power // Strategic Analysis. 2024. Vol. 48. No. 3. P. 211–228. DOI: 10.1080/09700161.2024.2369392
12. Tinbergen J. Shaping the World Economy: Suggestions for an International Economic Policy. NY : Twentieth Century Fund, 1962. 330 p.
13. Zheng Xiaosong, Jia Lijun, Bao Jiawen, Chen Jiao. A Study of Trade Complementarity between China and the Baltic States and Its Development Strategies // Amfiteatru Economic Journal. 2018. Vol. 20. No. 49. P. 788–803. DOI: 10.24818/EA/2018/49/788

About the author:

Aleksei S. Kozyrev, Postgraduate Student of Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); Consultant of Economic Department of Trade Representation of the Russian Federation in the Islamic Republic of Iran (Tehran, Iran); e-mail: kozyrevmail@mail.ru; ORCID: 0009-0008-5357-598X

Каспийский разлом как индикатор глобальных геополитических процессов

Головин В. Г.^{*}, Головина Е. Е.

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Российская Федерация

^{*} e-mail: golovinvg@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-5560-6785

РЕФЕРАТ

Разворачивается новый этап «Большой игры» на евразийском пространстве с участие альянса государств т. н. коллективного Запада. Цели и масштабы противостояния не ограничиваются Центральной Азией, а охватывают всю евразийскую дугу нестабильности. Ареал Каспийского региона рассматривается как осевая зона Евразийского континента, на которой сфокусированы геополитические интересы ведущих экономик и формируется новое пространство мирохозяйственного развития.

Цель. Проанализировать современную геополитическую ситуацию в ареале Большого Каспийского региона, включая центральноазиатское пространство, с точки зрения национальных интересов России.

Задачи. Выявить роль Российской Федерации и обосновать состояние развития геополитических процессов на пространстве евразийской дуги нестабильности.

Методология. В работе использованы общенаучные методы анализа и синтеза, системный и проектный подходы, аналитический, описательный и монографические методы, модели и механизмы пространственного развития.

Результаты. На современном этапе мирохозяйственного развития формируются побудительные мотивы человечества в контексте созидательного развития и выстраивания геополитических процессов в векторе создания более справедливого и многополярного мира. Особая миссия процесса пробуждения отводится России, которая является цивилизационным лидером для самосознания народов мира объективной необходимости глобальной созидательной перезагрузки. В ареале Большого Каспийского региона формируются очертания новой модели мирового порядка на основе консолидации усилий системообразующих и взаимосвязанных международных организаций ШОС, СВМДА (Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии) и БРИКС.

Выводы. Усиление роли нового мирохозяйственного дуэта России и Китая сопровождается глобальными тенденциями позитивного развития в мире как начавшегося процесса формирования «нового интегрального мирохозяйственного уклада».

Ключевые слова: геополитика, пространство, Большой Каспийский регион, Центральная Азия, международные организации, новый миропорядок, международное сотрудничество, партнерство, процесс

Для цитирования: Головин В. Г., Головина Е. Е. Каспийский разлом как индикатор глобальных геополитических процессов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 4. С. 55–65.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-55-65>. EDN: XSWVQH

The Caspian Fault as an Indicator of Global Geopolitical Processes

Vyacheslav G. Golovin*, Ekaterina E. Golovina

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russian Federation

* e-mail: golovinvg@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-5560-6785

ABSTRACT

A new stage of the “Big Game” in the Eurasian space is unfolding with the participation of an alliance of states, the so-called collective West. The goals and scope of the confrontation are not limited to Central Asia, but cover the entire Eurasian arc of instability. The area of the Caspian region is considered as the axial zone of the Eurasian continent, on which the geopolitical interests of the leading economies are focused and a new space of world economic development is being formed.

Aim. To analyze the current geopolitical situation in the area of the Greater Caspian region, including the Central Asian space from the point of view of Russia’s national interests.

Task. To identify the role of the Russian Federation and to substantiate the state of development of geopolitical processes in the space of the Eurasian arc of instability.

Methods. The work uses general scientific methods of analysis and synthesis, system and project approaches, analytical, descriptive and monographic methods, models and mechanisms of spatial development.

Results. At the present stage of world economic development, the motivations of humanity are being formed in the context of creative development and the alignment of geopolitical processes in the vector of creating a more just and multipolar world. A special mission of the awakening process is assigned to Russia, which is a civilizational leader for the self-consciousness of the peoples of the world of the objective need for a global creative reset. In the area of the Greater Caspian region, the outlines of a new model of the world order are being formed based on the consolidation of the efforts of the system-forming and interconnected international organizations of the SCO, CICA and BRICS.

Conclusions. The strengthening of the role of the new world economic duo of Russia and China is accompanied by global trends of positive development in the world as the process of forming a “new integral world economic order” has begun.

Keywords: geopolitics, space, Greater Caspian region, Central Asia, international organizations, new world order, international cooperation, partnership, process

For citation: Golovin V. G., Golovina E. E. The Caspian Rift as an Indicator of Global Geopolitical Processes // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 4. P. 55–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-55-65>. EDN: XSWVQH

Введение

Ареал Каспийского региона (Большого Каспия) как осевой зоны Евразийского континента находится в фокусе мирового сообщества и занимает особое место в современном мирохозяйственном развитии. Геополитическое и экономическое значение региона также определяется реализацией глобальных мегапроектов, включающих развитие международных транспортных коридоров и их инфраструктуры, укрепление экономической и транспортной взаимосвязанности Евразии, запуск МТК «Север — Юг» и др.¹

Современное геополитическое развитие мировых пространств предполагает проведение исследования тенденций формирования региональных объединений и межрегиональных форм сотрудничества [2, с. 166]. Так, расширяющееся пространство можно рассматривать как важный сегмент интеграционного проекта Большого евразийского партнерства. Его геополитическая значимость связана с исто-

¹ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 02.04.2023).

рической сменой мирохозяйственных и технологических укладов и сопровождается глобальными трансформационными преобразованиями. Уникальное географическое положение Волго-Каспийского бассейна дополняется огромным природно-ресурсным и транспортно-логистическим потенциалом, определяющим геоэкономические перспективы развития Евразии и дружественных стран мира.

Состояние евразийской интеграции в ареале Большого Каспия

Согласно теоретическим исследованиям, общепринятое понятие «Каспийский регион» («Прикаспийская пятерка») рассматривается в более широком представлении: «Прикаспийская десятка», «Большой Каспийский регион», «Большой Каспий» как часть общего геополитического евразийского пространства [3, с. 141]. По оценкам отдельных политологов, ареал Большого Каспия представляет собой процесс рождения нового самостоятельного саморазвивающегося мегарегиона [16, с. 143].

Разнородность геополитических интересов на Каспии давно превратила регион в центр «стратегических интересов и приоритетов» [5, с. 35], «зону конкуренции» [13, с. 355] и др. По мнению политолога А. Г. Дугина, «вопрос о Каспии — это центральный вопрос геополитики евразийского единства», «Каспий — это ключ к Евразии, к ее геополитическому созиданию» [6].

В общем виде географическая и геополитическая конфигурация Большого Каспия представлена несколькими категориями государств, региональными международными и неформальными объединениями (Прикаспийский регион), относящихся: а) к постсоветскому пространству (дружественные и недружественные); б) внерегиональные игроки (акторы); в) смешанные и/или их производные (Организация тюркских государств). Среди основных субъектов (см. табл.) выделим Содружество Независимых Государств (СНГ, 08.12.1991); Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ, 15.05.1992); Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС, 10.10.2000), преобразованное в Евразийский экономический союз (ЕАЭС, 29.05.2014); Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС, 15.06.2001) [3, с. 142].

Следует отметить, что на этом пространстве стран Центральной Азии (ЦАС) функционировал Центральноазиатский союз (САУ, с 1994 по 2004 г.). В настоящее время страны Прикаспийского региона (СПР) представляют неформальное объединение, которое ассоциируется с подписанием Конвенции о правовом статусе Каспийского моря от 12.08.2018 (не ратифицирована Исламской Республикой Иран). Активно укрепляются политические и экономические связи в межправительственной Организации тюркских государств (ОТГ) в Центральной Азии. При этом возникают объективные противоречия между блоками НАТО (Турция и Венгрия) и ОДКБ (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан).

Свод аналитических данных свидетельствует о политической и социально-экономической неоднородности постсоветских государств (СНГ) в части расширения сотрудничества и вступления в Евразийский экономический союз.

Приведенная группировка также подтверждает доминирующее влияние на пространстве СПР и ЕАЭС двух пар сопряженных государств в масштабе: а) Евразийского экономического союза — России и Казахстана; б) стран Прикаспийского региона — России и Ирана [2, с. 173], что подчеркивает их взаимосвязанность. При этом за период функционирования ЕАЭС только Молдова, Куба и Узбекистан получили статус государств — наблюдателей Союза. Другие постсоветские страны Каспийского региона (Азербайджан и Туркменистан) и Центральной Азии (также Туркменистан и Таджикистан) по политическим соображениям не входят в данный Союз, хотя Иран проводит активную политику о сотрудничестве, он является участником временного соглашения ЕАЭС о свободной торговле и завершил переговоры по созданию полноценной зоны свободной торговли.

В настоящее время Центральноазиатский регион и Закавказье можно рассматривать как геополитическую (евразийскую) дугу нестабильности, которая по определению профессора В. Н. Колотова представляет собой геополитический феномен, отражающий «сложившийся баланс сил между основными претендентами на осуществление верховного контроля над геополитическими и экономическими процессами в Евразии» [8, с. 29]. Соответственно, в условиях глобальной регионализации взаимно

обусловленные процессы определяются разнообразием интеграционных форм взаимодействия от региональных до глобальных [14, с. 63].

Таблица

Состав государств и международных организаций на пространстве Большого Каспия
Table. Composition of States and international organizations in the Greater Caspian area

Страны \ Организации	СПР	СНГ	ЕАЭС	ЦАС	ОДКБ	ШОС	ОТГ
Страны Прикаспийского региона							
Азербайджан	X	X	–	–	–	X*	X
Иран	X	–	–	–	–	X	–
Казахстан	X	X	X	X	X	X	X
Россия	X	X	X	–	X	X	–
Туркменистан	X	X**	–	X	–	–	X*
Страны постсоветского пространства							
Армения	–	X	X	–	X	X*	–
Беларусь	–	X	X	–	X	X*	–
Кыргызстан	–	X	X	X	X	X	X
Молдова	–	X	X*	–	–	–	–
Таджикистан	–	X	–	X	X	X	–
Узбекистан	–	X	X*	X	–	X	X
Основные внерегиональные акторы							
Индия	–	–	–	–	–	X	–
Китай	–	–	–	–	–	X	–
Пакистан	–	–	–	–	–	X	–
Турция	–	–	–	–	–	X*	X
Саудовская Аравия	–	–	–	–	–	X*	–

Источник: составлено согласно авторским исследованиям [2, с. 167; 4, с. 161]

Примечание: *Страны-наблюдатели/партнеры. **Ассоциированные члены

На этом пространстве доминирующее положение занимает Шанхайская организация сотрудничества (см. табл.), в составе которой представлены все страны СНГ за исключением Туркменистана (как нейтрального государства) и Молдовы, что свидетельствует о ее значимости и участии ведущих экономик Евразии как центра формирования нового мирохозяйственного и технологического укладов. Безусловным экономическим лидером ШОС является КНР, а военно-политическими — Россия и Китай.

В рамках евразийской дуги нестабильности усиливается влияние Турецкой Республики и Организации тюркских государств, в состав которой вошел Туркменистан как страна-наблюдатель.

Традиционно глобальным внерегиональным актором коллективного Запада выступают США, предпринимающие попытки расширения своего присутствия и влияния на государства Евразийского континента. В частности, не снимается с повестки вопрос создания подконтрольной «энергетической дуги» на пространстве Каспийский регион — Центральная Азия — Средний Восток, обеспечивающей более половины запасов углеводородов в мире [9].

Таким образом, с момента распада СССР геополитическое пространство Большого Каспийского региона продолжает расширяться, усиливается влияние внерегиональных акторов на основе новых методов давления и противостояния.

Геополитическое противостояние на евразийском пространстве

Противостояние «западной цивилизации» (Великобритании и США) с Советским Союзом и Российской Федерацией продолжается более 220 лет [10, с. 121]. По оценкам З. Бжезинского, на начальном этапе

становления современной России ее «господство в Центральной Азии миновало» [1, с. 94] и влияние за регион стало распределяться между Россией, Турцией и Ираном [Там же, с. 134]. Неслучайно появился геополитический проект идеологической направленности «Большая Центральная Азия», который под видом обеспечения региональной безопасности был направлен на экономическую и инфраструктурную изоляцию региона от Ирана, Китая и России [15, с. 76] и создание политических систем, «поддерживающих позитивные отношения с США»¹.

По экспертным оценкам, в России продолжительное время отсутствовала внятная идеологии развития, она ориентировалась на либерально-демократическую модель западного общества. Региональная российская политика в Центральной Азии носила ситуативный характер и не имела долгосрочных ориентиров [11, с. 23].

США и глобалистские элиты рассматривают Россию как главного цивилизационного противника [7], поэтому используют различные инструменты в противостоянии коллективного Запада с симпатизирующими государствами, обладающими субъектностью и независимостью.

Широкое распространение в мире получили цветные революции как набор инструментов для смены политических режимов, направленных на организацию экономических и политических кризисов, массовых антиправительственных протестов, вооруженных мятежей. События «арабской весны» сопровождалась гражданскими войнами и вмешательством международных сил, зачастую носили идеологический характер.

Неудачная попытка России интегрироваться в глобальное сообщество в 90-е годы XX в. [7] изменила мировоззрение российского общества. Секретарь Совета Безопасности РФ Н. П. Патрушев в своем интервью «Российской газете» от 27.03.2023 отмечает «стремление властей США сохранить за собой главенствующую роль в мире», которому мешают великие державы: Россия и Китай. Попытка продления Западом военного противостояния связана с главной целью — поражением России на поле боя и ее дальнейшим расчленением².

Для обострения международных отношений достаточно привести масштабные факты «челночной дипломатии» высокопоставленных чиновников стран коллективного Запада практически во все государства мира. Так, визит государственного секретаря США Э. Блинкена в Центральную Азию был направлен на попытку «сдерживания агрессии России», оказание поддержки политики реформ и территориальной целостности стран региона и содействия в развитии торговых отношений³. Очевидно, что скрытая цель визита — формирование новых геополитических интересов США в регионе.

Геополитика глобального политического пробуждения

Великое пробуждение рассматривается как восстание человечества против правящих либеральных элит и начинается с многополярности, являющейся главным ориентиром и источником этой стратегии [7]. Процесс пробуждения также можно связать с банкротством существующей либеральной модели западной демократии в целом или «неприемлемостью» гегемонистской политики США, с обнищанием огромных масс населения, иными негативными факторами глобальной цивилизации. З. Бжезинский еще в 2004 г. предупреждал американское правительство о риске «ее отождествления с несправедливой моделью глобализации», которая «может вызвать мировую реакцию, ведущую к появлению нового антиамериканского кредо» [1, с. 283]. «В наш век всеобщего политического пробуждения и общей международной уязвимостиот преобладающего общественного мнения» [там же, с. 211] ключевыми проблемами будут являться «пробуждение самосознания» и «рост политической активности этнических

¹ Улуян А. «Большая Центральная Азия»: Геополитический проект или внешнеполитический инструмент? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.geopolitics.ru/2012/10/bolshaya-centralnaya-aziya-geopoliticheskij-proekt-ili-vneshnepoliticheskij-instrument/> (дата обращения: 25.03.2023).

² Полное интервью Николая Патрушева: США придется возвращать похищенные у соседей земли, а помогать сохранять им целостность нам теперь нецелесообразно [Электронный ресурс]. 27.03.2023. URL: <https://aftershock.news/?q=node/1227551&full> (дата обращения: 30.03.2023).

³ С кнотом и пряником. Смыслы и оценки визита государственного секретаря США Энтони Блинкена в Центральную Азию [Электронный ресурс]. URL: <https://caspien.institute/product/direkciya-mezhdunarodnyh-programm-kisi/s-knutom-i-pryanikom-smysly-i-ocenki-vizita-gossekreteryasha-ehntoni-blinkena-v-centralnuyu-aziyu-38410.shtml> (дата обращения: 07.03.2023).

групп» [Там же, с. 245]. Следует признать, что предсказания З. Бжезинского сбылись в части ответственности США за «несправедливую модель глобализации» и «как Америка определит и будет проводить в жизнь политику глобализации» [Там же, с. 283].

Неслучайно в Указе Президента РФ от 31.03.2023 № 229 заложено положение о заинтересованности Российской Федерации в поддержании стратегического паритета, мирном сосуществовании с США и установлении баланса интересов между Россией и США в зависимости от степени готовности США к отказу от политики силового доминирования¹.

Затянувшийся процесс СВО на Украине сопровождается национальным пробуждением и ростом самосознания российского общества, но и подтолкнул политические элиты Европейского союза к объединению (в целях сохранения прежнего статуса) и масштабному санкционному давлению². Однако нарастают противоречия и раскол в странах коллективного Запада между народом и элитами, между политическими и определенными кругами экономических элит. В любом случае основным бенефициаром геополитического и геоэкономического противостояния является США. Посредством принудительных мер воздействия, угроз и шантажа, манипуляцией сознанием отдельных социальных групп и народов Соединенные Штаты продолжают обеспечивать собственное глобальное доминирование, невзирая на статус противников, соперников или партнеров, в т. ч. стран ЕС.

По мнению А. В. Картунова, кризис пандемии COVID-19 (2020 г.) обострил противостояние между США и Китаем, он может дать странам Юга некоторые позитивные возможности, но в большей мере это будет связано с негативными последствиями, которые усиливают системный кризис [12, с. 6].

Глобальный Юг бросает вызов Северу, позволяющий предположить, что в какой-то момент США и Китаю для своего развития придется объединить усилия с целью создания пригодных для жизни условий на территории слабо развитых стран³, обезопасив себя от геополитических и экономических потрясений. Экспертное социально-политическое прогнозирование позволяет сделать выводы о возможности преодоления цивилизационного разрыва между Севером и Югом при условии перехода международной системы на принципиально новый, более высокий уровень глобального управления [Там же, с. 7].

Побудительным мотивом данного перехода можно считать процесс массового неконтролируемого пробуждения, которого «больше всего боится мировая правящая элита»⁴.

Обновленная концепция внешней политики Российской Федерации № 229 от 31.03.2023, ее базовые принципы, стратегические цели, приоритетные задачи и направления во внешнеполитической сфере бесспорно можно отнести к побудительным мотивам глобального политического пробуждения в мире. Представляется, что Россия осознала свою историческую и цивилизационную миссию и выступила лидером построения многополярной международной системы. Вероятно, основываясь на аналогичных постулатах, философ и политолог А. Г. Дугин в своей работе «Манифест великого пробуждения» выявил закономерность, что «особая миссия процесса пробуждения отводится России, которая является цивилизационной основой и сигналом для самосознания всеми народами мира» [7].

Самосознание политического пробуждения достаточно сложный и противоречивый процесс, который исходит как от национальных элит, так и социальных групп и народов. Так, например, президент Казахстана К.-Ж. Токаев, выступая на пленарном заседании XXV Петербургского международного экономического форума, заявил о необходимости укрепления потенциала Евразийского экономического союза, включая партнерские отношения между Казахстаном и Россией. При этом он отметил, что на России лежит «особая ответственность — и за безопасность государств СНГ, за их успешное раз-

¹ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 02.04.2023).

² Youngs R. The Awakening of Geopolitical Europe? [Электронный ресурс] // Carnegie Europe. 28.07.2022. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2022/07/the-awakening-of-geopolitical-europe?lang=en¢er=europe> (дата обращения: 25.03.2023).

³ Помозова Н. Биполярность «Восток — Запад» и разлом «Север — Юг» в международных отношениях XXI в. [Электронный ресурс]. 30.08.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/africa/bipolyarnost-vostok-zapad-i-razlom-sever-yug-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-xxi-v/> (дата обращения: 16.03.2023).

⁴ Мейер П. Б. Началось великое пробуждение [Электронный ресурс]. 20.09.2019. URL: <https://unworld.ru/konspirologiya/piter-b-mejer-nachalos-velikoe-probuzhdenie/> (дата обращения: 26.03.2023).

вите», «чтобы граждане наших государств положительно смотрели на Россию, уважали Российскую Федерацию»¹. Такой подход, по-видимому, включает в себя двусмысленное содержание. Фактически возникают односторонние российские финансовые и военно-политические «обязательства» как за региональную безопасность, так и за экономическое развитие взамен «добротного» отношения со стороны стран СНГ, хотя подобные «неэквивалентные» отношения не всегда соблюдаются последними.

Наиболее показательным является пример политического пробуждения между враждующими государствами. При посредничестве Китая Саудовская Аравия и Иран договорились о восстановлении дипломатических отношений². Данное решение можно связать с цепной реакцией по нормализации международных отношений в арабском мире на Ближнем Востоке и потеплением взаимоотношений с Сирией³, возможностью восстановления статуса в Лиге арабских государств. Указанные события являются знаковыми для всего мира и Евразии, когда страны — ведущие экспортеры углеводорода начинают сотрудничать и переходят на новый уровень политических взаимоотношений, в т. ч. против США и коллективного Запада.

Не менее значительным событием можно считать коллективную позицию глобального Юга по снижению на 2024 г. квоты ОПЕК+ по добыче нефти еще на 1,4 млн б/с. Кроме того, добровольные ограничения девяти стран продлятся на весь 2024 г., что окажет негативное влияние на экономическое развитие стран «коллективного Запада»⁴. Особенность данного геополитического пробуждения состоит в консолидации международных усилий государств (политических и экономических элит), которые выступают за признание главенства международного права и усиление его роли в мире⁵.

Таким образом, процесс пробуждения как диффузионное движение тесно связан с началом перезагрузки международных отношений, а период системного кризиса может стать временем «созидательного разрушения» [12, с. 33].

Глобальная созидательная перезагрузка

Процесс перезагрузки может сопровождаться геополитическими и геоэкономическими, конструктивными, деструктивными и иными видами влияния.

В последние годы в Центральноазиатском регионе проходили глобальные международные события. В рамках Самаркандского саммита ШОС (15–16.09.2022) произошла консолидация экономической политики стран, входящих в организацию. Укрепление международных связей закреплено в основополагающих документах: комплексный план действий на 2023–2027 гг. по реализации положений договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств — членов ШОС; концепция государств — членов ШОС по развитию взаимосвязанности и созданию эффективных транспортных коридоров; меморандум об обязательствах Ирана по получению статуса государства — члена ШОС; а также в начале процесса приема Республики Беларусь в члены ШОС, в предоставлении статуса партнера по диалогу ШОС Мальдивской Республике, Бахрейну, Объединенным Арабским Эмиратам, Республике Союз Мьянма и Государству Кувейт.

На полях шестого Саммита Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в Астане (13.10.2022) под председательством Президента К.-Ж. Токаева также состоялись первая встреча глав государств в формате «Центральная Азия — Россия» и заседание Совета глав государств — участников СНГ. Вклад Казахстана и предстоящие перспективы развития СВМДА явились

¹ Владимир Путин принимает участие в пленарном заседании юбилейного, XXV Петербургского международного экономического форума [Электронный ресурс]. 17.06.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения: 26.03.2023).

² Ближневосточная сенсация: Китай помирил заклятых врагов [Электронный ресурс]. 10.03.2023. URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/03/10/blizhnovostochnaya-sensaciya-kitay-pomiril-zaklyatykh-vragov.html> (дата обращения: 28.03.2023).

³ Семенов К. Новые альянсы: почему Саудовская Аравия решила помириться с Сирией [Электронный ресурс]. 28.03.2023. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/486716-novye-al-ansy-pocemu-saudovskaa-aravia-resila-pomirit-sa-s-siriej> (дата обращения: 02.04.2023).

⁴ Страны ОПЕК+ договорились об объеме добровольного сокращения добычи [Электронный ресурс]. 03.04.2023. URL: <https://www.rbc.ru/business/03/04/2023/642abe119a79475cc9463c8e> (дата обращения: 03.04.2023).

⁵ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 02.04.2023).

приоритетным основанием избрания республики на новый срок председательства в 2022–2024 гг. Астанинское заявление о трансформации СВМДА в региональную международную организацию формирует новый этап консолидации стран глобального Юга и современного мироустройства. На предстоящем саммите (Астана-2024) президент Казахстана предложил провести конференцию высокого уровня по проблемам экологии в странах СВМДА, которая может стать основой для создания Совета СВМДА по вопросам сотрудничества в сфере экологии.

По оценкам президента России В. В. Путина, приоритетное внимание следует уделять укреплению системы взаимовыгодного многостороннего сотрудничества на основе сопряжении потенциалов СНГ и ЕАЭС, включая механизмы взаимодействия между Россией и странами Центральной Азии¹.

На пространстве Большого Каспия в качестве системообразующих и взаимосвязанных международных организаций выступают ШОС, СВМДА и БРИКС, в которых представлено значительное количество стран Евразии и мира в целом.

Наряду с расширением (глобализацией) указанных организаций происходит обратный процесс — фрагментация отдельных региональных пространств как процедура локализации политической идентичности [17]. Вероятно, в данном контексте можно оценить новую роль Казахстана в Центральной Азии. С одной стороны, республика приобретает статус лидера континента по трансформации СВМДА в региональную организацию по безопасности и развитию, а с другой — по инициированию создания (по мнению авторов) некоего центральноазиатского сообщества государств [2, с. 161].

Согласно Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 гг., «Казахстану необходимо закрепить статус ответственного участника мирового сообщества, ключевого элемента системы геополитических и геоэкономических координат Евразийского континента, лидирующего государства в регионе Центральной Азии»². В этой связи активизировались интеграционные процессы в регионе. На IV Консультативной встрече пяти глав государств 21.07.2022 было подписано Соглашение о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI в. (Туркменистан и Таджикистан воздержались от присоединения), а также концепция взаимодействия государств региона в рамках многосторонних форматов и дорожная карта развития регионального сотрудничества (2022–2024 гг.).

Указанная позиция объединения ЦАС следует из выступления президента Республики Казахстан К.-Ж. Токаева: «Центрально-Азиатский регион должен стать обширной зоной устойчивого социально-экономического развития, всестороннего сотрудничества, мира и процветания», а важнейшей миссией региона является «наведение мостов между конкурирующими полюсами глобальной политики и экономики»³.

Особенности активных трансформационных процессов в Евразии и в данных организациях вызваны влиянием многочисленных факторов, в т. ч. началом глобальной созидательной перезагрузки. В геополитическом пространстве также расширяются призывы многих стран мира о необходимости всеобъемлющего реформирования Совета Безопасности ООН.

Заключение

На современном этапе мирохозяйственного развития формируются побудительные мотивы человечества в контексте созидательного развития и выстраивании геополитических процессов в векторе создания более справедливого и многополярного мира.

Расширяющееся пространство Большого Каспийского региона рассматривается как важный сегмент интеграционного проекта Большого евразийского партнерства, в ареале которого доминирующее положение занимает Шанхайская организация сотрудничества.

¹ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 02.04.2023).

² Указ Президента Республики Казахстан от 06.03.2020 № 280 «О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы» [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 22.03.2023).

³ Выступление Президента Ж.-К. Токаева на IV Консультативной встрече глав государств Центральной Азии [Электронный ресурс]. 21.07.2022. URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-na-iv-konsultativnoy-vstreche-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-2163148> (дата обращения: 22.11.2022).

Глобальным внерегиональным актором коллективного Запада на пространстве Каспийский регион — Центральная Азия — Средний Восток выступает США. Предпринимаемые попытки расширения своего присутствия на государства Евразийского континента связаны с геополитическими процессами трансформации стран глобального Юга и попыткой экономического влияния на «энергетическую дугу» Евразии.

Политическая ориентация Республики Казахстан на обладание статуса лидирующего государства в регионе Центральной Азии придает стране новую геополитическую и геоэкономическую значимость в мирохозяйственных процессах и в регионе в целом.

В процессе пробуждения человечества особая миссия отводится России, которая является цивилизационным лидером для осознания народами мира объективной необходимости глобальной созидательной перезагрузки.

Литература

1. Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / пер. с англ. М. : Международные отношения, 2005. 288 с. ISBN: 978-5-7133-1377-7.
2. Головина Е. Е. Геополитический и экономический потенциал пространства Евразийского экономического союза и стран Прикаспийского региона // Современная наука и инновации. 2022. № 2 (38). С. 165–177. EDN: KVJFWF. DOI: 10.37493/2307-910X.2022.2.17
3. Головина Е. Е. Каспий как геополитический и экономический проект Большого евразийского партнерства // Астраполис. Т. 11. Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет». 2021. С. 140–145. EDN: QNIRBQ
4. Головина Е. Е., Головин В. Г. Сопряжение стран Евразийского экономического и Центральноазиатского регионов // Современная наука и инновации. 2022. № 4 (40). С. 159–167. EDN: AIYWGL. DOI: 10.37493/2307-910X.2022.4.17
5. Дмитриев А. В., Карабущенко П. Л., Усманов Р. Х. Геополитика Каспийского региона (Взгляд из России). Астрахань : Изд-во АГУ, 2004. 318 с. ISBN: 5-88200-793-3. EDN: QODZFL
6. Дугин А. Г. Геополитика Каспия и ось Москва — Баку // Национальная оборона. 2018. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <https://oborona.ru/pages/mainpage/archive/2018/09/index.shtml> (дата обращения: 28.03.2023).
7. Дугин А. Г. Манифест великого пробуждения [Электронный ресурс]. 03.03.2021. URL: <https://katehon.com/ru/article/manifest-velikogo-probuzhdeniya> (дата обращения: 15.03.2023).
8. Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки : коллективная монография / отв. ред. В. Н. Колотов. СПб. : СПбГУ, Восточный факультет; Изд-во «Студия НП-Принт», 2013. 576 с. EDN: VJEFRD
9. Зонн И., Жильцов С. Россия и США в Центральной Азии и на Кавказе: поиск региональной стабильности // Россия и мусульманский мир. 2003. № 7. С. 62–74. EDN: ESCEQX
10. Козьменко С. Ю. Современной гамбит в евразийской версии «Большой игры» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 4. С. 121–129. EDN: OMSIBS. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-121-129
11. Коротышев А. П., Леушкин Д. В., Сорокин А. С. Роль внерегиональных акторов в формировании новой геополитической реальности Центральной Азии // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2017. № 2. С. 19–32. EDN: YPZDDT. DOI: 10.18101/2305-753X-2017-2-19-32
12. Кортунув А. В. Кризис миропорядка и глобальный Юг: Доклад Российского совета по международным делам (РСМД). Доклад № 59/2020. М. : НП РСМД, 2020. 48 с. ISBN: 978-5-6044164-9-5. EDN: HPYUVN
13. Лебедева Е. В. Каспийский бассейн как источник геополитической конкуренции между США, Россией и Ираном // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 3 (1). С. 355–361. EDN: RAPXGN
14. Леонова О. Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // Век глобализации. 2013. № 1. С. 59–66. EDN: PZUOUP

15. *Маркелов К. А.* Большой Каспий в геополитическом измерении : монография. М. : Экон-Информ, 2020. 198 с. ISBN: 978-5-907233-93-5. EDN: WTOCWK
16. *Маркелов К. А.* Большой Каспий в современных геополитических условиях // Современная наука и инновации. 2022. № 2 (38). С. 139–153. EDN: SYGJQD. DOI: 10.37493/2307-910X.2022.2.16
17. *Agnew J.* Borders on the Mind: Reframing Border Thinking // Ethics & Global Politics. Stockholm, 2008. Vol. 1. No. 4. P. 175–191. DOI: 10.3402/egp.v1i4.1892

Об авторах:

Головин Вячеслав Григорьевич, ведущий научный сотрудник центра стратегических исследований Евразии Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева (Астрахань, Российская Федерация), доктор биологических наук, кандидат экономических наук, доцент;
e-mail: golovinvg@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-5560-6785

Головина Екатерина Евгеньевна, аспирант Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева (Астрахань, Российская Федерация);
e-mail: golovinaeeeasp@gmail.com

References

1. Brzezinski Zb. Choice. Global Domination or Global Leadership / trans. from English. Moscow : International Relations, 2005. 288 p. ISBN: 978-5-7133-1377-7. (In Rus.)
2. Golovina E. E. The Geopolitical and Economic Potential of the Space of the Eurasian Economic Union and the Countries of the Caspian Region // Modern Science and Innovation. 2022. No. 2 (38). P. 165–177. (In Rus.) EDN: KVJFWF. DOI: 10.37493/2307-910X.2022.2.17
3. Golovina E. E. The Caspian Sea as a Geopolitical and Economic Project of the Greater Eurasian Partnership // Astrapolis. Vol. 11. Astrakhan : Publishing House “Astrakhan University”. 2021. P. 140–145. (In Rus.) EDN: QNIRBQ
4. Golovina E. E., Golovin V. G. The Connection of Eurasian Countrieseconomic Union and Central Asian Region // Modern Science and Innovation. 2022. No. 4 (40). P. 159–167. (In Rus.) EDN: AIYWGL. DOI: 10.37493/2307-910X.2022.4.17
5. Dmitriev A. V., Karabushchenko P. L., Usmanov R. H. Geopolitics of the Caspian region (A View from Russia). Astrakhan : Publishing House of ASU, 2004. 318 p. ISBN: 5-88200-793-3 (In Rus.) EDN: QODZFL
6. Dugin A. G. Geopolitics of the Caspian Sea and the Moscow — Baku Axis // National Defense. 2018. No. 9 [Electronic resource]. URL: <https://oborona.ru/pages/mainpage/archive/2018/09/index.shtml> (accessed: 28.03.2023). (In Rus.)
7. Dugin A. G. Manifesto of the Great Awakening [Electronic resource]. 03.03.2021. URL: <https://katehon.com/ru/article/manifest-velikogo-probuzhdeniya> (accessed: 15.03.2023). (In Rus.)
8. The Eurasian Arc of Instability and Regional Security Problems from East Asia to North Africa : collective monograph / ed. by V. N. Kolotov. Saint Petersburg : Saint Petersburg State University, Faculty of Oriental Studies; Publishing house “Studio NP-Print”, 2013. 576 p. (In Rus.) EDN: VJEFRD
9. Zonn I., Zhiltsov S. Russia and the United States in Central Asia and the Caucasus: The Search for Regional Stability // Russia and the Muslim World. 2003. No. 7. P. 62–74. (In Rus.) EDN: ESCEQX
10. Kozmenko S. Yu. The Modern Gambit in the Eurasian Version of the “Great Game” // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. Vol. 16. No. 4. P. 121–129. (In Rus.) EDN: OMSIBS. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-121-129
11. Korotyshchev A. P., Leushkin D. V., Sorokin A. S. The Role of extra-Regional Actors in Shaping the New Geopolitical Reality in Central Asia // BSU Bulletin. Humanities Research of Inner Asia. 2017. No. 2. P. 19–32. (In Rus.) EDN: YPZDDT. DOI: 10.18101/2305-753X-2017-2-19-32

12. Kortunov A. V. The Crisis of the World Order and the Global South: Report of the Russian International Affairs Council (INF). Report No. 59/2020. Moscow : RIAC NP, 2020. 48 p. ISBN: 978-5-6044164-9-5. (In Rus.) EDN: HPYUVN
13. Lebedeva E. V. Caspian Sea as a Source of Geopolitical Competition between the USA, Russia and Iran // Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. 2013. No. 3 (1). P. 355–361. (In Rus.) EDN: RAPXGN
14. Leonova O. G. Global Regionalization as a Phenomenon of the Global World Development // Age of Globalization. 2013. No. 1. P. 59–66. (In Rus.) EDN: PZUOUP
15. Markelov K. A. The Big Caspian in the Geopolitical Dimension : monograph. Moscow : Ekon-Inform, 2020. 198 p. ISBN: 978-5-907233-93-5. (In Rus.) EDN: WTOCWK
16. Markelov K. A. The Great Caspian in Modern Geopolitical Conditions // Modern Science and Innovation. 2022. No. 2 (38). P. 139–153. (In Rus.) EDN: SYGJQD. DOI: 10.37493/2307-910X.2022.2.16
17. Agnew J. Boundaries of the Mind: Rethinking Borderline Thinking // Ethics and global politics. Stockholm, 2008. Vol. 1. No. 4. P. 175–191. DOI: 10.3402/egp.v1i4.1892

About the authors:

Vyacheslav G. Golovin, Leading Researcher of the Center for Strategic Studies of Eurasia of the Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev (Astrakhan, Russian Federation), Doctor of Biological Sciences, PhD in Economics, Associate Professor;
e-mail: golovinvg@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-5560-6785

Ekaterina E. Golovina, PhD Student of the Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev (Astrakhan, Russian Federation);
e-mail: golovinaeeasp@gmail.com

Формирование правовых основ государственных и муниципальных услуг в государствах — участниках СНГ

Сергевнин С. Л.^{*}, Алёхина И. С., Соловьева А. К.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: sergevnin-sl@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Исследование направлено на изучение системы нормативного регулирования общественных отношений в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг в государствах — участниках СНГ.

Цель. Выявить подходы к формированию терминологических основ правового института государственных и муниципальных услуг, определению круга и правового положения участников правоотношений, регулированию порядка предоставления (оказания) государственных и муниципальных услуг.

Задачи. Рассмотреть законодательные подходы, термины, используемые в сфере публичных / сервисных услуг, разработанность темы в научной литературе. Проанализировать нормативные правовые акты государств — участников СНГ в сфере государственных и муниципальных услуг.

Методология. Исследование проводилось с использованием сравнительно-правового, формально-юридического, дедуктивного и системного методов.

Результаты. Исследование показало, что правовое регулирование предоставления государственных и муниципальных услуг осуществляется во всех государствах — участниках СНГ, терминологический аппарат в основном сформировался, при этом отмечается разнообразие используемых дефиниций и подходов по предоставлению услуг, которое проявляется не только в отношении государственных и муниципальных услуг, но и в связи с предоставлением услуг в различных жизненных ситуациях, а также общественных услуг и услуг бизнес-среде. Результаты представлены в виде обобщенных моделей правового регулирования государственных и муниципальных услуг на пространстве СНГ.

Выводы. В настоящее время в законодательстве государств — участников СНГ, несмотря на различные подходы к юридическому инструментарию, а также формированию терминологических основ правового института государственных и муниципальных услуг, определению круга и правового положения участников процесса предоставления (оказания) государственных и муниципальных услуг, регулированию порядка предоставления (оказания) государственных и муниципальных услуг, существуют предпосылки для гармонизации правовых принципов и норм в исследуемой сфере.

Ключевые слова: государственные услуги, муниципальные услуги, публичные услуги, сервисное государство, законодательство о государственных услугах и муниципальных услугах, СНГ

Для цитирования: Сергевнин С. Л., Алёхина И. С., Соловьева А. К. Формирование правовых основ государственных и муниципальных услуг в государствах — участниках СНГ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 4. С. 66–75.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-66-75>. EDN: USAYDY

Formation of the Legal Framework for State and Municipal Services in the CIS Member States

Sergey L. Sergevnin*, Irina S. Alekhina, Anna K. Soloveva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: sergevnin-sl@ranepa.ru

ABSTRACT

The research is aimed at studying the normative legal acts of the CIS member states regulating the provision of state and municipal services in the CIS member states.

Aim. To identify approaches to the formation of terminological foundations of the legal institute of state and municipal services, to the definition of the range and legal position of the participants of legal relations, to the regulation of the order of provision (rendering) of state and municipal services.

Tasks. To consider legislative approaches, terms used in the sphere of public/service services, the development of the topic in scientific literature. To analyze regulatory legal acts of the CIS member states in the sphere of state and municipal services.

Methods. The research was conducted using comparative legal method.

Results. The study has shown that legal regulation of provision of state and municipal services is carried out in all CIS member states, the terminological apparatus is mainly presented, while the diversity of definitions and approaches to the provision of service services, which is manifested not only in relation to state and municipal services, but also in connection with the provision of services in various life situations, as well as public services and services to the business environment, is noted. The results are presented in the form of generalized models of legal regulation of state and municipal services in the CIS.

Conclusions. At present, in the legislation of the CIS member states, despite the different approaches to the formation of the terminological foundations of the legal institution of state and municipal services, the definition of the range and legal status of participants in the process of providing (rendering) state and municipal services, regulating the procedure for providing (rendering) state and municipal services, there are prerequisites for the harmonization of legal principles and norms in the area under study.

Keywords: state services, municipal services, public services, public services, service state, legislation on state services and municipal services, CIS

For citation: Sergevnin S. L. Alekhina I. S., Soloveva A. K. Formation of the Legal Framework for State and Municipal Services in the CIS Member States // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 4. P. 66–75. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-66-75>. EDN: USAYDY

Введение

Правовой институт государственных и муниципальных услуг Содружества Независимых Государств (СНГ) стал внедряться в современную систему права во втором десятилетии XXI в. Курс на реализацию концепции «сервисного» государства ознаменовал собой переход к новой модели взаимодействия государства и личности, что потребовало от законодателей напряженной работы по созданию, по сути, инновационных правовых норм в сфере государственного строительства, местного самоуправления, прав и свобод человека и гражданина. Общее правовое наследие государств — участников СНГ, синхронные и совпадающие по содержанию государственно-правовые реформы, укрепление института гарантий прав и свобод личности обуславливают возможность сближения законодательства этих государств в области организации и предоставления государственных и муниципальных услуг.

Модели терминологических и правовых основ государственных и муниципальных услуг

Опыт государств — участников СНГ в области правового регулирования государственных и муниципальных услуг еще недостаточно исследован в научной юридической литературе. Существуют малочисленные научные работы, в которых авторы проводят сравнительный анализ административно-правового регулирования сферы оказания государственных услуг некоторых стран — участников СНГ (России, Казахстана, Беларуси, Узбекистана и Кыргызстана) [7]; изучают в целом опыт отдельных государств Содружества (России и Азербайджанской Республики [1], Республики Казахстан [8]) либо опыт государств Содружества (Кыргызской Республики, Республики Беларусь, Республики Узбекистан, Республики Казахстан) в сфере оказания отдельных видов государственных услуг, например, регистрационного учета граждан по месту пребывания и по месту жительства с использованием реестровой модели оказания государственных услуг и использования электронных удостоверений личности (ID-карт) [4]; освещают проблемы действия правовых принципов оказания государственных и муниципальных услуг, например, принципа их доступности [13]; электронное правительство и проблемы реализации в государственном управлении Республики Таджикистан [6]; изучают электронное государственное управление в странах СНГ [19], а также современное состояние «электронного правительства» в России и Узбекистане [2].

Научные исследования в данной области не только способствуют выявлению общих проблем в формировании законодательства о государственных и муниципальных услугах на территории СНГ, но и задают основу для эффективного межгосударственного обмена опытом.

Зарождение правового института государственных и муниципальных услуг положило начало развитию в правовой науке государств СНГ теории данного института, формированию его понятийного аппарата и законодательных основ. Одной из проблем, с которой столкнулись ученые, стала выработка точных и приемлемых для использования в законодательстве терминов. Так, «согласно “сервисной” концепции государства, смысл и назначение государства заключается в служении индивиду. Если понимать ее буквально, то любая деятельность государства по взаимодействию с индивидуом оказывается государственной услугой» [15].

В правовой науке пока нет единого термина, обозначающего услугу, оказываемую гражданину государством, муниципальным образованием или субъектом публичной власти, используются самые различные наименования: публичная (государственная или муниципальная) услуга [3, с. 6; 15; 16, с. 10], публичная услуга [11; 12; 15; 18, с. 8]; социальная государственная услуга [15], публично-правовая услуга [5]; административная услуга [10]; административная муниципальная услуга [9], государственная и муниципальная услуга [14] и др. Однако на основе обобщения научных подходов можно сформулировать признаки государственных и муниципальных услуг:

- предоставление услуг осуществляется исключительно по запросу (заявлению, инициированию) гражданина или организации в целях реализации их частного интереса (получения материального или нематериального блага);
- содержание услуги состоит в совершении субъектом публичной власти каких-либо действий или принятии каких-либо решений в отношении гражданина или организации, обратившегося за данной услугой;
- в ходе предоставления услуги субъекты публичной власти реализуют свои функции и полномочия [12, с. 86];
- виды услуг определяются законодательством, в том числе по перечневому (реестровому) принципу;
- услуги оказываются в строгом процессуальном порядке, закрепленном в нормативных правовых актах административно-процедурного характера (административных регламентах).

В государствах — участниках СНГ существуют различные подходы в формировании терминологических и правовых (законодательных) основ государственных и муниципальных услуг. Условно можно выделить следующие четыре модели.

Первая модель связана с закреплением правового института государственных и муниципальных услуг на законодательном уровне. К этой группе государств относятся Кыргызская Республика, Республика Казахстан, Республика Таджикистан, Российская Федерация.

В *Республике Казахстан* общественные отношения в сфере государственных услуг регулируются Законом «О государственных услугах»¹, который не только определяет понятия государственная услуга, услугодатель, услугополучатель, веб-портал «электронного правительства» и др., но и устанавливает принципы оказания государственных услуг, права услугополучателей, права и обязанности услугодателей; регулирует компетенцию правительства, органов, уполномоченных в сфере оценки и контроля качества оказания государственных услуг, в сфере информатизации, а также компетенцию местных исполнительных органов областей, городов республиканского значения, столицы, районов, городов областного значения, акимов районов в городе, городов районного значения, поселков, сел, сельских округов.

Республика Казахстан стала пионером во внедрении и регулировании новых типов услуг. Так, в 2022 г.² появились легальные понятия:

- общественно значимая услуга — государственная услуга, осуществляемая на непрерывной основе и направленная на удовлетворение законных интересов общества;
- проактивная услуга — государственная услуга, оказываемая без заявления услугополучателя по инициативе услугодателя³.

Интерес представляет наделение функциями по приему заявлений на оказание государственных услуг и выдаче их результатов услугополучателю специальных субъектов:

- некоммерческого акционерного общества «Государственная корпорация «Правительство для граждан», которая является провайдером в сфере оказания государственных услуг и организует данную работу;
- партнерских организаций, действующих на основании «партнерского соглашения» с Государственной корпорацией, такими организациями выступают субъекты предпринимательства, соответствующие требованиям и прошедшие отбор уполномоченным органом в сфере оказания государственных услуг.

В *Кыргызской Республике* действует подробный по содержанию Закон «О государственных и муниципальных услугах»⁴. В его статьях раскрываются важнейшие термины: государственная услуга, муниципальная услуга, исполнитель и потребитель государственных и муниципальных услуг, единый реестр государственных услуг, местный реестр муниципальных услуг, «единое окно», стандарт государственной и муниципальной услуги, предоставление государственной или муниципальной услуги в электронной форме, при этом порядок разработки административных регламентов урегулирован Постановлением Правительства Кыргызской Республики⁵.

Действие закона строго ограничено рамками государственного аппарата и не распространяется на сферу предоставления услуг государственными и муниципальными предприятиями, учреждениями, включая государственные высшие учебные заведения, обладающие особым статусом.

Реализация принципа доступности государственных и муниципальных услуг достигается путем развития сети специализированных пунктов доступа, а услуги доступны также в электронной форме посредством Государственного портала электронных услуг.

В *Республике Таджикистан* организационные, правовые и экономические основы государственных услуг установлены в Законе «О государственных услугах»⁶, структура и содержание которого имеют

¹ Закон Республики Казахстан от 15.04.2013 № 88-V «О государственных услугах».

² Закон Республики Казахстан от 14.07.2022 № 141-VII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам стимулирования инноваций, развития цифровизации, информационной безопасности и образования».

³ Первая редакция этого понятия была иной: «государственная услуга, оказываемая в электронной форме, предоставляемая по инициативе субъекта оказания услуг, для оказания которой необходимо обязательное согласие субъекта получения услуги, предоставленное посредством абонентского устройства сотовой связи».

⁴ Закон Кыргызской Республики от 17.07.2014 № 139 «О государственных и муниципальных услугах».

⁵ Постановление Правительства Кыргызской Республики от 16.01.2018 № 26 «О порядке разработки и оптимизации административных регламентов государственных и муниципальных услуг».

⁶ Закон Республики Таджикистан от 02.04.2020 № 1690 «О государственных услугах».

много общего с аналогичными законами уже названных ранее государств. Среди принципов оказания государственных услуг можно выделить наличие принципов неправового характера: недопустимость проявлений бюрократизма и волокиты при их оказании; постоянное совершенствование процесса оказания государственных услуг; экономичность и эффективность при оказании государственных услуг.

Закон содержит точные и лаконичные дефинитивные нормы, в том числе определяет такие специальные понятия, как единый контакт-центр по вопросам оказания государственных услуг, информационная система мониторинга оказания государственных услуг, общественный мониторинг количества и качества оказания государственных услуг; автоматизация и оптимизация процесса оказания государственной услуги, что значительно упрощает понимание правового механизма оказания государственных услуг в Таджикистане. Одним из элементов данного механизма является участие общественности в правовом регулировании государственных услуг, во-первых, на стадии разработки их стандартов посредством публичного обсуждения проектов стандартов с целью учета замечаний и предложений физических и юридических лиц, права, свободы и законные интересы которых затрагиваются данными стандартами, а также на стадии оказания государственных услуг через общественный мониторинг качества оказания государственных услуг, который проводится физическими лицами, некоммерческими организациями по собственной инициативе и за свой счет, а также может проводиться по заказу уполномоченного государственного органа.

В Российской Федерации действует Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»¹, который можно рассматривать как основополагающий акт в этой сфере. Однако постоянное технологическое и организационное совершенствование процесса оказания государственных и муниципальных услуг отражается на стабильности данного закона, в который уже более пятидесяти раз вносились изменения и дополнения. Особенно частым изменениям подвергаются положения, закрепляющие терминологию института государственных и муниципальных услуг, от этого определения понятий становятся тяжеловесными и сложными для правоприменения. Усложняет правоприменение и рамочный характер закона, который предполагает детализацию его норм в актах Правительства Российской Федерации².

Вместе с тем в российском законе есть ряд прогрессивных положений, например, подробное регулирование прав и обязанностей заявителей и органов, предоставляющих государственные и муниципальные услуги; установление порядка создания и деятельности многофункциональных центров; наличие специальных норм о досудебном (внесудебном) обжаловании нарушений порядка предоставления государственных и муниципальных услуг, внедрение предоставления государственных услуг в проактивном режиме.

Благоприятным для граждан и организаций является движение российского законодательства по пути приближения государственных и муниципальных услуг к их потребителям: расширение действия принципа «одного окна», утверждение перечня государственных услуг, которые можно получить независимо от места проживания гражданина или места нахождения организации; наличие у многофункциональных центров возможности привлекать иные организации для территориальной доступности государственных и муниципальных услуг.

Вторая модель действует в Азербайджанской Республике и Республике Армения. Нормативное правовое регулирование государственных и муниципальных услуг в этих государствах осуществляется не на законодательном уровне, а на уровне актов президента или правительства³ и направлено прежде всего на создание правовой базы предоставления населению услуг в электронной форме посред-

¹ Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

² В том числе: О единой системе межведомственного информационного взаимодействия; О разработке и утверждении административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора) и административных регламентов предоставления государственных услуг; Об утверждении Правил организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг и др.

³ Например, Постановления Кабинета Министров Азербайджанской Республики: от 24.11.2011 № 191 (в ред. от 25.08.2022) «Об утверждении «Правил оказания центральными органами исполнительной власти и созданными резидентом Азербайджанской Республики юридическими лицами публичного права электронных услуг по конкретным сферам» и «Перечня видов электронных услуг»; от 24.12.2012 № 318 «Об утверждении «Круга других информационных систем государственных органов, подлежащих интеграции с Информационной системой адресного реестра»; от 01.05.2014 № 118 «Об утверждении «Перечня информационных систем и ресурсов, подлежащих подключению к порталу

ством использования специального портала, организованного на основе принципа «одного окна»¹. Примерами являются: портал «Электронное правительство»² в Азербайджанской Республике, сайт e-gov.am в Республике Армения³.

Наряду с подзаконными актами в данной сфере действует большое количество программно-целевых документов, определяющих планы по развитию системы государственных электронных услуг для граждан⁴ и бизнес-структур⁵. При этом в качестве приоритетных принципов выдвигаются принципы прозрачности правительственной деятельности и объединения всех доступных государственных услуг на одном сайте.

Третья модель сложилась в Республике Беларусь. Согласно этой модели, используется административно-процедурный подход к регулированию государственных услуг. При этом само понятие «государственная и муниципальная услуга» в законодательстве отсутствует, его заменяет термин «административная процедура». В свою очередь, под административными процедурами в соответствии со специальным законом⁶ понимаются действия, совершаемые государственными органами и органами местного самоуправления по заявлению граждан и организаций. Понятийный аппарат сформирован с учетом административно-процессуального подхода и включает определения таких терминов, как уполномоченный орган, заинтересованное лицо, третье лицо, заявление заинтересованного лица, административное решение.

В остальном можно отметить сходство с предыдущими моделями: наличие единого портала электронных услуг; создание службы «одного окна»⁷, утверждение перечней административных процедур, осуществляемых через эту службу⁸, а также исчерпывающих перечней документов или сведений, которые могут быть затребованы от граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц при проведении административных процедур.

Четвертая модель представлена Республикой Узбекистан, где становление законодательных основ правового института государственных услуг происходит в рамках законодательства об электронном правительстве⁹. Подробное регулирование в этой области осуществляется Кабинетом Министров Республики Узбекистан¹⁰, а также уполномоченным органом в области электронного правительства.

«Электронное правительство» и «Технических требований к подключению информационных систем и ресурсов, электронных услуг к portalу «Электронное правительство»».

¹ Например, Постановления Кабинета Министров Азербайджанской Республики: от 24.11.2011 № 191 «Об утверждении «Правил оказания центральными органами исполнительной власти и созданными резидентом Азербайджанской Республики юридическими лицами публичного права электронных услуг по конкретным сферам» и «Перечня видов электронных услуг»; от 24.12.2012 № 318 «Об утверждении «Круга других информационных систем государственных органов, подлежащих интеграции с Информационной системой адресного реестра»; от 01.05.2014 № 118 «Об утверждении "Перечня информационных систем и ресурсов, подлежащих подключению к portalу "Электронное правительство"» и "Технических требований к подключению информационных систем и ресурсов, электронных услуг к portalу "Электронное правительство"».

² Portal «Электронное правительство» Азербайджанской Республики (<https://www.e-gov.az/>).

³ Постановление Правительства Республики Армения от 30.08.2012 № 1104 «Об утверждении внедрения сайта e-gov.am».

⁴ Распоряжение Президента Азербайджанской Республики от 11.08.2010 № 1056 «Об утверждении «Государственной программы по развитию связи и информационных технологий в Азербайджанской Республике на 2010–2012 годы (Электронный Азербайджан)»; от 23.05.2011 № 429 «О некоторых мерах в области организации оказания государственными органами и создаваемыми Президентом Азербайджанской Республики юридическими лицами публичного права электронных услуг»; от 06.12.2016 «Об утверждении стратегических дорожных карт по национальной экономике и основным секторам экономики»; от 03.06.2019 № 718 «О создании «Правительственного облака» (G-cloud) и мерах в сфере предоставления облачных услуг»; от 01.03.2023 «Об электронизации обмена документами между государственными органами (структурами)» и др.

⁵ Приложение к Постановлению Правительства Республики Армения от 19.06.2017 № 646-А «Программа развития Республики Армения».

⁶ Закон Республики Беларусь от 28.10.2008 № 433-З «Об основах административных процедур»; Указ Президента Республики Беларусь от 26.04.2010 № 200 «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан» (в ред. 16.02.2024).

⁷ Указы Президента Республики Беларусь: от 24.05.2018 № 202 «О службе «одно окно», Положение о порядке создания и деятельности службы «одно окно»; от 16.12.2019 № 460 «Об общегосударственной автоматизированной информационной системе»; 31.05.2022 № 188 «О расширении использования государственными организациями информационно-коммуникационных технологий».

⁸ Постановления Совета Министров Республики Беларусь: от 17.02.2012 № 156 «Об утверждении единого перечня административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, внесении дополнения в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14.02.2009 № 193 и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь»; от 17.10.2018 № 740 «О перечне административных процедур, прием заявлений и выдача решений по которым осуществляются через службу «одно окно».

⁹ Закон Республики Узбекистан от 09.12.2015 № ЗРУ-395 «Об электронном Правительстве».

¹⁰ Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 15.09.2017 № 728 «О мерах по совершенствованию порядка оказания электронных государственных услуг через единый портал интерактивных государственных услуг Республики Узбекистан»; Методика оценки каче-

Как известно, электронное правительство основано на использовании информационно-коммуникационных технологий, которые совместно с системой организационно-правовых мер обеспечивают деятельность государственных органов по оказанию услуг физическим и юридическим лицам. Тем самым электронное правительство обеспечивает прохождение всех процессов, связанных с оказанием государственных услуг, в цифровом формате. Одним из элементов данной инфраструктуры являются единые идентификаторы электронного правительства — уникальные коды, которые присваиваются физическим и юридическим лицам, материальным объектам для их идентификации в электронном правительстве.

Рациональным подходом к разграничению электронных государственных услуг является их деление на информационные и интерактивные. Первые направлены на удовлетворение информационных потребностей заявителей и оказываются путем публикации и иного распространения информации о деятельности государственного органа. Вторые — реализуются путем двустороннего электронного взаимодействия между заявителем и государственным органом, оказывающим электронные государственные услуги.

Заключение

В результате анализа законодательства государств — участников СНГ о государственных и муниципальных услугах можно сделать вывод о формировании на пространстве СНГ национальных моделей правового регулирования этой сферы, которые, с одной стороны, характеризуются общностью, а с другой — учитывают особенности организации публичной власти каждого государства.

Общей является отраслевая принадлежность норм о государственных и муниципальных услугах — это отрасли конституционного, административного и информационного права, что, безусловно, может способствовать гармонизации материально-правовых норм о государственных и муниципальных услугах. Не разработанным в полной мере является вопрос о процессуально-правовом регулировании оказания государственных и муниципальных услуг в силу различного понимания в доктрине и законодательстве государств СНГ сущности и содержания административного процесса и административных процедур.

Несмотря на общее движение государств СНГ по пути развития системы электронных государственных и муниципальных услуг, возможности и подходы каждого государства в информационной сфере и в особенности в сфере цифровой трансформации государственно-управленческой деятельности пока не совпадают. В связи с этим данное направление представляется наиболее перспективным как для сближения законодательства, так и для развития и укрепления информационного и технологического сотрудничества государств — участников СНГ.

Большое количество и достаточно высокий уровень качества дефинитивных норм, содержащихся в законах государств СНГ в области государственных и муниципальных услуг, являются предпосылками для сближения терминологического аппарата соответствующего законодательства, что, бесспорно, отразится на гарантиях реализации прав и свобод граждан государств СНГ при осуществлении ими экономической и иной деятельности на пространстве СНГ. В научном плане представляется перспективным создание словаря терминов, используемых в законодательстве государств — участников СНГ о государственных и муниципальных услугах.

В правовом пространстве представляется весьма продуктивной гармонизация сервисного законодательства государств — участников СНГ посредством принятия соответствующего нормативного правового акта в форме модельного закона. Сходство позиций государств СНГ по вопросу о создании и действии реестров государственных и муниципальных услуг может служить отправной точкой для поиска на первом этапе общих подходов к порядку разработки и ведения реестра государственных и муниципальных услуг, в том числе на уровне правительств государств СНГ и органов, уполномо-

ства оказания электронных государственных услуг органов государственного и хозяйственного управления, органов государственной власти на местах и иных организаций, утв. Постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан от 20.10.2016 № 353.

ченных в сфере оказания государственных услуг¹, а далее, на последующих этапах, возможны гармонизация самих перечней государственных и муниципальных услуг (по видам и наименованиям), сближение требований к их стандартам, взаимное признание документов и иных результатов предоставления услуг, полученных гражданином или организацией в ином государстве — участнике СНГ.

Полезными для взаимного обмена опытом между государствами СНГ являются направления, такие как развитие проактивного оказания услуг, предоставление услуг в зависимости от конкретной жизненной ситуации, расширение использования механизмов аутсорсинга на отдельных стадиях оказания государственных и муниципальных услуг.

Литература

1. *Ализаде М. Г.* Административное правовое регулирование предоставления государственных услуг в России и в Республике Азербайджан // Актуальные проблемы развития юридической науки в условиях правовой интеграции : монография. М. : КноРус, 2021. С. 231–244. EDN: MZMGZX.
2. *Алимжанов Д. Р.* Сравнительный анализ современного состояния «электронного правительства» в России и Узбекистане // *Advances in Science and Technology* : сборник статей LVIII международной научно-практической конференции, Москва, 31.01.2024. М. : Актуальность.РФ, 2024. С. 246–248. EDN: JUVFFK.
3. *Бачило И. Л.* Государство социальное или сервисное? (информационно-правовой аспект) // *Право: журнал Высшей школы экономики*. 2010. № 1. С. 3–11. EDN: MBGKCX
4. *Гасанов К. К.* Анализ опыта отдельных государств — участников СНГ в сфере регистрационного учета граждан по месту пребывания и по месту жительства с использованием реестровой модели оказания государственных услуг // *Вестник экономической безопасности*. 2021. № 5. С. 59–64. EDN: IUQMZV. DOI: 10.24412/2414-3995-2021-5-59-64
5. *Душаклова Л. А.* Место государственных услуг в общей системе публично-правовых услуг // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2013. № 11 (42). С. 58–63. EDN: RHJDUD
6. *Иброхимов С. И.* Электронное правительство в государственном управлении Республики Таджикистан: проблемы реализации // *Государство и право в цифровую эпоху : материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб. : С.-Петербург. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России)*, 2022. С. 70–78. EDN: XHFSDW. DOI: 10.47645/9785604755143_70
7. *Кириловский О. В., Плотников А. А.* Сравнительный анализ административно-правового регулирования сферы оказания государственных услуг некоторых стран — участников СНГ // *Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний*. 2023. № 2 (49). С. 143–151. EDN: AMNCTV. DOI: 10.34988/2226-2326.2023.83.41.018
8. *Когамова А. Ш.* Закон Республики Казахстан «О государственных услугах»: ключевые положения, достоинства и слабые стороны // *Евразийский юридический журнал*. 2019. № 1 (128). С. 89–94. EDN: YZFUNV
9. *Козлова Л. С.* Административные муниципальные услуги: понятие, признаки, правовая организация предоставления // *Административное право и процесс*. 2015. № 6. С. 58–61. EDN: TVOVUT
10. *Ларченко Д. А.* Административные услуги как вид публичных услуг // *Конституция и жизнь современного общества : сборник научных статей, Тюмень — Екатеринбург, 06–20.11.2015. Тюмень — Екатеринбург: Цицеро, 2015. С. 110–114. EDN: XFESWN.*
11. *Мицкевич Л. А.* Предоставление публичных услуг как вид государственного управления // *Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт) : сб. статей / под ред. Е. В. Гриценко, Н. А. Шевеловой*. СПб. : ВолтерсКлувер, 2007. С. 21–37. EDN: YQZTYT
12. *Путило Н. В.* Публичные услуги: между доктринальным пониманием и практикой нормативного закрепления (10 лет спустя) // *Журнал российского права*. 2017. № 8. С. 81–92. EDN: WOOTKD. DOI: 10.12737/article_597714e850a8c3.10775309
13. *Сергевнин С. Л., Алехина И. С., Соловьева А. К.* Принцип доступности государственных и муниципальных услуг: правовое регулирование и реализация // *Управленческое консультирование*. 2024 № 5. С. 38–56. EDN: USIQTR. DOI: 10.22394/1726-1139-2024-5-38-56.
14. *Сергевнин С. Л., Алехина И. С., Соловьева А. К.* Право жалобы в процессе получения государственных и муниципальных услуг: правовое регулирование и реализация // *Вестник Московского университета. Серия 11: Право*. 2024. Т. 65. № 3. С. 3–26. EDN: WKJESW. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-65-3-1

¹ См. например: Приказ Министра национальной экономики Республики Казахстан от 20.11.2014 № 98 «Об утверждении Правил ведения реестра государственных услуг».

15. Терещенко Л. К. Услуги: государственные, публичные, социальные // Журнал российского права. 2004. № 10 (94). С. 15–23. EDN: QYUJHX
16. Фадеев В. И. Институт государственных и муниципальных услуг в современном праве РФ : монография / под ред. В. И. Фадеева. М. : Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2018. 208 с. ISBN: 978- 5-91768-698-1.
17. Фалина А. С. Сервисное государство: истоки теории, элементы практики // Социология власти. 2012. № 1. С. 132–140. EDN: РСJHOR
18. Харинов И. Н. Предоставление публичных услуг и защита прав их получателей: административно-правовое исследование : автореф. дисс. Екатеринбург : ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», 2019. 24 с. EDN: PGKNGP
19. Хохлов Ю. Е. Электронное государственное управление в странах СНГ // Информационное общество. 2016. № 4–5. С. 81–91. EDN: XQTWCH

Об авторах:

Сергевнин Сергей Львович, декан, заведующий кафедрой теории и истории права и государства юридического факультета Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;
e-mail: sergevnin-sl@ranepa.ru

Алёхина Ирина Сергеевна, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: alekhina-is@ranepa.ru

Соловьева Анна Константиновна, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: soloveva-ak@ranepa.ru

References

1. Alizade M. G. Administrative Legal Regulation Provision Public Services in Russia and the Republic of Azerbaijan // Actual Problems of Legal Science Development in the Conditions of Legal Integration : monograph / ed. by V. V. Blazheev, M. A. Egorova. Moscow : KnoRus, 2021. P. 231–244. (In Russ.) EDN: MZMGZX
2. Alimzhanov D. R. Comparative Analysis of the Current State of “Electronic Government” in Russia and Uzbekistan // Advances in Science and Technology : collection of articles of the LVIII International Scientific and Practical Conference, Moscow, January 31, 2024. Moscow : LLC Actuality.RF, 2024. P. 246–248. (In Russ.) EDN: JUVFFK
3. Bachilo I. L. Welfare State or State Providing Services? (Information Law Aspect) // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2010. No. 1. P. 3–11. (In Russ.) EDN: MBGKCX
4. Gasanov K. K. Analysis of the Experience of Individual CIS Member States in the Field of Registration of Citizens at the Place of Stay and at the Place of Residence Using the Registry Model of Public Services // Bulletin of Economic Security. 2021. No. 5. P. 59–64. (In Russ.) EDN: IUQMZV. DOI: 10.24412/2414-3995-2021-5-59-64
5. Dushakova L. A. The Place of Public Services in the General System of Public-Law Services // Science and Education: Economy and Eco-Economics; Entrepreneurship; Law and Management. 2013. No. 11 (42). P. 58–63. EDN: RHJDUD.
6. Ibrohimov S. I. Electronic Government in the State Administration of the Republic of Tajikistan: Problems of Implementation // State and Law in the Digital Age: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, Russia, April 27, 2022. P. 70–78. (In Russ.) EDN: XHFSDW DOI: 10.47645/9785604755143_70
7. Klirilovskiy O. V., Plotnikov A. A. Comparative Analysis of Administrative and Legal Regulation of the Sphere of Providing Public Services in Some CIS Countries // Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia. 2023. No. 2(49). P. 143–151. (In Russ.) EDN: AMNCTV. DOI: 10.34988/2226-2326.2023.83.41.018

8. Kogamova A. Sh. Law of the Republic of Kazakhstan “On Government Services”: Key Points, Advantages and Disadvantages // Eurasian Law Journal. 2019. No. 1 (128). P. 89–94. (In Russ.) EDN: YZFUNV
9. Kozlova L. S. Administrative Municipal Services: Concept, Features and Legal Organization of Provision // Administrative Law and Process. 2015. No. 6. P. 58–61. (In Russ.) EDN: TVOVUT.
10. Larchenko D. A. Administrative Services as a Type of Public Services // Constitution and Life of Modern Society: Collection of Scientific Articles, Tyumen — Yekaterinburg, November 6–20, 2015. Tyumen — Yekaterinburg: Cicero, 2015. P. 110–114. (In Russ.) EDN: XFESWH
11. Mitskevich L. A. Provision of Public Services as a Type of Public Administration // Public Services: Legal Regulation (Russian and Foreign Experience) : collection of articles, St. Petersburg, June 30 — January 2006. St. Petersburg : Wolters Kluwer, 2007. P. 21–37. (In Russ.) EDN: YQZTYT
12. Putilo N. V. Public Services: between Doctrinal Understanding and Practice of Normative Consolidation (10 Years Later) // Journal of Russian Law. 2017. No. 8. P. 81–92. (In Russ.) EDN: WOOTKD. DOI: 10.12737/article_597714e850a8c3.10775309.
13. Sergevnin S. L., Alekhina I. S., Soloveva A. K. The Principle of Accessibility of State and Municipal Services: Legal Regulation and Realization // Administrative Consulting. 2024. No. 5. P. 38–56. (In Russ.) EDN: USIQTR. DOI: 10.22394/1726-1139-2024-5-38-56
14. Sergevnin S. L., Alekhina I. S., Soloveva A. K. The Right to Complain When Receiving Government and Municipal Services: Legal Regulation and Implementation // Lomonosov Law Journal. 2024. No. 3. P. 3–26 (In Russ.). EDN: WKJESW. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-65-3-1
15. Tereshchenko L. K. Services: State, Public, Social // Journal of Russian Law. 2004. No. 10 (94). P. 15–23. (In Russ.) EDN: QYUJHX.
16. Fadeev V. I. Institute of State and Municipal Services in the Modern Law of the Russian Federation : monograph / ed. by V. I. Fadeev. Moscow : Yur.Norma, SIC INFRA-M, 2018. 208 p. ISBN: 978-5-91768-698-1
17. Falina A. S. Service State: The Origins of the Theory, the Elements of Practice // Sociology of Power. 2012. No. 1. P. 132–140. (In Russ.) EDN: PCJHOR
18. Kharinov I. N. Provision of Public Services and Protection of the Rights of Their Recipients : abstract of a dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Ekaterinburg, 2019. 24 p. (In Russ.) EDN: PGKNGP
19. Hohlov Yu. E. E-Government Development in the CIS Countries // Information Society. 2016. No. 4–5. P. 81–91. (In Russ.) EDN: XQTWCH

About the authors:

Sergey L. Sergevnin, Dean, Head of the Department of Theory and History of Law and State, Faculty of Law, North-West Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;
e-mail: sergevnin-sl@ranepa.ru.

Irina S. Alekhina, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, North-West Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor;
e-mail: alekhina-is@ranepa.ru.

Anna K. Soloveva, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, North-West Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor;
e-mail: soloveva-ak@ranepa.ru

Инициативное бюджетирование в странах ЕАЭС: правовые основы и практический опыт¹

Болгов Р. В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: rbolgov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4663-8072

РЕФЕРАТ

Цель. В статье определены общие черты и особенности политики и практического опыта инициативного бюджетирования пяти постсоветских стран — членов Евразийского экономического союза (Россия, Беларусь, Казахстан, Армения и Кыргызстан).

Задачи. Привлечена оценка текущей ситуации в этих странах международными организациями. Приводится обзор правовой базы по открытому бюджету и инициативному бюджетированию каждой анализируемой страны. Анализируются модели инициативного бюджетирования, специфичные для стран Евразийского экономического союза.

Методология. Прежде всего, мы анализируем законодательство и стратегические документы, а также ответственные органы. Во-вторых, мы приводим оценку практики стран ЕАЭС международными организациями. В-третьих, мы анализируем модели инициативного бюджетирования, специфичные для стран ЕАЭС. Наконец, делаем выводы по аналогичным проблемам в странах ЕАЭС.

Результаты. Было выявлено, что модель демократии сближения более характерна для России и Казахстана, многостороннее участие более или менее специфично для Кыргызстана и Армении, партиципаторная модернизация подходит для Беларуси. Более того, мы видим, что не существует модели инициативного бюджетирования, специфичной для всех стран ЕАЭС.

Выводы. Можно сделать вывод, что страны ЕАЭС существенно различаются в политике и практике инициативного бюджетирования, а также в рейтингах международных организаций. В то же время отмечается ряд общих моментов.

Ключевые слова: открытый бюджет, инициативное бюджетирование, Евразийский экономический союз, цифровая трансформация, Цифровая повестка ЕАЭС

Для цитирования: Болгов Р. В. Инициативное бюджетирование в странах ЕАЭС: правовые основы и практический опыт // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 4. С. 76–85

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-76-85>. EDN: UGYIZR

Participatory Budgeting in the EAEU Countries: Regulatory Framework and Practical Experience

Radomir V. Bolgov

St. Petersburg State University, ITMO University, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: rbolgov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4663-8072

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20079 «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов» (<https://rscf.ru/project/23-18-20079/>).

ABSTRACT

Aim. The article defines the common features and specifics of the policy and practical experience of participatory budgeting in five post-Soviet member countries of the Eurasian Economic Union (Russia, Belarus, Kazakhstan, Armenia and Kyrgyzstan).

Tasks. The assessment of the current situation in these countries by international organizations is used. The effectiveness of the legal framework for open budget and participatory budgeting in each analyzed country is revealed. Participatory budgeting models specific to the countries of the Eurasian Economic Union are analyzed.

Methods. First of all, we analyze the legislation and strategic documents, as well as the responsible bodies. Secondly, we provide an assessment of the practice of the EAEU countries by international organizations. Thirdly, we analyze the participatory budgeting models specific to the countries of the Eurasian Economic Union. Finally, we draw conclusions on similar problems in the EAEU countries.

Results. It was revealed that the model of convergence democracy is more typical for Russia and Kazakhstan, multilateral participation is more or less specific for Kyrgyzstan and Armenia, participatory modernization is suitable for Belarus. Moreover, we see that there is no model of participatory budgeting that is specific to all EAEU countries.

Conclusions. It can be concluded that the EAEU countries differ significantly in their participatory budgeting policies and practices, as well as in the ratings of international organizations. At the same time, a number of common points are noted.

Keywords: open budget, participatory budgeting, Eurasian Economic Union, digital transformation, Digital Agenda of the EAEU

For citation: Bolgov R. V. Participatory Budgeting in the EAEU Countries: Regulatory Framework and Practical Experience // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. V. 18. No. 4. P. 76–85. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-76-85>. EDN: UGYIZR

Введение

После распада Советского Союза страны, входившие в состав единой бюджетной системы СССР, провели ряд реформ бюджетной политики. Были заложены новые правовые основы, созданы новые институты. В этом смысле, несмотря на общее прошлое, опыт каждой из стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а именно Армении, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана и России, уникален.

Нам представляется важным раскрыть специфику и определить электронное участие как концепцию, которая может быть более операционализирована (по сравнению с концепцией электронной демократии, где существует множество интерпретаций), а также раскрыть важные аспекты функционирования современных политических систем. Инициативное бюджетирование (в англоязычной литературе часто используется термин «партиципаторное бюджетирование»/“participatory budgeting”) и открытый бюджет в этом контексте можно рассматривать как компоненты (инструменты) гражданского участия, которое в ряде случаев реализуется посредством электронного участия.

Методология и материалы исследования

В данной статье мы анализируем политику и практический опыт реализации проектов инициативного бюджетирования пяти стран — членов ЕАЭС (Россия, Беларусь, Казахстан, Армения и Кыргызстан). Во-первых, мы анализируем законодательство и стратегические документы, а также ответственные органы. Во-вторых, мы приводим оценку практики стран ЕАЭС международными организациями. В-третьих, мы анализируем модели инициативного бюджетирования, специфичные для стран Евразийского экономического союза.

Исследовательский вопрос следующий: имеются ли схожие черты и общие проблемы в практиках открытого бюджета и инициативного бюджетирования стран ЕАЭС?

Обзор литературы

«Передовая практика ОЭСР по обеспечению прозрачности бюджета» определяет прозрачность бюджета как “полное, своевременное и систематическое раскрытие финансовой информации”¹ (ОЭСР — Организация экономического сотрудничества и развития).

Инициативное бюджетирование [12; 28] находится на пересечении электронного участия и открытого бюджета. В Индексе открытости бюджета, публикуемом Международным бюджетным партнерством, открытость бюджета включает в себя участие граждан в составлении бюджета, а также является первым этапом инициативного бюджетирования, аналогично тому, как открытость информации о государстве онлайн является первым шагом электронного участия, в соответствии с подходом, принятым ООН при составлении обзора электронного правительства.

Существует несколько подходов к концепции инициативного бюджетирования. В первом подходе инициативное бюджетирование представляет собой процесс демократического обсуждения и принятия решений, а также тип демократии участия, при которой граждане решают, как распределить часть муниципального/национального бюджета. Второй подход — инициативное бюджетирование — это распределение части муниципального бюджета комиссией, состоящей из граждан.

В настоящее время существует довольно много научных работ по открытому бюджету и инициативному бюджетированию. Эти исследования были сосредоточены на передовом опыте и наиболее успешных примерах, особенно в Латинской Америке и Европе. Исследования открытого бюджета можно разделить на несколько групп: одни авторы изучают политические и правовые аспекты прозрачности и открытости бюджета [15; 32]; другие разрабатывают методики оценки открытости бюджета [29]; третьи анализируют, насколько эффективно применяются методики открытого бюджета (например, в здравоохранении) [9; 16]. Кроме того, можно выделить ряд исследований национальных кейсов [16]; сравнительные исследования [29].

В России серьезное изучение данной тематики началась всего 5–10 лет назад. Исследования сосредоточены на технических аспектах обеспечения открытости бюджета [26], институциональных и правовых основах [31], на изучении российского опыта на национальном [Там же], региональном и муниципальном уровнях [17]. Проводятся сравнительные исследования российского опыта с зарубежным [30].

Кроме того, довольно много работ посвящены эффектам инициативного бюджетирования и открытого бюджета (табл. 1).

Обзор политики и практического опыта инициативного бюджетирования в странах ЕАЭС

Анализ политики и практического опыта стран ЕАЭС сопровождается обобщением и структурированием данных, представленных в табл. 2.

Беларусь

По данным Обзора открытости бюджета, составленного Международным бюджетным партнерством (МБП) в 2015 г., Беларусь вошла в категорию «стран, предоставляющих общественности недостаточную бюджетную информацию». С 2017 г. Беларусь не представлена в данном обзоре. Пилотное исследование МБП утверждало, что еще многое предстоит сделать, чтобы Беларусь могла соответствовать международным стандартам в контексте такой практики, а также практики в соседних странах Восточной Европы. Положительным моментом было то, что Беларусь разрабатывает и публикует пять из восьми ключевых документов, оцениваемых МБП. Комитет государственного контроля (КГК) предоставляет ряд возможностей, но весьма ограниченных. Например, поддерживает механизмы, которые позволяют ши-

¹ OECD Budget Practices and Procedures Survey, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://webnet.oecd.org/budgeting/Budgeting.aspx> (дата обращения: 01.11.2024).

рокой общественности предлагать темы для внесения в план бюджета. Граждане могут обратиться в КГК через сайт, «горячую линию» или лично. Сообщается, что благодаря этим фондам КГК принимает жалобы и предложения от общественности. Однако КГК «не внедрил юридически открытые, эффективные механизмы участия». Кроме того, КГК не проинформировал общественность о методологии, использованной при проверке.

Таблица 1

Исследования эффектов открытого бюджета и инициативного бюджетирования

Table 1. Studies of the open budget and participatory budgeting effects

Эффект	Открытый бюджет	Инициативное бюджетирование
Экономия бюджета	Уильямс А. А. (2014) [33]	Ходачек И., Тимошенко К. (2018) [19]
Уровень социальных расходов	Хаграм С. и др. (2012) [18]	Кэмпбелл М. и др. (2018) [8]
Повышение эффективности государственных программ и институтов	Андреула Н. и др. (2009) [2]	Бойерманн Д. В., Амелина М. (2018) [5], Дэвидсон М. (2018) [10]
Уровень доверия к власти	—	Шерер С., Виммер М. (2012) [28]
Уровень демократии	Концептуальные основы ODDC (2013 г.) ¹	Фрис Д., Портен-Чи П. (2018) [13], Лухманн Л. (2017) [23]
Уровень преступности	Болгов Р. и др. (2016) [6]	Сагин К. (2018) [27]
Уровень коррупции	Берто Дж. и др. (2010) [4], Колстад И., Вийг А. (2009) [20], Бастида Ф., Бенито Б. (2007) [3],	Демедик П., Солли Р., Адольфссон П. (2012) [11]
Уровень финансового мошенничества	Болгов Р. и др. (2016) [6]	Сагин К. (2018) [27]
Кредитный рейтинг страны	Хаграм С. и др. (2012) [18]	—
Уровень инвестиционной активности	Хаграм С. и др. (2012) [18]	—
Уровень инфляции, котировки акций, курсы валют	Концептуальные основы ODDC (2013) ²	—

Источник: составлено автором

В обзоре отмечались недостаточные возможности для участия общественности в бюджетном процессе в Беларуси. Отраслевые министерства и Минфин внедрили лишь небольшую часть механизмов обратной связи (в частности, «горячие линии»). Таким образом, по оценке МБП, эти механизмы участия не являются институционализированными, открытыми и эффективными. Одним из инструментов вовлечения общественности в бюджетный процесс в Беларуси могли бы стать общественные консультативные советы (ОКС), которые в обязательном порядке создаются на базе государственных органов. Однако этот механизм взаимодействия работает только для представителей бизнес-сообщества³.

Кыргызстан

В Кыргызстане была утверждена стратегия по обеспечению информацией и практика регулярной публикации бюджетных документов. Активизировалось сотрудничество с организациями гражданского общества по бюджетным вопросам. Утверждена Методика формирования гражданского бюджета. Введена практика проведения общественных обсуждений проекта бюджета исполнительной власти и проведения общественных бюджетных слушаний в парламенте. На сайте Минфина и портале «Госзакупки» создана возможность направлять обращения граждан по вопросам, связанным с государственными финансами.

Особенностью является активное вовлечение неправительственных организаций (НПО) и фондов (в том числе зарубежных) в инициативное бюджетирование. «Фонд Евразия Центральной Азии» при финансовой поддержке Нидерландов в рамках проекта «Гражданственность и прозрачность в бюджетировании» проводит тренинги для сотрудников муниципалитетов городов Токмак и Ноокат. С 2017 г. в Кыргызстане вступил в силу новый Бюджетный кодекс, согласно которому органы местного самоуправления

¹ Researching the emerging impacts of open data. ODDC conceptual framework. ODDC Working Papers, 2013. 34 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://idl-bnc-idrc.dspacedirect.org/server/api/core/bitstreams/f4f12b6c-9c26-4586-93d2-2e54e35a73b2/content> (дата обращения: 17.10.2024).

² Там же.

³ Budget Transparency and Citizen Participation in Belarus: Pilot Open Budget Survey, 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://dev.sympa-by.eu/picture/library/obs_report_final_rus_0.pdf (дата обращения: 17.10.2024).

обязаны разрабатывать бюджет в программном формате. Данный проект призван помочь органам местного самоуправления в реализации Бюджетного кодекса по подготовке бюджета в программном формате. Такой формат бюджета позволяет гражданам отслеживать эффективность работы мэрии и муниципальных предприятий и принимать активное участие в определении приоритетов. В ходе работы появился новый элемент — обмен опытом между городами.

Армения

По данным Партнерства «Открытое правительство», Армения отвечает начальным требованиям финансовой прозрачности, то есть наличие общедоступных, полных и в целом надежных ключевых бюджетных документов. Дана рекомендация повысить участие общественности в процессе разработки бюджета и расширить обязательства, ориентированные на прозрачность государственных расходов.

Согласно Global Integrity Report, стенограммы всех заседаний доступны на сайте Национального собрания. Формально граждане могут участвовать в слушаниях по госбюджету. На самом деле они могут направлять свои замечания и предложения постоянным комиссиям и общаться с депутатами через сеть НПО.

Согласно МБП, участие граждан и гражданского общества в процессе формирования государственного бюджета слабое. Законом о государственном бюджете не предусмотрены конкретные механизмы привлечения заинтересованных сторон к составлению бюджета. Однако такие механизмы предусмотрены в законе о местном самоуправлении.

Закон о местном самоуправлении предусматривает механизмы участия общественности. Ст. 84 закона гласит, что глава муниципалитета должен обеспечить участие членов муниципалитета в формировании годового бюджета, а также обеспечить создание при главе муниципалитета совещательного органа, состоящего из жителей, экспертов и других заинтересованных сторон.

Общественная организация «Гражданский молодежный центр», базирующаяся в Гюмри, 01.11.2016 представила ряд предложений для включения в пятилетний план развития Гюмри, а также в городской бюджет Гюмри. Тринадцать предложений были включены в окончательный план. Предложения включали освещение города, установку новых контейнеров для мусора на улицах и строительство новых автобусных остановок в городе.

Казахстан

В 2008 г. была принята новая редакция Бюджетного кодекса. За последние годы Казахстан добился улучшения прозрачности бюджета и вовлечения граждан, например, за счет внедрения онлайн-портала «Открытые бюджеты» и создания общественных советов.

Закон о доступе к информации был принят в ноябре 2015 г. и устанавливает права граждан на доступ к государственной информации. Однако, по данным ОЭСР, на практике заинтересованные граждане сообщают о трудностях с доступом к информации о государственных расходах.

Местные исполнительные органы в Казахстане приступили к внедрению инициативного бюджетирования. Например, в Павлодарской области ввели самостоятельные бюджеты в 126 сельских округах. В целях последовательного усиления самостоятельности глав сельских администраций при решении актуальных вопросов местного значения в 32 населенных пунктах области с численностью населения более 2 тыс. чел. 01.01.2018 утверждены самостоятельные бюджеты. В целях обеспечения финансовой независимости органами местного самоуправления семь видов налоговых и других неналоговых доходов перечислены в сельский бюджет для финансирования расходов в сфере образования, социальной помощи, жилищно-коммунального хозяйства, культуры, физкультурно-оздоровительной и оздоровительной деятельности, строительства, ремонта и содержания дорог и др.

Россия

В России в данной сфере основным ответственным органом является Министерство финансов.

Одним из первых шагов стала подготовка и публикация «Путеводителя по российскому бюджету» за 2006 г. В 2011 г. Минфин России разработал концепцию национальной интегрированной информационной системы управления государственными финансами «Электронный бюджет».

Также стоит отметить запуск в рамках Открытого Правительства Российской Федерации портала «Открытый бюджет» (budget.open.gov.ru).

Что касается инициативного бюджетирования, оно включено в ключевой документ стратегического планирования «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации до 2024 года». Наблюдается рост числа практик ИБ на региональном и местном уровне. В ряде регионов России приняты региональные законы о развитии инициативного бюджетирования (в частности, Московская, Кемеровская области). В ряде регионов федеральные субсидии интегрированы в региональные программы поддержки участия граждан (Башкортостан). Более того, некоторые региональные субсидии интегрированы в проекты местных инициатив. Положительные результаты достигнуты в разработке бренда региональных практик ИБ, которые становятся все более узнаваемыми, например, «Твой бюджет» (Санкт-Петербург).

Исследование О. Филатовой и ее коллег [14], посвященное порталам открытых данных ЕАЭС, показало, что страны можно условно разделить на следующие группы:

- 1) «продвинутые», имеющие активный портал с более чем 1000 наборами данных и инструментами для создания мобильных приложений и настройки онлайн-сервисов;
 - 2) «новички», у которых есть активный портал с ограниченным количеством наборов данных, но ведется работа над большим количеством контента;
- «отсутствующие», у которых вообще нет портала.

В результате исследования установлено, что Российскую Федерацию и Республику Казахстан можно отнести в передовую группу стран ЕАЭС. Беларусь можно отнести к новичкам. Армения и Республика Кыргызстан относятся к третьей группе по уровню использования открытых данных. Авторы приходят к выводу, что ни одна страна ЕАЭС не соответствует более высоким стандартам. Кроме того, «для публикации открытых данных необходимы сложные технологические платформы. Высокая стоимость связана как с приобретением таких решений, так и с их разработкой для отдельных госорганов» [14].

Модели инициативного бюджетирования

Т. Линдгрэн и его коллеги проанализировали тексты политических документов (стратегий, государственных программ и т. д.) Они пришли к выводу, что открытое правительство в России и Казахстане фокусируется на раскрытии информации и отчетности, но в меньшей степени на участии граждан в обсуждении раскрываемой информации и предложениях изменений [22]. Интересно, что исследование, проведенное тремя годами ранее [7], пришло к выводу, что, наоборот, при внедрении открытого правительства в России основное внимание уделялось не столько раскрытию данных, сколько участию граждан. Очевидно, что за три года ситуация могла кардинально измениться, как и международные приоритеты России в этой сфере, что совпало с отказом от вступления в Партнерство «Открытое правительство» в 2013 г.

На основе анализа мировой практики Дж. Аллегретти и его коллеги [1] выделяют шесть моделей инициативного бюджетирования (ИБ): «партиципаторная демократия, демократия сближения, партиципаторная модернизация, многостороннее участие, неокорпоративизм и развитие сообщества» [1]. Модели основаны на шести критериях: «социально-политический контекст; идеология и политические цели; правила и процедуры участия; динамика коллективных действий (вес гражданского общества, существование движений на низовом уровне и т. д.); взаимосвязь между обычной политикой и процессами участия; а также сильные и слабые стороны и цели каждого совместного опыта» [Там же]. В соответствии с этой классификацией модель демократии сближения более характерна для России и Казахстана, многостороннее участие более или менее специфично для Кыргызстана и Армении, партиципаторная модернизация подходит для Беларуси.

Модель демократии сближения обычно присутствует в странах, где полномочия местных властей минимальны в рамках централизованного управления. Многие проекты чаще всего иницируются «сверху». Ее слабостью является существенный уровень волонтаризма, с которым наделенные полномочиями лица слушают (или выбирают) предложения граждан. В большинстве случаев демократия сближения основана на неформальных правилах.

Оценка международными организациями практики открытого бюджета и инициативного бюджетирования в странах ЕАЭС

Table 2. Assessment by international organizations of open budget and participatory budgeting in the EAEU countries

Страна	Глобальное исследование ООН по электронному правительству, 2022 г., место в рейтинге/значение индекса		
Россия	42 / 0,8162		
Казахстан	28 / 0,8628		
Беларусь	58 / 0,7580		
Армения	64 / 0,7364		
Кыргызстан	81 / 0,6977		
	Инициативное бюджетирование		
	ОЭСР: политические рекомендации о том, как ключевые заинтересованные стороны могут способствовать успешному совместному бюджетированию	Исследование открытости бюджета, МБП, 2023 (уровень участия граждан в составлении бюджета)	Глобальный отчет о добросовестности, Бюджетные процессы, Индикатор 41 «Могут ли граждане получить доступ к национальному бюджетному процессу?»
Россия	2008: Нет информации об инициативном бюджетировании	33 балла из 100. Рекомендации: 1. Создать пилотные механизмы для привлечения общественности. 2. Расширить механизмы для привлечения гражданского общества. 3. Создать механизмы обратной связи	Граждане могут внести свой вклад в слушания только в том случае, если законодательный орган разрешит им участвовать. Совет Федерации проводит парламентские слушания в рамках круглых столов и других форумов. Уровень участия местных НКО очень низок
Казахстан	2018: Рекомендация консультироваться с гражданами, чтобы определить ключевые области, представляющие интерес с точки зрения раскрытия информации, и улучшить активное раскрытие информации в этих областях	11 баллов из 100. Рекомендации: 1. Создать пилотные механизмы для привлечения общественности. 2. Расширить механизмы для привлечения гражданского общества. 3. Активно взаимодействовать с уязвимыми и недостаточно представленными сообществами	—
Беларусь	—	2015: Возможностей для участия общественности в составлении бюджета мало	Переговоры по бюджету закрыты для общественности. Это может быть формальный, прозрачный процесс, но большинство реальных дискуссий и дебатов происходит в других, закрытых условиях
Армения	—	11 баллов из 100. Рекомендации: 1. Создать пилотные механизмы для привлечения общественности. 2. Расширить механизмы для привлечения гражданского общества	Процесс дебатов прозрачен
Кыргызстан	—	35 баллов из 100. Рекомендации: 1. Создать пилотные механизмы для привлечения общественности. 2. Активно взаимодействовать с уязвимыми и недостаточно представленными сообществами	Государственный бюджет был утвержден в спешке, что не позволило должным образом участвовать в общественных слушаниях. Слушания по бюджету в основном поддерживаются международными организациями на муниципальном уровне
Открытый бюджет			
Страна	МБП, 2023 г.	Инвентаризация открытых данных, ODIN (Open Data Watch) 2022, рейтинг/оценка Категория Государственные финансы	
Россия	66 из 100 баллов, категория «страны, предоставляющие достаточную бюджетную информацию»	57 из 195 / 62 61	
Казахстан	63 из 100 баллов, категория «страны, предоставляющие достаточную бюджетную информацию»	51 из 195 / 63 67	
Беларусь	—	47 из 195 / 65 56	
Армения	60 из 100 баллов, категория «страны, которые не предоставляют достаточно бюджетной информации»	68 из 195 / 58 72	
Кыргызстан	61 из 100 баллов, категория «страны, предоставляющие достаточную бюджетную информацию»	92 из 195 / 51 56	

Источник: составлено автором

Согласно модели многостороннего участия, в ИБ участвуют не только граждане, но и бизнес, НПО и местные органы власти. Хотя процедуры участия могут влиять на процесс принятия решений, они реализуются «сверху вниз».

ИБ, относящееся к модели партиципаторной модернизации, как правило, инициируется «сверху», менее партийно-ориентировано и практически не выходит за рамки консультативного значения. В то же время существуют и другие модели ИБ, в частности, в работе С. Миллера и его коллег [25].

В отчете Hewlett Foundation по ИБ¹ модели разработаны в соответствии с этапами бюджетного процесса (ежегодное планирование и управление, информационно-просветительская деятельность и гражданское участие, разработка и анализ проекта, выбор проекта, реализация проекта), а также политическая структура, потенциал государства, территориальный уровень инициатив ИБ, принятие решений и ресурсы, выделяемые правительством. За основу мы возьмем модели Дж. Аллегретти и его коллег [1]. В табл. 3 мы отмечаем «+» те модели, которые более или менее соответствуют практикам ИБ в той или иной стране.

Таблица 3

Модели инициативного бюджетирования в ЕАЭС

Table 3. Models of participatory budgeting in the EAEU

Модель совместного бюджетирования	Россия	Казахстан	Беларусь	Армения	Кыргызстан
Партиципаторная демократия	–	–	–	–	–
Демократия сближения	+	+	–	–	–
Партиципаторная модернизация	–	–	+	+	+
Многостороннее участие	–	–	+	+	+
Неокопоративизм	–	–	–	–	–
Развитие сообщества	–	–	–	–	–

Источник: составлено автором

Мы видим, что только три модели из шести подходят для стран ЕАЭС. Это связано со спецификой постсоветского общества, где в силу особенностей политической культуры и других причин существуют сильные тенденции централизации. Более того, мы видим, что не существует модели ИБ, специфичной для всех стран ЕАЭС.

Заключение

Раскрытие бюджетной информации на национальном, региональном и муниципальном уровне может иметь следующие последствия. Во-первых, граждане и частный сектор могут анализировать открытые бюджетные данные, а за этим следуют кампании по изменению бюджета, т. е. раскрытие бюджетных данных меняет бюджет. Во-вторых, раскрытие бюджетных данных может привести к снижению коррупции. В-третьих, открытый бюджет помогает увидеть, какие бюджетные программы не реализуются. В-четвертых, открытость бюджета влияет на кредитные рейтинги стран и инвестиционную привлекательность. Мировой опыт это подтверждает, но в ЕАЭС такая оценка пока не проводилась.

Переход от раскрытия данных к участию граждан в составлении бюджета приводит к тем же эффектам, а кроме того, влияет на уровень доверия к власти (исследования показывают, что не обязательно в сторону повышения).

Можно сделать вывод, что страны ЕАЭС существенно различаются в политике и практике ИБ, а также в рейтингах международных организаций.

В качестве общих моментов можно отметить разнообразие проектов открытого бюджета (не только в виде единых бюджетных порталов и их региональных сегментов), низкий уровень осведомленности

¹ Co-Designing the Future of the Participatory Budgeting Movement. 2019. Hewlett Foundation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oidp.net/docs/repo/doc584.pdf> (дата обращения: 15.10.2024).

граждан о проектах ИБ¹. Влияние граждан на бюджетный процесс должно осуществляться не только через общественные слушания по бюджету.

Данные МБП показывают, что большинство стран мира не демонстрируют хороших результатов с точки зрения участия граждан в составлении бюджета. Проблемы, связанные с ИБ, не специфичны только для стран ЕАЭС. Общий средний результат оценки участия в Обзоре открытости бюджета МБП 2023 г. составляет 15 баллов из 100. Ни одна страна не получила оценку выше 65 баллов. Лучший результат из стран ЕАЭС продемонстрировал Кыргызстан. Можно отметить, что низкий уровень участия общественности в составлении бюджета характерен для многих стран бывшего Советского Союза.

References

1. *Allegretti G., Roche A., Sintomer Y., Herzberg C.* Transnational Models of Citizen Participation: The Case of Participatory Budgeting // *Journal of Public Deliberation*. 2012, Vol. 8. No. 2. DOI: 10.16997/jdd.141
2. *Andreula N., Chong A., Guillen J.* Institutional Quality and Fiscal Transparency. IDB Working Paper Series (IDB-WP-125). Washington, DC, 2009. 29 p.
3. *Bastida F., Benito B.* Central Government Budget Practices and Transparency: An International Comparison // *Public Administration*. 2007. No. 85 (3). P. 667–716. DOI: 10.1111/j.1467-9299.2007.00664.x
4. *Bertot J. C., Jaeger P. T., Grimes J. M.* Using ICTs to Create a Culture of Transparency: E-government and Social Media as Openness and Anti-corruption Tools for Societies // *Government Information Quarterly*. 2010. No. 27. P. 264–271. DOI: 10.1016/j.giq.2010.03.001
5. *Beuermann D., Amelina M.* Does Participatory Budgeting Improve Decentralized Public Service Delivery? Experimental Evidence from Rural Russia // *Economics of Governance*. 2018. Vol. 19. No. 4. P. 339–379. DOI: 10.1007/s10101-018-0214-3
6. *Bolgov R., Ermolina M., Vasilyeva N.* Open Budget Effects for Urban Development: Russia's Cases // *ACM International Conference Proceeding Series*. 2016. 3rd International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia, EGOSE 2016. P. 184–188.
7. *Bunkov A., Bolgov R., Chugunov A.* Web 2.0 in Russian Open Government // *Proceedings of the International Conference for E-Democracy and Open Government (CeDEM13)*. 2013. P. 173–183.
8. *Campbell M., Escobar O., Fenton C., Craig P.* The Impact of Participatory Budgeting on Health and Wellbeing: A Scoping Review of Evaluations // *BMC Public Health*. 2018. Vol. 18. No. 1. P. 822. DOI: 10.1186/s12889-018-5735-8
9. *Cohen N.* The Power of Expertise? Politician-Bureaucrat Interactions, National Budget Transparency and the Israeli Health Care Policy // *Policy Studies*. 2013. Vol. 34. No. 5–6. P. 638–654. DOI: 10.1080/01442872.2013.804174
10. *Davidson M.* Participatory Budgeting, Austerity and Institutions of Democracy: The Case of Vallejo, California // *City*. 2018. Vol. 22. No. 4. P. 551–567. DOI: 10.1080/13604813.2018.1507107
11. *Demediuk P., Solli R., Adolfsson P.* People Plan Their Park: Voice and Choice through Participatory Budgeting // *International Journal of Interdisciplinary Social Sciences* 2012. Vol. 6. No. 5. P. 185–198. DOI: 10.18848/1833-1882/CGP/v06i05/52080
12. *Foelscher A.* Participatory Budgeting in Central and Eastern Europe // *Anwar Shah (ed.), Participatory Budgeting. Public Sector Governance and Accountability Series, World Bank, Washington, D.C., 2007. P. 127–155.*
13. *Friess D., Porten-Chee P.* What Do Participants Take Away from Local eParticipation?: Analyzing the Success of Local eParticipation Initiatives from a Democratic Citizens' Perspective // *Analyse und Kritik*, 2018. Vol. 40. No. 1. P. 1–29. DOI: 10.1515/auk-2018-0001
14. *Golubev V., Filatova O., Balabanova S., Ibragimov I.* Open Government Data as a Tool for Cooperation between People and Government: A Case Study of Open Data and e-Governance Resources in the Eurasian Economic Union // *Proceedings of the International Conference on Internet and Modern Society, IMS 2017*. P. 195–199. DOI: 10.1145/3143699.3143702
15. *Harrison T. M., Sayogo D. S.* Open Budgets and Open Government: Beyond Disclosure in Pursuit of Transparency, Participation and Accountability // *dg.o'13: Proceedings of the 14th Annual International Conference on Digital Government Research*. 2013. P. 235–244. DOI: 10.1145/2479724.2479757
16. *Hu B., Mendoza R. U.* Public Health Spending, Governance and Child Health Outcomes: Revisiting the Links // *Journal of Human Development and Capabilities*. 2013. Vol. 14. No. 2. P. 285–311. DOI: 10.1080/19452829.2013.765392

¹ *Раксина А.* Секретный «чулок» [Электронный ресурс] // *Новые известия*. 15.10.2013. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2013/10/main/Materialy_SMI_15.10.13.pdf (дата обращения: 15.10.2024).

17. *Ivanov O.* Open Municipal Budget of Khanty-Ugra // *Finances*. 2012. No. 12. P. 77–80.
18. *Khagram S., de Renzio P., Fung A.* Overview and Synthesis: The Political Economy of Fiscal Transparency, Participation, and Accountability around the World. 2012. URL: http://www.brookings.edu/~media/press/books/2012/openbudgets/openbudgets_chapter.pdf (accessed: 22.09.2023).
19. *Khodachek I., Timoshenko K.* Russian Central Government Budgeting and Public Sector Reform Discourses: Paradigms, Hybrids, and a “Third Way” // *International Journal of Public Administration*. 2018. Vol. 41. No. 5–6. P. 460–477.
20. *Kolstad I., Wiig A.* Is Transparency the Key to Reducing Corruption in Resource-Rich Countries? // *World Development*. 2009. No. 37 (3). P. 521–532. DOI: 10.1016/j.worlddev.2008.07.002
21. *Lagutina M.* Eurasian Economic Union Foundation: Issues of Global Regionalization // *Eurasia Border Review*. 2014. Vol. 5. No. 1. P. 102.
22. *Lindgren T., Ekenberg L., Nouri J.* [et al.] Open Government Ideologies in Post-soviet Countries // *International Journal of Electronic Governance*. 2016. No. 8 (3). P. 256–272. URL: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/BorderStudies/en/publications/review/data/ebr51/V5_N1_06Lagutina2.pdf
23. *Luchmann L. H. H.* Participatory Budgeting and Democratic Innovation: Some Analytical Variables // *Public Administration and Information Technology*. 2017. Vol. 25. P. 63–78. DOI: 10.1007/978-3-319-54142-6_5
24. *Malfliet K., Verpoest L., Vinokurov E.* The CIS, the EU and Russia. The Challenges of Integration. Palgrave Macmillan, N.Y., 2007.
25. *Miller S. A., Hildreth R. W., Stewart L. M.* The Modes of Participation: A Revised Frame for Identifying and Analyzing Participatory Budgeting Practices // *Administration and Society*. 2019. Vol. 51. No. 8. P. 1254–1281. DOI: 10.1177/0095399717718325
26. *Parkhimovich O., Vlasov V., Mouromtsev D.* Ontology Development of Open Government Data on Example of St. Petersburg Budget Expenditures // *Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics*. 2012. No. 6 (82). P. 141–146.
27. *Saguin K.* Why the Poor Do not Benefit from Community-Driven Development: Lessons from Participatory Budgeting // *World Development*, 2018. Vol. 112. P. 220–232. DOI: 10.1016/j.worlddev.2018.08.009
28. *Scherer S., Wimmer M.* Reference Process Model for Participatory Budgeting in Germany // 4th IFIP WG 8.5 International Conference, ePart2012. Proceedings, 2012. P. 97–111. DOI: 10.1007/978-3-642-33250-0_9
29. *Seifert J., Carlitz R., Mondo E.* The Open Budget Index (OBI) as a Comparative Statistical Tool // *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. 2013. Vol. 15. No. 1. P. 87–101. DOI: 10.1080/13876988.2012.748586
30. *Styrin E., Dmitrieva N., Zhulin A.* Openness Evaluation Framework for Public Agencies // *Proceedings of the 7th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance, ICEGOV*. 2013. P. 370–371. DOI: 10.1145/2591888.2591964
31. *Turgel I. D.* Formation of the “the Open Budget” in the Russian Federation: Long-term Plans and First Results // *Management Issues*. 2014. No. 3. P. 22–30. EDN: SMLTEZ
32. *Wehner J., De Renzio P.* Citizens, Legislators, and Executive Disclosure: The Political Determinants of Fiscal Transparency // *World Development*. 2013. Vol. 41. No. 1. P. 96–108. DOI: 10.1016/j.worlddev.2012.06.005
33. *Williams A.* A Global Index of Information and Political Transparency. Discussion paper 14.07. Business School, University of Western Australia, 2014. 52 p. URL: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:uwa:wpaper:14-07>

Об авторе:

Болгов Радомир Викторович, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета, старший научный сотрудник Центра технологий электронного правительства Университета ИТМО (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; e-mail: rbolgov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4663-8072

About the author:

Radomir V. Bolgov, Associate Professor of the World Politics Department of St. Petersburg State University, Senior Researcher of e-Governance Center at ITMO University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; e-mail: rbolgov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4663-8072

Концепция равной и неделимой безопасности в Евразии: теоретический анализ

Гайдаев О. С.* , Коваленко В. Д., Лисенкова А. Д.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: gaydaev-os@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-5970-3726

РЕФЕРАТ

В рамках статьи предпринимается попытка оценить практическую возможность построения архитектуры равной и неделимой безопасности в Евразии, а также выявить основные факторы, препятствующие реализации этой цели. Материалом для анализа послужили результаты Всероссийской зимней онлайн-школы «Международные конфликты и глобальная безопасность», проходившей в период с 4 по 6 февраля 2024 г. на базе Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Цель. Выявить и обобщить эмпирико-теоретические ограничения концепции неделимой безопасности в контексте построения инклюзивной и устойчивой архитектуры безопасности в Евразии.

Методы. Применены методы научной дискуссии с последующим теоретическим анализом материалов Всероссийской зимней онлайн-школы «Международные конфликты и глобальная безопасность».

Результаты. В ходе работы стало возможным выделить несколько перспективных направлений отечественной научной дискуссии о равной и неделимой безопасности в Евразии. Во-первых, изучение глобальных факторов, таких как динамика и характеристики современных международных конфликтов, а также роль и воздействие новых технологий на общество и межгосударственные отношения. Во-вторых, обсуждение возможностей и перспектив сотрудничества России с государствами Евразии и других континентов в рамках более инклюзивного Большого Евразийского партнерства.

Выводы. Исследование показало, что формирование равной и неделимой безопасности в Евразии затрудняет наличие ряда ограничений эмпирического и теоретического характера. К сложностям эмпирического характера можно отнести продолжающийся рост конфликтности в мире, динамичность событий, отсутствие мирового порядка, преобладание разнонаправленных интересов и фундаментальные расхождения подходов европейских и евразийских держав к построению нового миропорядка. Своеобразным «черным лебедем» служат цифровые технологии, способные как увеличивать эффективность государственного управления, так и порождать более жесткие формы социального контроля и воспроизводить небезопасность. К ограничениям теоретического характера следует отнести противоречие между универсалистской природой концепта неделимой безопасности и идей ее локального применения, т. е. на евразийском пространстве. Существенным затруднением выступает также государствоцентризм концепции, а также сложность реализации неделимой безопасности в условиях отсутствия «неделимой справедливости» в отношениях суверенных государств. Авторы статьи заключают, что, несмотря на указанные недостатки, данная концепция обладает практическим потенциалом и является одним из перспективных проектов построения нового миропорядка.

Ключевые слова: неделимая безопасность, международные конфликты, безопасность в Евразии, невоенная безопасность, региональная безопасность, энергетическая безопасность, новый миропорядок

Для цитирования: Гайдаев О. С., Коваленко В. Д., Лисенкова А. Д. Концепция равной и неделимой безопасности в Евразии: теоретический анализ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 4. С. 86–97.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-86-97>. EDN: UDAKHF

The Concept of Equal and Indivisible Security in Eurasia: A Theoretical Analysis

Oleg S. Gaidaev*, Vladimir D. Kovalenko, Alena D. Lisenkova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: gaydaev-os@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-5970-3726

ABSTRACT

The article analyses the practical feasibility of building an architecture of equal and indivisible security in Eurasia and identifies the main factors obstructing the realisation of this goal. The analysis is based on the results of the All-Russian Winter Online School “International Conflicts and Global Security”, which was held from 4 to 6 February 2024 at the North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Aim. To identify and summarise the empirical and theoretical limitations of the concept of indivisible security in the context of building an inclusive and sustainable security architecture in Eurasia.

Methods. The methods of scientific discussion followed by theoretical analysis of the materials of the All-Russian Winter Online School “International Conflicts and Global Security” were applied.

Results. In the course of the study it became possible to identify several promising directions of Russian scientific discussion on equal and indivisible security in Eurasia. First, the study of global factors, such as the dynamics and characteristics of contemporary international conflicts, as well as the role and impact of new technologies on society and interstate relations. Second, discussing the possibilities and prospects for Russia’s co-operation with the states of Eurasia and other continents within the framework of a more inclusive Greater Eurasian Partnership.

Conclusions. The study shows that the formation of equal and indivisible security in Eurasia is hampered by a number of empirical and theoretical limitations. Empirical difficulties include the continuing growth of conflicts in the world, dynamic events, the absence of a world order, the prevalence of competing interests and fundamental differences between the approaches of European and Eurasian powers to building a new world order. A kind of “black swan” is digital technologies, which can both increase the efficiency of public administration and generate more rigid forms of social control and reproduce insecurity. The theoretical limitations include the contradiction between the universalist nature of the concept of indivisible security and the idea of its local application, i.e. in the Eurasian space. The state-centrism of the concept, as well as the difficulty of implementing indivisible security in the absence of “indivisible justice” in the relations of sovereign states are also significant difficulties. The authors of the article conclude that despite these shortcomings, this concept has practical potential and is one of the promising projects for building a new world order.

Keywords: indivisible security, international conflicts, security in Eurasia, non-military security, regional security, energy security, new world order

For citation: Gaidaev O. S., Kovalenko V. D., Lisenkova A. D. The Concept of Equal and Indivisible Security in Eurasia: A Theoretical Analysis // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 4. P. 86–97. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-86-97>. EDN: UDAKHF

Введение

В Послании президента России В. В. Путина к Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. была вновь подчеркнута идея о формировании в обозримой перспективе «нового контура равной и неделимой безопасности в Евразии»¹. В общем виде под термином «неделимая безопасность»² можно понимать международно-правовой принцип, согласно которому государства воздерживаются от укрепления собственной безопасности за счет безопасности других государств, стремясь к обеспечению равной безопасности для всех. По своей сути неделимая безопасность указывает на универсальный характер безопасности в мире. В контексте построения неделимой безопасности в Евразии, речь, таким образом, не может ограничиваться лишь географическим пространством Евразии: необходимо говорить о едином комплексе глобальной безопасности и миропорядке в целом.

Сказанное выше поднимает ряд актуальных для современной международной политики вопросов. Насколько реализуема идея неделимой безопасности на практике? Какие факторы служат препятствиями на пути к ее реализации? Какова роль новых, крупных игроков, например Китая и Индии? Наконец, возможно ли на практике воплотить принцип неделимой безопасности во внешнеполитической деятельности государств Евразии?

Обсуждению этих и многих других вопросов была посвящена Всероссийская зимняя онлайн-школа «Международные конфликты и глобальная безопасность», проведенная с 4 по 6 февраля 2024 г. на базе Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС)³. Ее программа включала в себя лекции и мастер-классы от ведущих отечественных ученых и специалистов-практиков по актуальным проблемам международной безопасности.

На базе собранного материала авторы настоящей статьи предпринимают попытку обобщить результаты актуальных научных изысканий по данной проблематике и ответить на два вопроса: во-первых, возможна ли на практике реализация принципа неделимой безопасности в Евразии, и, во-вторых, какие факторы служат препятствиями на пути к реализации принципа неделимой безопасности.

Современные конфликты и феномен «новой международнойности»

Главным эмпирическим возражением против формирования в обозримой перспективе неделимой безопасности в Евразии служит статистика международных конфликтов. Их количество в мире за последние годы достигает рекордных значений за всю историю наблюдений [26]. Этот рост обусловлен ожесточающейся борьбой различных международных сил, обладающих разнонаправленными интересами.

К отличительным чертам современных международных конфликтов можно отнести: их асимметричность, высочайший уровень интернационализации, затяжной характер, множественный характер участников, а также ярко выраженное ценностное измерение. Высокий уровень интернационализации вместо ожидаемого скорейшего урегулирования приводит лишь к столкновению разнонаправленных

¹ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 03.03.2024).

² Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт [Электронный ресурс] // OSCE website. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 05.03.2024).

³ Петербургский кампус Президентской академии провел Всероссийскую зимнюю онлайн-школу [Электронный ресурс] // РАНХиГС Санкт-Петербург (сайт). URL: <https://spb.ranepa.ru/news/peterburgskij-kampus-prezidentskoj-akademii-provel-vserossijskuyu-zimnyuyu-onlajn-shkolu/> (дата обращения: 22.02.2024).

частных интересов, придающих конфликту новые грани. Особо остро здесь стоит вопрос новых акторов, претендующих на пересмотр своего места в системе международных отношений. Укрепляется экономическое и политическое лидерство Китая, все большую роль играет Индия.

Главным международным трендом становится интернационализация внутрисударственных конфликтов: за период с 2000 по 2022 г. количество таких конфликтов возросло более чем в пять раз в абсолютном значении и в четыре раза в процентном соотношении (до 40% всех международных конфликтов с участием государств) [25, с. 10].

Показательным примером на евразийском пространстве может служить современная история нагорнокарабахского конфликта, характерной особенностью которого является высочайший уровень интернационализации и зависимости от внешних акторов [7, с. 16]. В урегулирование так или иначе вовлечен целый ряд международных акторов: Россия, США, ЕС, Турция, Иран, Франция и др. [16]. Длинный список посредников, включая в том числе Китай, тем не менее не способствовал скорейшему урегулированию, т. к. заинтересованные акторы видят в конфликте лишь возможности для упрочения собственного влияния в регионе. Более того, карабахский кейс представляет собой яркий пример столкновения двух основополагающих и часто противостоящих друг другу международно-правовых доктрин: права народов на самоопределение и принципа территориальной целостности государства.

Столкновение этих двух доктрин имеет место в подавляющем числе современных международных конфликтов с участием государств. В свою очередь, неразрешимость дилеммы «право на самоопределение — территориальная целостность» служит фундаментальным ограничителем принципа неделимой безопасности. Все это так потому, что в условиях формального равенства суверенных государств и отсутствия верховного арбитра не может существовать «неделимой справедливости»: каждое государство всегда вольно выбирать собственную интерпретацию происходящего, склоняясь в пользу той или иной международно-правовой доктрины. Неделимая безопасность, таким образом, может быть достигнута лишь в условиях наличия влиятельного регулятора международных отношений либо путем серьезных компромиссов в вопросе ценностей и справедливости. Приходится констатировать, что ни то, ни другое не прослеживается в обозримой перспективе.

Европа и Большое Евразийское партнерство

Одним из очевидных препятствий на пути к формированию неделимой безопасности в Евразии служат фундаментальные различия в подходах европейских и евразийских держав к построению нового миропорядка. Несомненно, многое в этом вопросе будет зависеть от исхода противостояния России и «коллективного Запада» на Украине. Однако уже сейчас важно предвидеть возможные «болевы точки» в преодолении конфликтных отношений России и Запада в «пост-украинскую» эпоху. Вполне вероятно, что одной из таких проблемных зон вновь станет регион Балканского полуострова, исторически приходившийся ареной столкновения разнонаправленных интересов европейских и азиатских держав [15].

Реализация принципа неделимой безопасности в контексте международной политики на Балканах неизбежно подразумевает превращение Балканского полуострова из арены соперничества мировых держав в пространство сотрудничества между ними. Эта задача представляется чрезвычайно трудной.

Высокая степень интернационализации также была характерна для югославских войн: хорватско-го [5, с. 74–75, 83, 85] и боснийского конфликтов [8, с. 205–206]. Сложная история противостояний, причины которых остаются неразрешенными до сих пор, дополняется и рядом опасных современных тенденций. К их числу известный отечественный балканист Е. Г. Пономарева относит, в частности, распространение в регионе идеологии радикального ислама, а также реабилитацию нацизма и фашизма¹.

Балканский полуостров, являясь также главной энергетической артерией Европы, указывает и на другую «болеву точку» в преодолении конфликтных отношений России и Запада: вопрос энергетической безопасности. Очевидно, что Россия и Европейский союз по-разному подходят к пониманию этого

¹ Пономарева Е. Балканский рубеж России [Электронный ресурс] // Балканист. 16.01.2019. URL: <https://balkanist.ru/balkanskij-rubezh-rossii/> (дата обращения: 04.03.2024).

вопроса. Так, если Россия заинтересована в стабильных и безопасных маршрутах поставки энергоносителей, то в ЕС преобладает установка на секьюритизацию российских энергоносителей и их представление в качестве «энергетического оружия» [30].

Так, согласно Внешней энергетической стратегии ЕС (2022), объединение отдает предпочтение «зеленой» энергетике, тогда как риторика в отношении российских энергетических ресурсов существенно ужесточилась¹. Это проявилось и в принятии Плана по отказу от российских ископаемых видов топлива до 2030 г. (REPowerEU)².

Однако происходящие на европейской политической арене изменения предоставили возможность евроскептикам увеличить свою представленность по результатам выборов в Европейский парламент 2024 г. [9, с. 439]. Часть из них куда более позитивно смотрит на энергетическое сотрудничество с Россией. Эти обстоятельства, вкуче с сохраняющейся ограниченностью полномочий Европейского парламента, приводят к фракционной раздробленности и турбулентности для всей европейской подсистемы безопасности. Перспективы участия Европейского союза в евразийской архитектуре безопасности остаются, таким образом, стратегически неопределенными.

Ближний Восток и Африка: на пути к инклюзивной безопасности

Универсальный характер идеи неделимой безопасности делает саму постановку вопроса в Евразии спорной: ведь если безопасность за пределами Евразии может быть «делимой», то никакой подлинной неделимой безопасности быть в таком случае не может. Речь, таким образом, будет идти лишь о некоей форме коллективной безопасности, предполагающей возможность стран региона коллективно противостоять угрозам извне.

Однако такой формат превращает идею неделимой безопасности в фикцию, ибо допускает выборочное обеспечение региональной безопасности за счет безопасности внерегиональных государств. Именно поэтому, говоря о неделимой безопасности в Евразии, следует иметь в виду только инклюзивную безопасность: открытую для всех государств и народов, ориентированную на устойчивый мир и сотрудничество. Следовательно, фокус внимания специалистов не может ограничиваться лишь пространством Евразии и должен охватывать как минимум сопредельные регионы и континенты: Африку и Ближний Восток. Несмотря на очевидную потребность в безопасности, на сегодняшний день в регионе Ближнего Востока фактически отсутствует многосторонний процесс, направленный на формирование и поддержание региональной стабильности. Эксперименты с силовым вмешательством ряда западных стран в дела региона оказались несостоятельны [6], а в условиях обострения израильско-палестинского конфликта построение региональной архитектуры безопасности и вовсе перестало быть политической опцией. В то же время очевидно, что формирование неделимой безопасности в Евразии будет попросту невозможно без нормализации политической обстановки и создания устойчивой архитектуры безопасности на Ближнем Востоке.

Африка за прошедшие сорок лет представлялась не иначе как «...рай пессимиста, место, где гипотеза о том, что в отсутствие политического Левиафана жизнь индивидов будет мерзкой, жестокой и короткой, кажется, широко проявляется в повседневной жизни» [19, с. 219]. Однако в последнее десятилетие страны африканского континента добились значительных успехов в формировании собственной, инклюзивной архитектуры региональной безопасности. С другой стороны, события лета–осени 2023 г. в Республике Мали и Республики Нигер показывают, что континент также может стать ареной противостояния крупных международных игроков за ресурсы и политическое влияние. Недавняя смена КНР своей стратегии взаимодействия с африканскими государствами³ демонстрирует небезосновательность этого вектора развития ситуации. Важно, что и Индия также начинает играть все большую

¹ EU external energy engagement in a changing world [Электронный ресурс] // EUR-Lex (website). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=JOIN%3A2022%3A23%3AFIN&qid=1653033264976> (дата обращения: 22.02.2024).

² REPowerEU [Электронный ресурс] // European Commission (website). URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal/repower-eu-affordable-secure-and-sustainable-energy-europe_en (дата обращения: 22.02.2024).

³ Янькова А., Кондакова К. Интересы Китая в Африке // РСМД. 01.11.2023. URL: <https://russianscouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/interesny-kitaya-v-afrike/> (дата обращения: 08.03.2024).

роль. Например, в 2015 г. на индийско-африканском форуме в ЮАР премьер-министр Индии Нарендра Моди подчеркнул общность судеб Индии и Африки в борьбе против колониализма и указал, что именно в ЮАР Махатма Ганди вывел свой принцип борьбы ненасилием «сатьяграха».

Заслуживает внимание опыт некоторых африканских регионов: эксперты, с одной стороны, признают ведущую роль государства в обеспечении безопасности, с другой стороны, склонны рассматривать в качестве референтного объекта безопасности не только государство и его суверенитет, но и различные этнические сообщества, обращаясь к изысканиям Уэльской школы исследований о международной безопасности и теории эмансипации К. Бута [18].

Это наблюдение представляется важным с точки зрения развития концепта неделимой безопасности в Евразии. Опыт африканского регионализма показывает, что создание инклюзивной архитектуры региональной безопасности предполагает не только сотрудничество государств и создание многосторонних диалоговых площадок¹, но и гуманистическую направленность этого сотрудничества.

Вызов новых технологий и «культ безопасности»

К проблемам глобальной безопасности, имеющим прямое отношение к безопасности евразийских стран, относятся не только риски ядерных войн, экологических кризисов или нелегальной миграции, но также вызовы новых технологий [11; 27]. «Цифровой разрыв», несправедливость в доступе к цифровым технологиям и инновациям, несамостоятельность некоторых государств в управлении цифровой трансформацией² [22; 28; 29] — все это будет выступать конфликтогенным фактором и оказывать серьезное воздействие на построение равной и неделимой безопасности в Евразии [14].

С вызовом в лице новых технологий отчасти связано и такое современное международное явление, как «культ безопасности» [13]. Данный термин служит метафорой, описывающей четыре тенденции международной политики: расширение трактовки безопасности, использование страха как политической технологии «инсекьюритизации» [17], медиатизация публичной политики и связанные с этим явления «экранификации» [12] и «инфотейнмента» (англ. — *infotainment*), а также укрепление в ряде западных стран феномена т. н. тоталитарной демократии (англ. — *totalitarian democracy*) [23].

Каждая из представленных тенденций не оказывает критического влияния на глобальную безопасность, однако взятые вместе они задают общий вектор развития мировой политики в сторону от ценности свободы к ценности безопасности. Этот процесс парадоксальным образом приводит не к повышению, а к снижению общего уровня международной безопасности.

Укреплению негативных тенденций способствуют современные медиатехнологии, поощряющие художественные сюжеты в политике, заранее «раздающие роли» протагонистов и антагонистов, конструирующие социальную реальность политиков и обывателей. Все это происходит на фоне явного кризиса демократии и либеральных ценностей [1], когда страх и паранойя становятся движущими силами мировой политики и американского тоталитаризма [23], в частности.

Описанные тенденции, характерные для развитых обществ Запада, свидетельствуют о наличии еще одного вызова для построения неделимой безопасности в Евразии: как, выражаясь экономическими терминами, обеспечить глобальную «конкурентоспособность» идеи о неделимой безопасности в условиях усиления тоталитарных тенденций в современных демократиях, доминирования дискурсов страха и угроз, поощряемых современными медиатехнологиями.

Обсуждение результатов

Обобщая, можно выделить целый ряд ограничений эмпирического и теоретического характера, затрудняющих формирование равной и неделимой безопасности в Евразии.

¹ About the Forum [Электронный ресурс] // Tana Forum website. URL: <https://tanaforum.org/about/> (дата обращения: 24.02.2024).

² Burrows M., Manning R. A. The Top Ten Global Risks of 2023 [Электронный ресурс] // The National Interest. 19.12.2022. URL: <https://nationalinterest.org/feature/top-ten-global-risks-2023-206027> (дата обращения: 23.02.2024).

Во-первых, к эмпирическим трудностям, препятствующим построению инклюзивной архитектуры безопасности в обозримом будущем, следует отнести продолжающийся рост конфликтности в мире, обусловленный отсутствием мирового порядка и нарастающей турбулентностью мировых процессов. Серьезным дестабилизирующим фактором служат фундаментальные расхождения подходов европейских и евразийских держав к построению нового миропорядка и преобладание разнонаправленных интересов. Наиболее явно расходятся интересы России и Европейского союза в обеспечении энергетической безопасности. Негативный тренд, судя по всему, сохранится в краткосрочной перспективе, однако дальнейшие перспективы участия ЕС в евразийской архитектуре безопасности остаются стратегически неопределенными. Серьезные политические разногласия сохраняются и среди некоторых евразийских держав, в частности между Китаем и Индией. Частично Индия претендует на ряд функций в мировой системе международных отношений, которые выполняет на данный момент Китай. Большое количество дешевой силы, экономические возможности «низкой базы» инфраструктуры Индии делают из нее не просто регионального, а глобального конкурента Китая. Ситуация осложняется нерешенными территориальными разногласиями, неприятием Индией китайских интеграционных инициатив. С другой стороны, антиколониальная риторика Индии и стран Глобального Юга определяют их по ряду вопросов ситуативным союзником Китая.

Во-вторых, одним из наиболее сложных препятствий на пути к неделимой и равной безопасности в Евразии служит хроническая политическая нестабильность в регионе Большого Ближнего Востока. Представляется, что государствам региона следует внимательнее присмотреться к опыту интеграции в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Именно такой формат, вероятно, наиболее отвечает нуждам стран региона, не готовых к скорейшему решению чувствительных проблем, но расположенных к диалогу по многоэтапному формированию региональной архитектуры безопасности.

В-третьих, «черным лебедем» международной безопасности служит развитие новых, цифровых технологий. С одной стороны, эти технологии увеличивают эффективность государственного управления, способствуя переходу национальной экономики к новому технологическому укладу [4]. С другой стороны, они же способствуют воспроизводству жестких форм социального контроля, что зачастую не уменьшает, а приумножает общественные страхи и небезопасность.

При этом очевидным конфликтогенным фактором служит увеличивающийся цифровой разрыв в странах Евразии, а также деструктивные тенденции в области медиатизации публичной политики и формирование «культы безопасности» в ряде западных стран. Все это, по-видимому, требует скоординированной информационной политики ведущих евразийских держав.

Идея построения равной и неделимой безопасности также сталкивается с рядом фундаментальных проблем теоретического характера.

Во-первых, сама постановка вопроса о неделимой безопасности в Евразии не лишена противоречий. Неделимая безопасность как универсальный международно-правовой принцип подразумевает отказ государств от укрепления собственной безопасности за счет безопасности других стран. Ограничиваясь же каким-либо географическим пространством, идея о неделимой безопасности становится фикцией, ибо такой формат архитектуры безопасности перестает быть инклюзивным и допускает выборочное использование принципа, т. е. обеспечение безопасности стран региона за счет внерегиональных акторов. Таким образом, рассуждая о неделимой безопасности в Евразии, следует говорить о максимально инклюзивном пространстве сотрудничества, открытом для всех государств и народов мира. Напротив, рассуждая о Евразии как замкнутой «социокультурной системе» [10 с. 134] и ограничиваясь исключительно ее рамками, можно говорить лишь о некоей форме коллективной безопасности, предполагающей возможность стран региона коллективно противостоять угрозам извне.

Во-вторых, фундаментальным ограничителем принципа неделимой безопасности выступает дилемма «право на самоопределение — территориальная целостность». Данная проблема отчетливо проявилась во времена югославских войн, на фоне украинского кризиса, а также, вероятно, проявится в будущем в связи с тайваньским вопросом. Суть дилеммы состоит в том, что в условиях формального равенства суверенных государств и отсутствия верховного арбитра каждое государство вольно иметь

собственную интерпретацию международной справедливости, в различных международных ситуациях склоняясь либо в пользу доктрины права народов на самоопределение, либо в пользу доктрины территориальной целостности государства. Это отсутствие своего рода равной и «неделимой справедливости» делает невозможным достижение неделимой безопасности. Для этого потребуются либо серьезные компромиссы в вопросе ценностей, либо наличие авторитетного и влиятельного регулятора международных отношений. Ни то, ни другое не прослеживается в обозримом будущем.

В-третьих, существенным ограничением концепта неделимой безопасности можно назвать ее исключительный государствовцентризм. Сама по себе постановка государства в центр интереса не является ошибкой, поскольку, как отмечают специалисты, «государство все еще имеет статус привилегированного игрока, который исторически заведовал вопросами безопасности и приспособлен для этого наиболее оптимально» [20, с. 37]. С другой стороны, очевидно, что государство не может быть единственным референтным объектом безопасности, а конечной целью любой политики в сфере безопасности является благополучие людей и народа, которому призвано служить государство. В этой связи представляется важным правильно обозначить акценты в политике построения региональной архитектуры безопасности в Евразии, уделяя внимание не только неделимой безопасности в отношениях между государствами, но и, к примеру, органичному диалогу народов и культур континента.

Заключение

Наращение международной конфликтности, неготовность к политическим компромиссам, двойственное влияние новых технологий, а также столкновение противоречивых международно-правовых доктрин — все эти и многие другие факторы скорее указывают на невозможность построения равной и неделимой безопасности в Евразии в обозримой перспективе.

Означает ли сказанное, что от данной идеи следует отказаться как от очевидной идеалистической иллюзии? Неделимая безопасность, без сомнений, является утопией, но утопией необходимой. Утопия является составным элементом международной политики в той же мере, в какой ей является реальность. В этой связи справедливой представляется оценка одного из классиков политического реализма в теории международных отношений Эдварда Карра: «...чистый реализм не может предложить ничего, кроме неприкрытой борьбы за власть, которая делает невозможным любое международное сообщество. Разрушив нынешнюю утопию оружием реализма, мы должны построить новую утопию, которая однажды падет от того же оружия» [21, с. 87]. Текущие обстоятельства во многом напоминают обстановку конца 1930-х гг., когда были написаны эти строки. Современные регуляторы международных отношений уже не способны сдерживать возрастающую конфликтность в мире, а проекты нового миропорядка точно «разбросаны на множестве частных чертежных досок, и проект ни одного из них еще не утвержден» [2, с. 140]. Идея построения равной и неделимой безопасности в Евразии является одним из таких перспективных проектов, который имеет шансы на частичную реализацию. Для этого в первую очередь необходима суверенизация евразийского научно-образовательного пространства [3], организация широкой экспертной дискуссии и политического диалога с привлечением специалистов различных государств Евразийского континента.

Литература

1. Баранов Н.А. Мировая политика в условиях геополитической неопределенности: тренды и перспективы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. № 19 (3). С. 486–504. EDN: UYTYSH. DOI: 10.21638/spbu23.2023.309
2. Бауман З., Донскис Л. Моральная слепота. Утрата чувствительности в эпоху текучей современности. М. : ИД Ивана Лимбаха, 2019. 368 с. ISBN: 978-5-89059-355-9.
3. Глазьев С.Ю. О суверенизации евразийского научно-образовательного пространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 4. С. 9–10. EDN: FVBZNP. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-9-10

4. *Глазьев С.Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. М. : ВладДар, 1993. 310 с. ISBN: 5-86209-003-7. EDN: YSXIUU
5. *Гуськова Е.Ю.* Балканский опыт миротворчества в современных условиях // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 3 (60). С. 72–88. EDN: YMZUUN. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-3-60-72-88
6. *Демкин И.Л.* Ливийская проблема во внешнеполитической деятельности стран ЕС // Закон и власть. 2022. № 3. С. 3–8. EDN: RVLWCJ
7. *Коновалов В.Н., Погосян Г.К.* Нагорно-Карабахский конфликт в контексте теории секьюритизации // Общество: политика, экономика, право. 2020. №8 (85). С. 13–17. EDN: OSMXUX. DOI: 10.24158/пер.2020.8.1
8. *Коренев Е.С.* Операции НАТО в Боснии и Герцеговине в контексте реализации региональной стратегии Альянса на Балканах в 1990–2000-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 202–207. EDN: ZGFWZB. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-202-207
9. *Лисенкова А.Д.* Партии «Альтернатива для Германии» и «Левая» в восточных землях: трансформация электоральных предпочтений // Регионология. 2023. Т. 31. № 3. С. 426–441. EDN: RBFUJN. DOI: 10.15507/2413-1407.124.031.202303.426-441
10. *Мелешин К.Ю., Феоничев А.Б.* Теоретические аспекты формирования концепта евразийской безопасности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 4. С. 133–141. EDN: BOWRQK. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-133-141
11. *Семененко И.С.* О природе политических изменений и подходах к их анализу // Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования : научная монография. М. : ИМЭМО РАН, 2014. 218 с. EDN: THMGKZ
12. *Согомонян В.Э.* Политика как сюжет. Драматургия современных предвыборных кампаний. М. : Альпина PRO, 2022. 131 с. ISBN: 978-5-206-00019-1.
13. *Фатенков А.* Культ безопасности как тоталитарная угроза // Философская антропология. 2021. Т. 7. № 2. С. 104–109. EDN: DVIETK. DOI: 10.21146/2414-3715-2021-7-2-104-109
14. *Хотулев А.С.* Цифровой разрыв как глобальное явление и вызов для России // Россия и современный мир. 2022. №1 (114). С. 45–62. EDN: XHZJZF. DOI: 10.31249/rsm/2022.01.03
15. *Худолей К.К., Колосков Е.А.* Политика России на Балканах: современное состояние и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 1. С. 90–99. EDN: ERGICD. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-90-99
16. *Шумилов М.М., Шумилов Ю.М.* Внешние факторы армяно-азербайджанского конфликта в контексте второй карабахской войны // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3. С. 126–136. EDN: EJPREE. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-03-126-136
17. *Bigo D.* The (In)Securitization Practices of the Three Universes of EU Border Control: Military/Navy — Border Guards/Police — Database Analysts // Security Dialogue. 2014. Vol. 45. No. 3. P. 209–225. DOI: 10.1177/0967010614530459
18. *Booth K.* Theory of World Security. Aberystwyth : University of Wales Press, 2007.
19. *Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
20. *Buzan B., Wæver O., Wilde J. de.* Security: A New Framework for Analysis. London : Lynne Rienner Publishers, Inc. 1998.
21. *Carr E.H.* The Twenty Years' Crisis, 1919–1939. Reissued with a New Preface from Michael Cox. Palgrave Macmillan : London, 2016. DOI : 10.1057/978-1-349-95076-8
22. *Harari Y.N.* Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. Kindle Edition, 2016.
23. *Janowski Z.* Homo Americanus. The Rise of Totalitarian Democracy in America. South Bend : St. Augustine's Press, 2021.
24. *Luckham R.* Dilemmas of Military Disengagement and Democratization in Africa // IDS Bulletin. 1995. Vol. 26. No. 2. P. 49–61.

25. *Migdal J.S.* Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World. Princeton : Princeton University Press, 1988.
26. *Palik J., Obermeier A.M., Rustad S.A.* Conflict Trends: A Global Overview, 1946–2022 // PRIO Paper, Oslo : PRIO, 2023.
27. *Rosenau J.N.* Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton : Princeton University Press, 1990.
28. *Roubini N.* MegaThreats: Ten Dangerous Trends That Imperil Our Future, And How to Survive Them. New York : Little, Brown and Company, 2022.
29. *Segal A.* The Hacked World Order: How Nations Fight, Trade, Maneuver, and Manipulate in the Digital Age. New York : Public Affairs, 2016.
30. *Stegen K.S.* Deconstructing the “Energy Weapon”: Russia’s Threat to Europe as Case Study // Energy Policy. 2011. Vol. 39. No. 10. P. 6505–6513.

Об авторах:

Гайдаев Олег Сергеевич, старший преподаватель кафедры международных отношений Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук;
e-mail: gaydaev-os@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-5970-3726

Коваленко Владимир Дмитриевич, старший преподаватель кафедры международных отношений Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: kovalenko-vd@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-4260-8877

Лисенкова Алена Денисовна, старший преподаватель кафедры международных отношений Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук;
e-mail: alena.denisovna@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2457-3466

References

1. Baranov N.A. World Politics in Conditions of Geopolitical Uncertainty: Trends and Prospects // Political Expertise: POLITEX. 2023. Vol. 19. No. 3. P. 486–504. (In Rus.) EDN: UYTYSH. DOI: 10.21638/spbu23.2023.309
2. Bauman Z., Donskis L. Moral Blindness: The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity. Moscow: Ivan Limbakh Publ. House, 2019. 368 p. ISBN: 978-5-89059-355-9 (In Rus.).
3. Glazyev S.Yu. On the Sovereignty of the Eurasian Scientific and Educational Space // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 4. P. 9–10. (In Rus.) EDN: FVBZNP. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-9-10
4. Glazyev S.Yu. The Theory of Long-Term Technical and Economic Development. Moscow : VlaDar, 1993. 310 p. ISBN: 5-86209-003-7. (In Rus.) EDN: YSXIUU
5. Guskova E.Y. Balkan’s Experience in Peacekeeping // MGIMO Review of International Relations. 2018. Vol. 3. No. 60. P. 72–88. (In Rus.) EDN: YMZUUH. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-3-60-72-88
6. Demkin I.L. The Libyan Problem in the Foreign Policy of the EU Countries // Law and Power. 2022. No. 3. P. 3–8. (In Rus.) EDN: RVLWCJ
7. Kononov V.N., Poghosyan G.K. The Nagorno-Karabakh Conflict in the Context of Securitization theory // Society: Politics, Economics, Law. 2020. No. 8 (85). P. 13–17. (In Rus.) EDN: OSMXUX. DOI: 10.24158/rep.2020.8.1
8. Korenev E.S. NATO’s Operations in Bosnia and Herzegovina in the Context of the Alliance’s Regional Strategy Realization in the Balkans in the 1990–2000s // Izvestiya of Saratov University. History. International

- Relations. 2017. Vol. 17. No. 2. P. 202–207. (In Rus.) EDN: ZGFWZB. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-202-207
9. Lisenkova A.D. The Alternative for Germany and the Left Parties in the Eastern States: Transformation of Electoral Preferences // Russian Journal of Regional Studies. 2023. Vol. 31. No. 3. P. 426–441. (In Rus.) EDN: RBFUJN. DOI: 10.15507/2413-1407.124.031.202303.426-441
 10. Meleshin K.Yu., Feonichev A.B. Theoretical Aspects of the Formation of the Concept of Eurasian Security // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 4. P. 133–141. (In Rus.) EDN: BOWRQK. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-133-141
 11. Semenenko I.S. On the Nature of Political Changes and Approaches to Their Analysis // Political Change in a Global World: Theoretical and Methodological Problems of Analysis and Forecasting. Moscow : IMEMO RAS, 2014. 218 p. (In Rus.) EDN: THMGKZ
 12. Soghomonyan V.E. Politics as a Plot. The Dramaturgy of Modern Election Campaigns. Moscow : Alpina PRO, 2022. 131 p. ISBN: 978-5-206-00019-1. (In Russ.)
 13. Fatenkov A. The Cult of Security as a Totalitarian Threat // Philosophical Anthropology Scientific Web Journal. 2021. Vol. 7. No. 2. P. 104–109. (In Rus.) EDN: DVIETK. DOI: 10.21146/2414-3715-2021-7-2-104-109
 14. Khotulev A.S. Digital Gap as a Global Phenomenon and a Challenge for Russia // Russia and the Contemporary World. 2022. No. 1 (114). P. 45–62. (In Rus.) EDN: XHZJZF. DOI: 10.31249/rsm/2022.01.03
 15. Khudoley K.K., Koloskov E.A. Russian Policy in the Balkans: Current Situation and Perspectives // World Economy and International Relations. 2021. Vol. 65. No. 1. P. 90–99. (In Rus.) EDN: ERGICD. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-90-99
 16. Shumilov M.M., Shumilov Yu.M. External Factors of the Armenian-Azerbaijani Conflict in the Context of the Second Karabakh War // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. Vol. 16. No. 3. P. 126–136. (In Rus.) EDN: EJPRRE. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-03-126-136
 17. Bigo D. The (In)Securitization Practices of the Three Universes of EU Border Control: Military/Navy — Border Guards/Police — Database Analysts // Security Dialogue. 2014. Vol. 45. No. 3. P. 209–225. DOI: 10.1177/0967010614530459
 18. Booth K. Theory of World Security. Aberystwyth : University of Wales Press, 2007.
 19. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
 20. Buzan B., Wæver O., Wilde J. de. Security: A New Framework for Analysis. London : Lynne Rienner Publishers, Inc. 1998.
 21. Carr E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939. Reissued with a New Preface from Michael Cox. Palgrave Macmillan : London, 2016. DOI : 10.1057/978-1-349-95076-8
 22. Harari Y.N. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. Kindle Edition, 2016.
 23. Janowski Z. Homo Americanus. The Rise of Totalitarian Democracy in America. South Bend : St. Augustine's Press, 2021.
 24. Luckham R. Dilemmas of Military Disengagement and Democratization in Africa // IDS Bulletin. 1995. Vol. 26. No. 2. P. 49–61.
 25. Migdal J.S. Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World. Princeton : Princeton University Press, 1988.
 26. Palik J., Obermeier A.M., Rustad S.A. Conflict Trends: A Global Overview, 1946–2022 // PRIO Paper, Oslo : PRIO, 2023.
 27. Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton : Princeton University Press, 1990.
 28. Roubini N. MegaThreats: Ten Dangerous Trends That Imperil Our Future, And How to Survive Them. New York : Little, Brown and Company, 2022.
 29. Segal A. The Hacked World Order: How Nations Fight, Trade, Maneuver, and Manipulate in the Digital Age. New York : Public Affairs, 2016.

30. Stegen K.S. Deconstructing the “Energy Weapon”: Russia’s Threat to Europe as Case Study // Energy Policy. 2011. Vol. 39. No. 10. P. 6505–6513.

About the Authors:

Oleg S. Gaidaev, Senior Lecturer of the Department of International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), Candidate of Political Sciences; e-mail: gaydaev-os@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-5970-3726

Vladimir D. Kovalenko, Senior Lecturer of the Department of International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: kovalenko-vd@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-4260-8877

Alena D. Lisenkova, Senior Lecturer of the Department of International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), Candidate of Political Sciences; e-mail: alena.denisovna@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2457-3466

Деятельность ЕАЭС по достижению целей устойчивого развития

Торопыгин А. В.*, **Ирошкина Т. В.**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

*e-mail: toropygin-av@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-0678-3347

РЕФЕРАТ

В период мирового политического кризиса произошла вынужденная ревизия многих международных и мировых инициатив, инициатором которых была ООН. Несмотря на разное мнение среди государств по поводу целесообразности продолжения программы Целей устойчивого развития (ЦУР), и ООН, и большинство стран не ставят под сомнение необходимость ее продолжения.

Замедление процесса глобализации, сегментация глобального пространства, выход на первый план региональных процессов стали стимулом развития региональных интеграционных структур. В значительной мере из трех иерархических уровней (глобального, регионального, национального) повысилось значение среднего уровня.

В статье рассматривается деятельность ЕАЭС по достижению целей устойчивого развития. Показано, что достижение ЦУР рассматривается сквозь призму достижения интеграционных приоритетов, отраженных в Стратегии развития ЕАЭС-2025.

Цель. Охарактеризовать деятельность региональной интеграционной структуры ЕАЭС по достижению ЦУР.

Задачи. Рассмотреть основные механизмы мониторинга по достижению ЦУР в деятельности ЕАЭС.

Методология. Для достижения целей исследования были использованы описательный и сравнительный методы.

Результаты. Продемонстрировано, что внедрение ЦУР в региональную повестку дня оказывает стимулирующее воздействие на стратегию развития ЕАЭС.

Выводы. Мировой кризис стимулировал более пристальное внимание к региональному уровню развития, где в экономической плане интеграционные структуры играют основную роль. Достижение ЦУР способствует развитию экономики, социальному прогрессу и демократии через достижение устойчивого развития государств-членов. В период жесткого противостояния мировых большинства и меньшинства концепция ЦУР показала свою востребованность в качестве самого общего ориентира развития мира. На протяжении всех лет после принятия программы развития не прерывались международные многосторонние встречи различного уровня, в том числе и на уровне ООН, с обсуждениями результатов достижения ЦУР, и наиболее влиятельных региональных интеграционных объединений (РИО).

Ключевые слова: ЦУР, ЕАЭС, индикаторы, локализация, региональные интеграционные структуры, ESG

Для цитирования: Торопыгин А. В., Ирошкина Т. В. Деятельность ЕАЭС по достижению целей устойчивого развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 4. С. 98–108.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-98-108>. EDN: SQOIRA

Activities of the EAEU Countries to achieve the Implementation of Sustainable Development Goals

Andrey V. Toropygin*, Tatyana V. Iroshkina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management), Saint Petersburg, Russian Federation

*e-mail: toropygin-av@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-0678-3347

ABSTRACT

During the period of the global political crisis, there was a forced revision of many international and global initiatives initiated by the UN. Despite the different opinions among states regarding the advisability of continuing the Sustainable Development Goals program, the UN and most countries do not question the need for its continuation.

The slowdown of the globalization process, the segmentation of the global space, and the emergence of regional processes to the fore have become an incentive for the development of regional integration structures. To a large extent, of the three hierarchical levels (global, regional, national), the value of the middle level has increased.

The article examines the activities of the EAEU to achieve sustainable development goals. It is shown that achieving the SDGs is viewed through the prism of achieving integration priorities reflected in the EAEU Development Strategy-2025.

Aim. Describe the activities of the regional integration structure of the EAEU to achieve the SDGs.

Tasks. Consider the main monitoring mechanisms for achieving the SDGs in the activities of the EAEU.

Methods. To achieve the objectives of the study, descriptive and comparative methods were used.

Results. It has been demonstrated that the introduction of SDGs into the regional agenda has a stimulating effect on the development strategy of the EAEU.

Conclusions. The global crisis has stimulated closer attention to the regional level of development, where, in economic terms, integration structures play a major role. Achieving the SDGs contributes to economic development, social progress and democracy through achieving sustainable development of member states. In a period of severe confrontation between the world's majorities and minorities, the SDG concept has shown its relevance as the most general guideline for the development of the world. Throughout the years after the adoption of the development program, international multilateral meetings at various levels, including at the UN level, were not interrupted, discussing the results of achieving the SDGs by the world's RIOs.

Keywords: SDGs, EAEU, indicators, localization, regional integration structures, ESG

For citation: Toropygin A. V., Iroshkina T. V. Activities of the EAEU Countries to achieve the Implementation of Sustainable Development Goals // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 4. P. 98–108. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-98-108>. EDN: SQOIRA

Введение

В современном мире Повестка дня в области устойчивого развития признана как важный ориентир как на национальном, так и на международном уровнях. ООН подтверждает, что сотрудничество между странами — участниками международных и региональных экономических объединений имеет весомое значение для достижения целей устойчивого развития. Эволюция современных интеграционных объединений, находящаяся уже далеко за пределами создания обычных зон свободной торговли и простого движения капитала, обеспечивает их вовлеченность во все больший спектр устойчивого развития.

В процессе развития все более важным становится региональное измерение, включая влияние региональных интеграционных объединений на достижение устойчивого развития. Очевидно, что

региональные интеграционные объединения, такие как ЕАЭС, предоставляют все больше возможностей для развития государств-членов.

В условиях экономической глобализации возникает противоречие между этим процессом и суверенитетом государства. Это противоречие может быть разрешено путем регионализации. До последнего времени это противоречие разрешалось путем наделения наднациональными полномочиями мегарегуляторов, таких как Всемирный банк, Всемирный валютный фонд, ВТО и других. Страны Запада имели и имеют возможность принимать в них нужные им решения. Попытки незападных стран получить в них соответствующее количество голосов не увенчалось успехом. Поэтому на региональном уровне в первую очередь Россия и Китай стали создавать свои регуляторы, такие как Новый банк развития БРИКС. Эти структуры уже могут оказывать и оказывают значительное влияние на современную экономическую архитектуру, а следовательно, и на социально-экономическое развитие, делая его более справедливым для всех.

С другой стороны, ясно, что, например, ЕС не может быть такой структурой.

Программа устойчивого развития и императивы ЦУР

Цели устойчивого развития (ЦУР), Программа ООН по развитию всего человечества на период с 2015 по 2030 гг.¹ были с удовлетворением приняты всеми странами мира. Тому было много причин. Во-первых, с одной стороны, достаточно успешное окончание предыдущей программы — Целей развития тысячелетия (ЦРТ)². С другой стороны, ее явная незавершенность. Но главное, ЦРТ пытались достичь в парадигме развития стран: деля все страны на доноров и реципиентов. Развивающиеся страны, которые давно требовали более справедливых условий развития для всех, новую концепцию Программы ЦУР приняли с осторожным оптимизмом. Немаловажно было и то, что в разработке Программы активное участие приняли и парламентарии всех стран мира, и межпарламентские структуры. На государственном уровне именно парламентарии выделяют денежные средства на продвижение национальных стратегий развития. Таким образом, парламентарии были в курсе всего связанного с целями и задачами инициативы.

Запуск онлайн-платформы My World [10, с. 37] позволил получить обратную связь через социальные сети, что облегчило как формирование Программы, так и саму подготовку ЦУР.

Программа была принята и развитыми, и развивающимися странами. И сегодня парадигма мирового устойчивого развития, принятая в рамках конференции ООН, считается основой общего будущего планеты [9, с. 116].

Локализация ЦУР проводилась на трех уровнях: глобальном, региональном и национальном.

Таким образом, в достижении ЦУР на региональном уровне особое значение имеют региональные интеграционные объединения, которые сами по себе следует рассматривать как свободные от политики, но эффективные с точки зрения экономического развития механизмы.

Достижение ЦУР на региональных уровнях

Принятие ЦУР по времени совпало с началом деятельности ЕАЭС, и естественно, что новое интеграционное объединение было вовлечено в этот процесс. ЕАЭС был задуман таким образом, чтобы иметь возможность перестраивать пути развития, принимая решения в дальнейшем действовать в новой концепции, в том числе и устойчивого развития [4, с. 11–12].

Дальнейшее развитие событий по претворению в жизнь Программы, как известно, пошло по худшему сценарию. Пандемия COVID-19, затем резкое ухудшение отношений России и Запада, эскалация

¹ Resolution 70/1, adopted by the General Assembly on 25 September 2015 “Transforming our world: The 2030 agenda for Sustainable Development” [Электронный ресурс] // UN Official Website. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf (дата обращения: 27.03.2024).

² Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 08.09.2000 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 02.04.2024).

напряженности между Российской Федерацией и НАТО. В этих условиях многие эксперты и политики говорят о необходимости поставить программу на паузу и решить, что делать дальше¹. Думается, что для такой позиции есть достаточно оснований.

Вместе с тем ООН не обсуждает эти взгляды, не принимает никаких решений о приостановке Программы, хотя и согласна, что не все цели могут быть выполнены². В этом же ключе можно рассматривать действие и ЕАЭС — последовательно продвигаясь к намеченным целям, но изменяя некоторые приоритеты. В частности, приоритетом в рамках объединения пользовалась ЦУР-3 «Хорошее здоровье и благополучие», что дало не только возможность создания совместных производств вакцины «Спутник-V» [8, с. 130], но и решить вопросы производства медицинского оборудования и лекарственных средств [3, с. 438].

Мировой политический кризис, безусловно, самым серьезным образом в худшую сторону повлиял на все направления взаимодействия практически всех стран и региональных интеграционных структур. Происходит дальнейшая сегментация общих глобальных пространств³. Однако региональные/интеграционные пространства пока что выдерживают и даже продолжают развиваться, наглядным примером чего является расширение ШОС и БРИКС.

Известно, что сегодня появилось новое понимание мира; мир состоит из мирового большинства (по сути глобальный Юг) и мирового меньшинства (глобальный Запад). Практическое взаимодействие их стремится к минимуму. Уникальность Глобальной программы ЦУР в том, что сегодня в ее рамках по-прежнему представляется возможность хотя и ограниченного, но все же взаимодействия РИО, находящихся на разных полюсах мировой политики. Такие встречи проходят и в ЕС, и в МЕРКОСУР (общий рынок стран Южной Америки), АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии) и других интеграционных структурах.

К примеру, обсуждение по достижению ЦУР в АСЕАН идет в рамках соответствующего Министерского Диалога⁴, целью которого является укрепления партнерства путем проведения совместных инициатив по улучшению жизни всех народов региона. Особое место занимают преодоление последствий COVID-19 (рассматривается в широком контексте через ЦУР-3, 6, 11), изменения климата, борьбы с бедностью (ЦУР-1). Большое внимание уделено ЦУР-8 (борьба с безработицей), наличию достойного труда; ЦУР-11 — устойчивые города и сообщества. Региональная специфика (наряду с ЦУР-13 — действия по борьбе с изменением климата) учитывается в ЦУР-14 — сохранение жизни под водой⁵.

В том или ином виде вопросы достижения ЦУР рассматриваются во всех интеграционных структурах.

Вопросы согласованности приоритетов развития ЕАЭС и ЦУР

Не является исключением из тенденций о необходимости достижения ЦУР на уровне РИО и ЕАЭС. Однако в этой ситуации важно, что между построением Большой Евразии через интеграцию интеграций, иными словами через интеграцию различных форматов и достижение ЦУР, существует взаимно однозначное соотношение: формирование Большой Евразии идет тем быстрее, чем быстрее достигаются ЦУР [11, с. 28]. Цели ЦУР органично входят в достижение интеграционных целей ЕАЭС в рамках Стратегии-2025⁶.

¹ В надежде на ЦУР. Интервью с генеральным директором отделения ООН в Женеве Т. Д. Валовой [Электронный ресурс] // МГИМО-Университет. 30.06.2022. URL: <https://mgimo.ru/about/news/departments/valova/> (дата обращения: 28.03.2024).

² Halfway to 2030, world 'nowhere near' reaching Global Goals, UN warns [Электронный ресурс] // UN News. 17.06.2023. URL: <https://news.un.org/en/story/2023/07/1138777> (дата обращения: 29.03.2024).

³ Сергей Глазьев в Совете Федерации: «Баланс интересов, взаимная выгода и эффективная адаптация обеспечивают развитие евразийской интеграции» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 08.11.2023. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/novosti/balans-interesov-vzaimnaya-vygoda-i-effektivnaya-adaptatsiya-obespechivaet-razvitie-evraziyskoy-inte/ (дата обращения: 01.04.2024).

⁴ Joint Statement of the 2nd ASEAN Ministerial Dialogue on Accelerating Actions to Achieve the Sustainable Development Goals (SDGs). March 31, 2023. [Электронный ресурс] // ASEAN Main Portal. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/05/Joint-Statement-of-the-2nd-ASEAN-Ministerial-Dialogue-on-SDGs-FINAL.pdf> (дата обращения: 02.04.2024).

⁵ Там же.

⁶ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (дата обращения: 03.04.2024)

Евразийская интеграция в отношении достижения целей ЦУР является мировым лидером среди РИО¹. Конечно, это не спортивное мероприятие, здесь важна не «победа», а участие, но это важно, потому что достижение целей во многом решит глобальные проблемы человечества.

Еще в 2017 г. ЕАЭС стал первым интеграционным объединением, представившим доклад о достижении ЦУР среди интеграционных объединений в рамках Глобальной инициативы ООН по достижению государствами устойчивого развития [6, с. 236]. Доклад был представлен для публичного обсуждения на Политическом форуме высокого уровня по устойчивому развитию Экономического и Социального Совета ООН (ЭКОСОС)². В дискуссии о возможностях реализации ЦУР на региональном уровне приняли участие представители АСЕАН, КАРИКОМ (Карибское сообщество), САДК (Сообщество развития Юга Африки), ЛАГ (Лига арабских государств), ЕС. Как известно, это ключевое мероприятие по мониторингу повестки ООН до 2030 г.

Существует достаточно много подходов к формированию и оценке самих 356 индикаторов, показывающих движение к намеченным целям (основная таблица по всем индикаторам содержится на сайте подразделения статистики ООН)³.

Так, модель, в которой все 17 ЦУР группируются по трем основным направлениям (экономика, общество и биосфера), по мнению авторов, дает возможность смоделировать не только влияния на отдельные ЦУР, но и на движение стран в целом к устойчивому развитию [5] (рис. 1 показывает одно из возможных делений ЦУР на группы).

Само понятие «устойчивое развитие» продолжает развиваться. Одним из результатов этого процесса стала разработка принципов ESG (экологическое, социальное и государственное управление в контексте устойчивого развития). В то же время концепция устойчивого развития охватывает более широкий формат, включающий экономические, социальные и экологические аспекты, а также удовлетворение потребностей текущего поколения без вреда будущим поколениям [7, с. 153]. ESG является частью подхода к устойчивому развитию, сфокусированного на конкретных аспектах деятельности акторов международного взаимодействия, например, городов.

Рис. 1. Классификация ЦУР по трем основным направлениям

Fig. 1. Classification of SDGs according to three main areas

Источник: Возможное представление ЦУР по данным [5].

¹ Вклад региональной интеграции в достижение ЦУР обсудили на площадке ООН [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 13.03.2024. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/vklad-regionalnoy-integratsii-v-dostizhenie-tsurob-sudili-na-ploshchadke-oon/> (дата обращения: 03.04.2024)

² В ООН представлен доклад ЕЭК о достижении Целей устойчивого развития в регионе ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 12.07.2017. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/12-07-2017/> (дата обращения: 04.04.2024).

³ SDG Indicators — Global Database [Электронный ресурс] // UN Department of Economic and Social Affairs. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/indicators/database/> (дата обращения: 04.04.2024).

В работе «Достижение Целей устойчивого развития в рамках Евразийского экономического союза» авторы анализируют динамику статистики по ЦУР-1, 3, 8, 9 [4].

Очевидно, что виды мониторинга и статистические данные напрямую зависят от вопроса, с какой целью это делается. В интеграционных структурах, как правило, разрабатывается и используется своя система индикаторов интеграции. Вместе с тем все такие системы построены на измерении уровня «четырёх свобод», которые составляют основу процесса интеграции. Интерпретируются они следующим образом:

- 1) торговые потоки;
- 2) финансовые потоки;
- 3) разрывы в доходах;
- 4) миграционные потоки [4].

Для интеграционного процесса в целом используется т. н. «сводный индекс интеграции» (см. рис. 2). Его суть — объединение различных индикаторов, позволяющих учитывать «важность» каждого (с использованием математических методов, параметрических методов оценки регрессии)¹.

Рис. 2. Система индикаторов интеграции ЕЭК, формирующих сводный индекс интеграции

Fig. 2. System of EEC integration indicators forming a composite integration index

Источник: разработано авторами по данным «Система индикаторов интеграции как инструмент анализа функционирования региональных интеграционных объединений» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 2019.

URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b81/Indikatoriy-integratsii-2019.pdf> (дата обращения: 05.04.2024)

Вопросы мониторинга ЦУР со стороны международных структур — то направление международных отношений/многосторонней дипломатии, которое не прерывалось ни в период пандемии, ни в настоящее время.

¹ Доклад ЕЭК «Система индикаторов интеграции как инструмент анализа функционирования региональных интеграционных объединений» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 2019. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b81/Indikatoriy-integratsii-2019.pdf> (дата обращения: 05.04.2024).

Круглый стол «ЕАЭС: устойчивое развитие и реализация ЦУР на субрегиональном уровне» прошел в Женеве (2018 г.) в рамках Регионального форума по устойчивому развитию ООН¹. Одной из основных тем дискуссии стало обсуждение доклада о влиянии интеграции на достижение ЦУР государствами — членами ЕАЭС и их инклюзивном росте².

Такие же мероприятия проходят и на национальном и межгосударственном уровнях и не прерываются даже с учетом текущей геополитической обстановки. Так, например, ЕЭК приняла участие в Политическом форуме высокого уровня по устойчивому развитию в 2023 г., когда в Нью-Йорке выступила директор Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии Гоар Барсегиан. Она подчеркнула, что в тех сферах, где в рамках ЕАЭС взаимодействие развивается наиболее активно, наблюдается больший прогресс в достижении ЦУР³.

Взаимное обсуждение и обмен опытом продолжается и на субрегиональном уровне. 13–14 марта 2024 г.⁴ в ЕЭК ООН прошел Региональный форум по устойчивому развитию. На следующий день, 15 марта 2024 г., в рамках сайд-ивента в Алматы «Роль региональной интеграции в достижении ЦУР: ЕАЭС и другие структуры» выступил управляющий директор-руководитель Дирекции устойчивого развития ЕАБР К. Альбрехт⁵. Он выразил надежду, что: «...в ближайшем будущем данные на уровне стран и регионов о процессе в достижении ЦУР станут такими же важными, как ВВП или степень расслоения общества — коэффициент Джини»⁶.

В 2019 г. был представлен статистический сборник, показывающий деятельность Союза по достижению целей ЦУР⁷. На следующий год был представлен отчет Евразийской экономической комиссии⁸. Систематизация накопленного опыта ЕАЭС стала важнейшим направлением деятельности Союза на пути к достижению ЦУР.

Речь в данном случае идет не только о предоставлении необходимой статистики, но и о научном обосновании необходимости тех или иных индикаторов. Это обусловлено справедливым замечанием о том, что «достижение устойчивого развития невозможно без наличия совокупности индикаторов, позволяющих создать основу для принятия решений, сформировать саморегуляцию в рамках национальных систем и осуществлять мониторинг движения стран в сторону устойчивости» [4, с. 12].

Важной научной задачей здесь является анализ согласованности приоритетов развития ЕАЭС и ЦУР. В этих целях были определены показатели достижения ЦУР, учитывающие, прежде всего, приоритеты развития ЕАЭС:

- влияние на показатели ЦУР свободы движения товаров;
- свобода движения рабочей силы;
- единый рынок услуг, бизнес и партнеры стран ЕАЭС, которые являются бенефициаром единого рынка.

¹ The Regional Forum on Sustainable Development for the UNECE Region, 1–2 March 2018. [Электронный ресурс] // UNECE. URL: <https://unece.org/regional-forum-2018> (дата обращения: 07.04.2024).

² Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза. 2018 год [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/edf/Doklad-integratsiya.pdf> (дата обращения: 07.04.2024).

³ Гоар Барсегиан выступила на Политическом форуме высокого уровня по устойчивому развитию [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/commission/department/dep_razv_integr/novosti/goar-barshegiyan-vystupila-na-politicheskom-forume-vysokogo-urovnya-po-ustoychivomu-razvitiyu-oon/ (дата обращения: 06.04.2024).

⁴ В центре внимания: Региональный форум по устойчивому развитию региона ЕЭК ООН [Электронный ресурс] // ООН Женщины. 11.03.2024. URL: <https://eca.unwomen.org/ru/stories/in-focus/2024/03/v-centre-vnimaniya-regionalnyy-forum-po-ustoychivomu-razvitiyu-regiona-eek-oon> (дата обращения: 08.04.2024).

⁵ Сайд-ивент «Роль региональной интеграции в достижении ЦУР: ЕАЭС и другие структуры» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/photo-gallery/sayd-ivent-rol-regionalnoy-integratsii-v-dostizhenii-tsur-eaes-i-drugie-struktury/> (дата обращения: 08.04.2024).

⁶ Там же.

⁷ Статистический сборник по показателям достижения Целей в области устойчивого развития в регионе Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 2019. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/SDG_abstract2019+cover.pdf (дата обращения: 08.04.2024).

⁸ Достижение Целей в области устойчивого развития в регионе Евразийского экономического союза. Статистический буклет [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 2020. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/SDG_booklet.pdf (дата обращения: 09.04.2024).

А также пути развития:

- обеспечение движения капиталов;
- внедрение цифровой повестки дня: унифицированная система поиска «работа без границ»;
- утверждение для реализации «перечня зеленых» проектов стран ЕАЭС;
- равноправный диалог мировых интеграционных структур как залог более эффективного функционирования мировой экономической архитектуры.

Еще одно важнейшее направление деятельности ЕАЭС по достижению ЦУР заключается в совершенствовании теоретической основы и увеличении охвата статистических данных отчетности. Так, еще в 2019 г. по заданию ЕАЭС «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации» выполнил НИР на тему «Разработка методологии анализа достижений показателей целей устойчивого развития в рамках интеграционного объединения и ее практическая апробация на примере Евразийского экономического союза. Оценка влияния интеграционных процессов в союзе на достижение данных показателей»¹.

Проведенные исследования позволили не только сформировать региональный перечень показателей достижения Целей устойчивого развития², но и совместить различные системы индикаторов, что очень важно для реальной деятельности, потому что, как подчеркнул академик РАН С. Ю. Глазьев, «обеспечение устойчивого развития государств ЕАЭС является одним из интеграционных приоритетов, отраженных в Стратегии-2025»³.

Мониторинг достижения ЦУР играет чрезвычайно важную роль. Для нормальной жизни населения Центральноазиатских стран ЕАЭС, по мнению ЕАБР (Евразийский банк развития), в настоящее время возникла острая необходимость в решении проблемы водной и энергетической безопасности; проще говоря дефицита энергии и воды⁴.

Научно обоснованный мониторинг позволил не только выявить критически важную взаимозависимость между ЦУР-7 (Доступная и чистая энергия), ЦУР-6 (Чистая вода и санитария) и ЦУР-2 (Нулевой голод), а также ЦУР-13 (Борьба с изменением климата) с ее уникальными приоритетами и условиями достижения, но и предложить выход. Специалисты банка считают, что один из путей решения этой сложной ситуации — развитие надежной транспортно-логистической инфраструктуры, в финансировании которой и может участвовать ЕАБР⁵.

Один из докладов НИУ ВШЭ, связанный с данной темой, назывался «Устойчивое развитие в неустойчивом мире: объединяя усилия регионов, городов и компаний» [11]. Споры нет, современный мир действительно крайне неустойчив, со множеством проблем. Но ведь само название Резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей 25.09.2015 начинается со слов «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», что необходимо воспринимать как саму возможность качественного преобразования.

Заключение

В архитектуре современного мира РИО играют все большее значение. В первую очередь это связано с перестройкой мирового порядка, где РИО могут развиваться в центры силы многополярного мира.

¹ Разработка методологии анализа достижений показателей Целей устойчивого развития в рамках интеграционного объединения и ее практическая апробация на примере Евразийского экономического союза. Оценка влияния интеграционных процессов в Союзе на достижение данных показателей [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 2019. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/nir_results/124847/ (дата обращения: 09.04.2024).

² В ЕАЭС согласовали региональный перечень показателей достижения Целей устойчивого развития [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 26.04.2022. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-soglasovali-regionalnyy-perechen-pokazateley-dostizheniya-tseley-ustoychivogo-razvitiya/> (дата обращения: 09.04.2024).

³ Там же. Там же.

⁴ ЕАБР: данные о прогрессе в достижении ЦУР станут такими же важными, как показатель ВВП [Электронный ресурс] // Евразийский Банк Развития. 15.03.2024. URL: <https://eabr.org/press/releases/eabr-dannye-o-progresse-v-dostizhenii-tsur-stanut-takimi-zhe-vazhnymi-kak-pokazatel-vvp-/> (дата обращения: 10.04.2024).

⁵ ЕАБР: данные о прогрессе в достижении ЦУР станут такими же важными, как показатель ВВП [Электронный ресурс] // Евразийский Банк Развития. 15.03.2024. URL: <https://eabr.org/press/releases/eabr-dannye-o-progresse-v-dostizhenii-tsur-stanut-takimi-zhe-vazhnymi-kak-pokazatel-vvp-/> (дата обращения: 10.04.2024).

ЦУР к этим процессам имеет опосредованное значение. Но ЦУР, которые были приняты всеми странами — членами ООН до сих пор имеют значение в качестве желаемого достижения для всех стран мира. Многосторонние дискуссии, которые не прекращаются до сих пор по поводу достижения этих целей, носят не политический характер, а основываются на механическом достижении того или иного показателя. Но в целом такая постановка взгляда на процесс развития дает возможность получить примеры эффективного развития как региональной структуры, РИО, а через это и государства-члена структуры/региона.

Несмотря на вызовы, такие как кризис международных институтов и геополитическая напряженность между Западом и Востоком, глобальная программа ЦУР по-прежнему не подвергается сомнению и дает возможность для обмена опытом международного сотрудничества в области развития для стран и интеграционных объединений, поддерживая тем самым один из важнейших институтов ООН — многосторонность.

В рамках ЕАЭС интеграция рассматривается как ключевой механизм для достижения ЦУР. Объединение стран в рамках союза способствует более эффективному решению общих проблем и целей. Показатели достижения ЦУР в ЕАЭС учитывают приоритеты развития союза, такие как свобода движения товаров и рабочей силы, цифровая интеграция и зеленые проекты.

На этом фоне ЕАЭС активно участвует в международных форумах и мероприятиях, посвященных устойчивому развитию и достижению ЦУР, что способствует обмену опытом и совместной разработке стратегий. Союз проводит научные исследования и анализирует статистические данные для оценки прогресса в достижении ЦУР, включая разработку методологий анализа и оценки влияния интеграционных процессов на достижение ЦУР. ЕЭК регулярно представляет статистические отчеты и отчеты о своей деятельности по достижению ЦУР, тем самым демонстрируя прогресс и результаты усилий по устойчивому развитию в рамках Союза.

Устойчивое развитие является неотъемлемой частью долгосрочной стратегии развития ЕАЭС-2025 и признается важным вектором развития. ЕАЭС активно внедряет концепцию устойчивого развития, ориентируясь на достижение ЦУР, что позволяет комплексно достигать определенных целей в рамках интеграционных процессов и продолжать движение к устойчивому развитию.

Литература

1. *Андронова И.В., Сахаров А.Г.* Индекс устойчивого развития стран БРИКС: методологические аспекты // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17. № 3. С. 23–47. EDN: EHNQCR. DOI: 10.17323/19967845-2022-03-02.
2. *Белоус Ю. А., Бордачев Т. В., Глазатова М. К.* [и др.] В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС [Текст] : докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 / ред. Т. А. Мешкова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 132 с. ISBN: 978-5-7598-21
3. *Герцик Ю. Г.* Перспективы развития интеграционных процессов стран ЕАЭС в области повышения эффективности и безопасности медицинских изделий // Экономические отношения. 2020. Т. 10. № 2. С. 437–446. EDN: XEFDFS. DOI: 10.18334/eo.10.2.110262
4. *Гиржова А. Е., Пищалина Н. И., Чернышова К. С.* Достижение Целей устойчивого развития в рамках Евразийского экономического союза // Ученые записки Тамбовского отделения РoCМУ. 2022. № 27. С. 10–19. EDN: KHTJOG
5. *Зубарев А., Луговой О., Поташников В., Шилов К.* Анализ сопутствующих характеристик целей устойчивого развития // Научный вестник ИЭП им. Гайдара.ру. 2018. № 12 (131). URL: https://www.iep.ru/files/Nauchniy_vestnik.ru/12-2018/35-42.pdf
6. *Лешенюк О. Н.* Интеграционная организация как форма международного сотрудничества в целях реализации повестки 2023: теоретико-функциональные аспекты // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития. Минск, 2021. Вып. 9. С. 227–241. EDN: DIHNNT. DOI: 10.33581/2311-9470-2021-9-227-241

7. Макарова В. В. Особенности стратегий устойчивого развития интеграционных объединений и рекомендации для ЕАЭС // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 11. С. 152–160. EDN: EJLRLO. DOI: 10.24158/пер.2023.11.19
8. Механизмы принятия наднациональных решений в ЕАЭС: вклад в стратегическое планирование и антикризисное управление : экспертный докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / Д. В. Галушко, М. К. Глазатова, В. Н. Зуев и др.; под ред. Т. А. Колобашкиной. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 234 с. ISBN: 978-5-7598-2784-9.
9. Сопилко Н. Ю., Кубасова Е. И., Мясникова О. Ю. Развитие интеграции Евразийского экономического союза для достижения целей устойчивого развития в контексте роста качества жизни населения // Вестник РГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 1. С. 115–125. EDN: IFLYGD. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-1-115-125
10. Торопыгин А. В., Садамиров Б. Ш., Садамирова Ф. Ш. Межпарламентский вектор интеграционных процессов. Душанбе : «ЭР-граф», 2020. 242 с. ISBN: 978-9-9975-6487-0.
11. Устойчивое развитие в неустойчивом мире: объединяя усилия регионов, городов и компаний : докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / М. Э. Аким [и др.]; под ред. Т. А. Колобашкиной. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 161 с. ISBN: 978-5-7598-2783-2.

Об авторах:

Торопыгин Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор;
e-mail: toropygin-av@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-0678-3347

Ирошкина Татьяна Владимировна, аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: tiroshkina-21@edu.ranepa.ru

References

1. Andronova I. V., Sakharov A. G. BRICS Sustainable Development Index: Methodological Aspects // International Organisations Research Journal. 2022. Vol. 17. No. 3. P. 23–47. (In Russ.) EDN: EHNQCR. DOI: 10.17323/19967845-2022-03-02
2. Belous Yu. A., Bordachev T. V., Glazatova M. K. [et al] In Search of a New Architecture of Multipolarity: International Cooperation of the EAEU [Text] : report to the XXI April international scientific conference on problems of economic and social development, Moscow, 2020 / ed. by T. A. Meshkova; National Research University "Higher School of Economics". Moscow : Higher School of Economics, 2020. 132 p. ISBN: 978-5-7598-21. (In Russ.)
3. Gertsik Yu. G. Prospects for the Development of Integration Processes in the EAEU Countries in the Field of Improving the Efficiency and Safety of Medical Devices // Journal of International Economic Affairs. 2020. Vol. 10. No. 2. P. 437–446. (In Russ.) EDN: XEFDFS. DOI: 10.18334/eo.10.2.110262
4. Girzhova A. E., Pishchalina N. I., Chernyshova K. S. Achieving the Goals of Sustainable Development within the Eurasian Economic Union // Study Notes Tambov branch RSMU. 2022. No. 27. P. 10–19. (In Russ.) EDN: KHTJOG
5. Zubarev A., Lugovoy O., Potashnikov V., Shilov K. Analysis of Accompanying Characteristics of Sustainable Development Goals // Scientific Bulletin of the Gaidar Institute of Economic Policy.ru. 2018. No. 12 (131). (In Russ.) URL: https://www.iep.ru/files/Nauchniy_vestnik.ru/12-2018/35-42.pdf

6. Leshenyuk O. N. Integration Organization as a Form of International Cooperation for the Implementation of the 2023 Agenda: Theoretical and Functional Aspects // Actual Problems of International Relations and Global Development. Minsk, 2021. No. 9. P. 227–241. (In Russ.) EDN: DIHNNT. DOI: 10.33581/2311-9470-2021-9-227-241
7. Makarova V. V. Characteristics of Sustainable Development Strategies of Integration Associations and Recommendations for the EAEU // Society: Politics, Economics, Law. 2023. No. 11. P. 152–160. (In Russ.) EDN: EJLRLO. DOI: 10.24158/pep.2023.11.19
8. The Mechanism for Making Supranational Decisions in the EAEU: Contribution to Strategic Planning and anti-Recessionary Management : expert report to XXIV Yasinskaya (April) scientific conference on the problems of economic and social development / D. V. Galushko, M. K. Glazatova, V. N. Zuev [et al.]; ed. by T. A. Kolobashina. Moscow : Higher School of Economics, 2023. 234 p. ISBN: 978-5-7598-2784-9. (In Russ.)
9. Sopilko N. Yu., Kubasova E. I., Myasnikova O. Yu. The EAEU Integration Development for the SDGs Achievement in the Context of an Increase in the Quality of life of the Population // RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series. 2022. No. 1. P. 115–125. (In Russ.) EDN: IFLYGD. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-1-115-125.
10. Toropygin A. V., Saidamirov B. Sh., Saidamirova F. Sh. Inter-parliamentary Vector of Integration Processes. Dushanbe : ER-graf. 2020. 242 p. ISBN: 978-9-9975-6487-0. (In Russ.)
11. Sustainable Development in an Unstable World: Combining the Efforts of Regions, Cities and Computers : report to XXIV Yasinskaya (April) scientific conference on the problems of economic and social development / M. E. Akim [et al.]; ed. by T. A. Kolobashina. Moscow : Higher School of Economics, 2023. 161 p. ISBN: 978-5-7598-2783-2. (In Russ.)

About the authors:

Andrey V. Toropygin, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor;
e-mail: toropygin-av@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-0678-3347

Tatyana V. Iroshkina, Graduate student of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: tiroshkina-21@edu.ranepa.ru

Китайско-российское сотрудничество в Арктике на современном этапе

Кефели И. Ф.*, Цуй Лун

Высшая школа международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: geokefeli@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6889-8924

РЕФЕРАТ

Исследование направлено на изучение работ китайских авторов по вопросам российско-китайского сотрудничества.

Цель. Проанализировать основные направления сотрудничества Китая и России в Арктике в интерпретации китайских авторов.

Задачи. Выявить современное состояние и прогнозы китайско-российского арктического сотрудничества, рассмотренные в работах китайских ученых, и сопоставить их с национальными интересами России.

Методология. Для определения специфики китайского понимания сотрудничества в Арктике были использованы историографический и геополитический подходы, ориентированные на принятие и осуществление политико-управленческих решений, достижение конкретных управленческих результатов. При помощи историографического подхода анализируется трансформация китайско-российских отношений, динамика и проблемы во взаимодействии двух стран.

Результаты. Комплексное исследование отражает специфику и показывает перспективы стратегического сотрудничества Китайской Народной Республики и Российской Федерации. Дан анализ по актуальным вопросам китайско-российского сотрудничества в Арктическом регионе на основе исследования работ китайских ученых. Обозначены и проанализированы существующие проблемы в китайско-российских отношениях и определены предложения по их разрешению. Сделан перспективный анализ развития китайско-российских отношений в Арктике на основе работ китайских исследователей.

Ключевые слова: Арктика, Северный морской путь (СМП), российско-китайское сотрудничество в Арктике, национальные интересы, научные исследования.

Для цитирования: Кефели И. Ф., Цуй Лун. Китайско-российское сотрудничество в Арктике на современном этапе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 4. С. 109–118.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-109-118>. EDN: USJLPM

Chinese-Russian Cooperation in the Arctic at the Present Stage

Igor F. Kefeli*, Cui Lung

Higher School of International Relations of the Humanitarian Institute of St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great, Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: geokefeli@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6889-8924

ABSTRACT

The study is aimed at studying the works of Chinese authors on the issues of Russian-Chinese cooperation.

Aim. To analyze the main areas of cooperation between China and Russia in the Arctic as interpreted by Chinese authors.

Tasks. To identify the current state and forecasts of Chinese-Russian Arctic cooperation, considered in the works of Chinese scientists, and compare them with the national interests of Russia.

Methods. To determine the specifics of the Chinese understanding of cooperation in the Arctic, historiographic and geopolitical approaches were used, focused on the adoption and implementation of political and managerial decisions, achieving specific managerial results. Using the historiographic approach, the transformation of Chinese-Russian relations, the dynamics and problems in the interaction of the two countries are analyzed.

Results. A comprehensive study reflects the specifics and shows the prospects for strategic cooperation between the People's Republic of China and the Russian Federation. An analysis is given on current issues of Chinese-Russian cooperation in the Arctic region based on a study of the works of Chinese scientists. The existing problems in Chinese-Russian relations are identified and analyzed, and proposals for their resolution are defined. A prospective analysis of the development of Chinese-Russian relations in the Arctic is made based on the works of Chinese researchers.

Conclusions. The People's Republic of China and the Russian Federation are important partners in the development of the Arctic. This partnership is built on the basis of comprehensive strategic interaction between the countries. The two countries need to further deepen their Arctic cooperation. It is necessary to overcome the difficulties for the stable and sustainable development of the Arctic. Cooperation between China and Russia in the Arctic will continue to develop on the basis of a strategic partnership between the countries. At the same time, Russia considers the Northern Sea Route as a competitive national transport artery with the possibility of its international use for transportation between Europe and Asia. To this end, the Russian Federation gives priority attention, in particular, to the issues of neutralizing the course of unfriendly states to militarize the region and limit Russia's ability to exercise its sovereign rights in the Arctic zone of the Russian Federation, as well as to establishing mutually beneficial cooperation with non-Arctic states that pursue a constructive policy towards Russia and are interested in implementing international activities in the Arctic, including the infrastructural development of the Northern Sea Route.

Keywords: Arctic, Northern Sea Route (NSR), Russian-Chinese cooperation in the Arctic, national interests, scientific research

For citation: Kefeli I. F., Cui Lung. Chinese-Russian Cooperation in the Arctic at the Present Stage // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 4. P. 109–118. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-109-118>. EDN: USJLPM

Введение

В современных условиях значение Арктического региона является стратегическим и становится актуальным. Китайско-российское сотрудничество в Арктическом регионе имеет важное значение для развития двух стран и показывает большие успехи. Они проявляются в научных исследованиях, в развитии энергетики и освоении Северного морского пути (СМП). Взаимоотношения Китая и России в Арктике строятся на основе особой формы межгосударственных отношений — стратегического партнерства.

Президент Российской Федерации В. В. Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин 5 июня 2019 г. в Москве объявили в совместном заявлении о стремлении к глобальному стратегически стабильному миру. Китай и Россия заявили о совместной поддержке глобальной стратегической стабильности¹. В документе особое внимание уделялось китайско-российскому сотрудничеству в Арктике на

¹ Китай и Россия объявили о совместной защите глобальной стратегической стабильности [Электронный ресурс] // Международное радио Китая CRI. 06.06.2019. URL: <http://russian.cri.cn/news/homeList/380/20190606/299101.html> (дата обращения: 10.06.2024).

межгосударственном уровне¹. Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул, что «России нужен процветающий и стабильный Китай, Китаю также нужна сильная и успешная Россия»².

По мнению китайского исследователя Ли Цзиньце, «взаимное стратегическое взаимодействие Китая и России является величиной долговременной. Без России Китай может оказаться в одиночестве, ему будут не по силам большие дела, как и Россия без Китая может почувствовать себя весьма уязвимой» [1, с. 21].

Методы и материалы

При написании статьи авторы использовали общенаучные методы. В первую очередь анализ и синтез; системный и сравнительный анализ; историографические методы: принцип историзма, хронологический метод.

Деятельность Китая в Арктике сформулирована в «Белой книге по арктической политике»³, политика России в Арктическом регионе определена документом «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года»⁴.

Изучению взаимоотношений Китая и России в Арктике посвящены работы российских ученых: О. Б. Александрова, А. Л. Вороненко, Т. А. Ерёмкиной, А. Г. Иволги, А. В. Костюка, В. Н. Конышева, Я. В. Лексютинной, А. А. Сергунина, А. А. Храмчина. Сотрудничество двух стран в Арктическом регионе освещается в публикациях китайских исследователей: Ван Чэниан, Ли Цзиньюй, Сунь Кай, Чжан Чэньяо. Заслуживают большого внимания десять ежегодных докладов «Российско-китайский диалог», в которых представлен анализ российско-китайского сотрудничества в 2015–2024 гг. в Центральной Азии и Евразии, в т. ч. в Арктическом регионе. Историографический анализ работ китайских авторов показывает, что научных публикаций по теме арктического сотрудничества между Китаем и Россией достаточно много, но данная тема не была предметом системного исследования и поэтому не теряет своей актуальности.

Прежде всего следует обратиться к анализу процесса сближения интересов Китая и России в проектах совместного освоения Арктики, как это было представлено в серии изданий 2015–2024 гг. «Российско-китайский диалог». Первое упоминание о таком сближении интересов встречается в «Диалоге 2017 г.», которое было сформулировано довольно интригующе. Проектирование сети транспортных маршрутов в рамках Экономического проекта Шелкового пути (ЭПШП), представляющих интерес для стран ЕАЭС, было концептуализировано в Китае следующим образом: «дунвэнь — бэйцзян — нанься — сицзинь» (稳 北强 南下 西进) «стабилизироваться на востоке — укрепляться на севере — спускаться на юге — продвигаться на западе». Эта доктрина может рассматриваться как долговременная китайская стратегия транспортного выхода за пределы Поднебесной. «Наиболее актуальным для Москвы представляется элемент «укрепляться на севере», что скорее всего означает желание Пекина постепенно и на долгий срок создавать в России (на севере) транспортно-логистические центры и осуществлять инвестиции в инфраструктурные проекты, что отвечает и российским интересам» [2, с. 56].

В том же 2017 г. Государственный комитет КНР по развитию и реформе и Государственное океанологическое управление КНР совместно разработали и опубликовали «Концепцию сотрудничества на море в рамках инициативы “Один пояс — один путь”», предполагающую согласование стратегий и совместных действий со странами, «через которые пролегают сухопутный и морской Шелковые

¹ Совместное заявление РФ и КНР о дальнейшем углублении всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства [Электронный ресурс] // Жэньминь Жибао. 05.07.2017. URL: http://news.ifeng.com/a/20170705/51376448_0.shtml (дата обращения: 05.07.2017).

² России нужен процветающий и стабильный Китай — Путин [Электронный ресурс]. URL: <http://chinaru.m4.cn/2012/03/07/russia-china-putins-views/> (дата обращения: 30.03.2016).

³ White Paper China's Arctic Policy [Электронный ресурс] // The State Council the People's Republic of China. 26.01.2018. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (дата обращения: 12.06.2024).

⁴ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года: указ Президента РФ от 05.03.2020 № 16 [Электронный ресурс] // Гарант: справочная правовая система. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/> (дата обращения: 07.08.2024).

пути». Авторы документа торжественно заявили, что «наступила новая эпоха, в которой сотрудничеству на море и освоению морского пространства придается все большее значение, и в еще большей степени выражена зависимость человечества от такого рода сотрудничества и развития. "Если хотите идти быстро — идите порознь, если хотите идти далеко — идите вместе"». Что же касается Арктики, то там же было предписано активное участие Китая в освоении и использовании Арктики: «Китайское правительство готово совместно со всеми сторонами проводить комплексные научные исследования арктических морских путей, развивать сотрудничество по созданию береговой наблюдательной станции в Арктике, вести исследования по вопросам изменения климата и окружающей среды Арктики и влияния этих изменений на остальной мир, развивать сервис в сфере прогноза состояния морских путей. Оказывать поддержку государствам, имеющим выход к Северному Ледовитому океану, в улучшении условий функционирования арктических морских путей, поощрять участие китайских предприятий в коммерческом использовании этих морских путей. Китайское правительство хотело бы сотрудничать с соответствующими арктическими странами в сфере оценки ресурсного потенциала арктических территорий»¹. Тогда же, в ответ на заявление В. В. Путина о заинтересованности во включении Северного морского пути в процессы сопряжения с китайской инициативой «Пояса и Пути» (в ходе его выступления в Пекине на Международном форуме «Один пояс — один путь», состоявшегося 14–15 мая 2017 г.)², был опубликован упомянутый документ и установлен статус «Полярного шелкового пути», а СМП впервые был обозначен как один из трех основных морских каналов «Пояса и Пути». Так наступил этап интенсивного развития стратегического партнерства Китая и России в Арктике. Приоритетными направлениями являются развитие сотрудничества между странами в освоении природных ресурсов шельфа российской Арктики, а также освоение Северного морского пути.

По состоянию на 2018 г. отмечались активизация российско-китайского сотрудничества в Арктике и содействие освоению арктических путей и модернизации инфраструктуры в Арктическом регионе. На первый план стала выходить энергетика как важный компонент российско-китайского сотрудничества в Арктике: участие китайских инвесторов в проекте «Ямал СПГ», в развитии судоходства и портовой инфраструктуры, в частности, в строительстве глубоководного порта в Архангельске. По состоянию на лето 2024 г. в логистическую цепочку контейнерной линии между Китаем и Россией удачно встраивается проект по строительству глубоководного района морского порта Архангельск, способного обрабатывать крупнотоннажные суда с максимально допустимой осадкой 14,5 м и проектной мощностью более 19 млн т в год. Естественные глубины района позволяют обрабатывать крупнотоннажный флот дедвейтом до 75 тыс. т (типа Panamax) и контейнеров вместимостью 5000 единиц. По информации Министерства экономического развития, промышленности и науки Архангельской области, в настоящее время региональные предприятия уже налаживают контакты с зарубежными партнерами, обмениваются ассортиментом продукции³. Правда, российские эксперты и практики тогда уже высказывали настороженность по отношению к проектам Китая в Российской Арктике, вызванную «незащищенностью социальной сферы Арктической зоны РФ (АЗРФ) в случае китайских иностранных инвестиций, не предполагающих отчислений на социальное развитие региона. Более того, существуют опасения, связанные с возможным расширением бизнес-присутствия Китая в АЗРФ в случае, если будут созданы преференции для участия китайского капитала в крупных арктических сырьевых проектах России» [3, с. 42]. Правда, в канун государственного визита в Россию Председатель КНР Си Цзиньпин в интервью ТАСС и «Российской газете»

¹ Полный текст Концепции сотрудничества на море в рамках инициативы «Один пояс — один путь» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydylgw/201706/201706200155054.pdf> (дата обращения: (дата обращения: 07.08.2024).

² Международный форум «Один пояс — один путь» [Электронный ресурс] // Президент России. 14.05.2017. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/54491> (дата обращения: 07.08.2024).

³ Китайская делегация оценили инфраструктуру морского порта Архангельск [Электронный ресурс] // МК.RU Архангельск. 06.06.2024. URL: <https://arh.mk.ru/economics/2024/06/06/kitayskaya-delegaciya-ocenili-infrastrukturu-morskogo-porta-arkhangelsk.html> (дата обращения: 02.08.2024). Причем следует иметь в виду, что проект строительства глубоководного порта в Архангельске включен в «Транспортную стратегию РФ на период до 2030 года». Сооружение нового глубоководного порта в Архангельске тесно связано с проектом строительства железнодорожной магистрали Белкомур (Белое море — Коми — Урал), которая позволит сократить плечо доставки грузов с Урала и из Сибири до 800 км. Строительство нового глубоководного порта-хаба с возможностью круглогодичного захода крупнотоннажных судов планируется на 55 км севернее Архангельска в районе острова Мудьюг в Двинском заливе Белого моря.

заявил достаточно четко, что «освоение и использование арктических судоходных маршрутов — это новая возможность, новая платформа и новый стимул для сопряжения «Пояса и пути» и ЕАЭС в пользу активизации взаимосвязанности и взаимовыгодного сотрудничества Китая и России с другими заинтересованными партнерами... Мы поощряем активное участие отечественных предприятий в сотрудничестве по коммерческому использованию судоходных маршрутов *в пользу местного социально-экономического развития* (курс. наш. — Авт.)»¹.

Конкретизация всех форм российско-китайского сотрудничества с каждым годом набирает обороты. Белкомур (Белое море — Коми — Урал) — это часть проекта, о котором заявил В. В. Путин на втором Международном форуме «Один пояс — один путь» в апреле 2019 г. Россия видит перспективы создания глобального и конкурентного маршрута, связывающего Европу и Азию, путем состыковки СМП и китайского Морского Шелкового пути². А уже в октябре 2019 г., выступая на заседании дискуссионного клуба «Валдай», он отметил особое значение перспективного маршрута Арктика — Сибирь — Азия, который соединит порты СМП, Тихого и Индийского океанов³.

На первом заседании Морской коллегии⁴, состоявшемся 30 августа 2024 г., основное внимание было уделено защите национальных интересов в Арктике, решению вопросов освоения ресурсов и пространств Арктического региона, развитию СМП и ледокольного флота, строительству судов ледового класса. Выступивший на заседании Генеральный директор государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» А. Е. Лихачев заявил, что сегодня в эксплуатации находится 30 грузовых судов высокого арктического класса, еще 33 судна строятся. В ближайшие годы предстоит построить еще около 100 судов для вывоза продукции проектов на СМП, а также для организации каботажного и транзитного. Одна из стратегических целей «Росатома» — сделать СМП эффективной транспортной артерией, связывающей Россию и Азиатско-Тихоокеанский регион⁵.

К концу 2024 г. все более четко стали проявляться перспективы дальнейшего развития СМП в масштабах всей Евразии, точнее, ее восточной части. К примеру, в сентябре на Восточном экономическом форуме во Владивостоке были сделаны заявления о том, что Китай закупил собственные суда и сделал за год более 20 рейсов по СМП, а Япония предлагает остров Хоккайдо в качестве большого азиатского хаба для СМП, который становится полноправным международным маршрутом. Сейчас на него обращают все большее внимание не только из-за экономии времени, но также из-за сложностей в Суэцком канале и ситуации на ближневосточных морях. Ведутся переговоры об участии в развитии СМП Индии и Вьетнама. Международный транспортный коридор «Север — Юг» соединит индийский порт Мумбаи и другие порты Персидского залива с Мурманском, а оттуда — выход на СМП, к которому уже привязалось название «морская электричка» (см. рис.)⁶.

Спектр исследований международного сотрудничества в Китае

Этим направлениям посвящено большое количество публикаций китайских авторов. Все эти публикации следует разделить на две части: первая — работы, опубликованные китайскими авторами на русском языке, и второе — работы, написанные на китайском языке. Исследования китайских авторов

¹ Китай и Россия идут в ногу со временем [Электронный ресурс] // ТАСС. 04.06.2019. URL: <https://tass.ru/interviews/6504703> (дата обращения: 08.08.2024).

² Заседание круглого стола форума «Один пояс — один путь» [Электронный ресурс] // Президент России. 27.04.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60393> (дата обращения: 08.08.2024).

³ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс] // Президент России. 03.10.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61719> (дата обращения: 08.08.2024).

⁴ Указ «О Морской коллегии Российской Федерации» был подписан президентом Российской Федерации В. В. Путиным 13 августа 2024 г. В состав Морской коллегии входят Совет по стратегическому развитию Военно-Морского Флота, Совет по защите национальных интересов в Арктике и Совет по развитию и обеспечению морской деятельности.

⁵ Росатом заявил о необходимости сооружения 100 дополнительных судов для развития Северного морского пути [Электронный ресурс] // Научно-деловой портал «Атомная энергия 2.0». 30.08.2024. URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2024/08/30/148850> (дата обращения: 30.09.2024).

⁶ Северный морской путь становится более привлекательным для грузоотправителей из-за пробок в Суэцком канале и ситуации на Ближнем Востоке [Электронный ресурс] // VL.ru. 05.09.2024. URL: <https://www.news.vl.ru/eef/2024/09/05/226247/> (дата обращения: 30.09.2024).

по арктическому сотрудничеству между Россией и Китаем условно можно подразделить на три группы: 1) правовые вопросы; 2) эволюция арктической политики СССР и Российской Федерации; 3) китайско-российское взаимодействие в Арктическом регионе и реализация «Полярного шелкового пути».

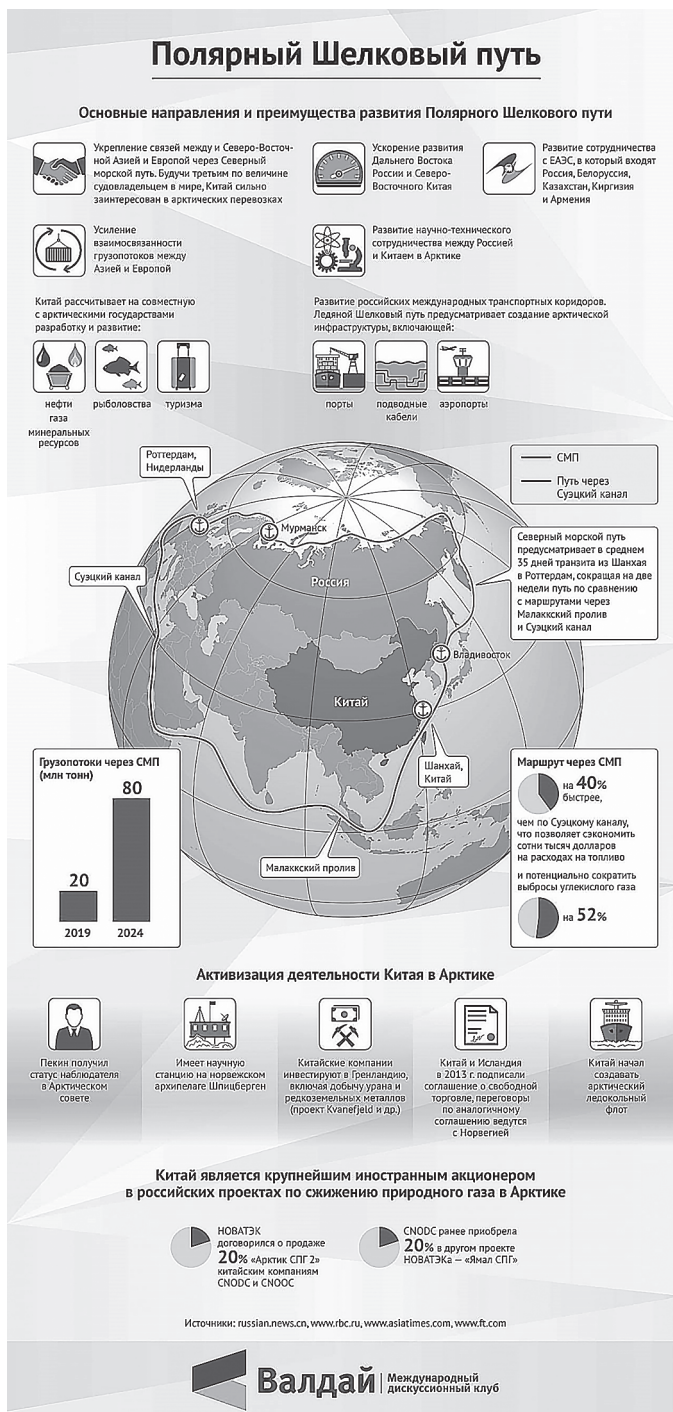

Рис. Полярный Шелковый путь

Fig. Polar Silk Road

Источник: URL: <https://topwar.ru/176464-kitaj-pokupaet-u-rf-dostup-k-arktike-zarubezhnaja-pressa.html>

В китайской историографии вопросы арктической политики Китая получили освещение в ряде аналитических исследований. Так, к примеру, Денг Бэйси, научный сотрудник Отдела полярных стратегических исследований Полярного научно-исследовательского института Китая, объясняет необходимость китайско-российского сотрудничества в Арктике (см. табл.) в контексте геополитического противостояния России и США. Задавая риторическим вопросом, должна ли Россия, нуждающаяся в условиях усиления западных санкций в финансовой поддержке и потенциальных клиентах и потребителях арктических ресурсов, обратиться к Китаю как к долгосрочному партнеру по сотрудничеству, он дает следующий ответ: «чтобы избежать рисков для безопасности и экологии, идеальный партнер России должен обладать большим рыночным потенциалом, передовыми технологиями и значительным капиталом... Китай был бы наиболее подходящим партнером для деятельности России по освоению Арктики... Россия и Китай дополняют друг друга в арктической геоэкономике». Более того, он заявляет о необходимости координации политики Китая и России на государственном уровне и включить Арктику на основе согласования геостратегий в рамках «всеобъемлющего китайско-российского партнерства» [6, р. 219–220].

Таблица

Политическая координация российско-китайского сотрудничества в Арктике

Table. Political coordination of Russian-Chinese cooperation in the Arctic

Стратегия	Китай	Россия
Национальная стратегия	Один путь — один пояс	Развитие трансевразийского пояса
Стратегия регионального развития	Возрождение промышленной базы в северо-восточных провинциях	Развитие Восточной Сибири / Дальнего Востока
Энергетическая стратегия	Диверсификация поставок топлива	Стратегическое перемещение технической сырьевой базы на Север и Восток

Дискуссия

Сотрудничество между Россией и Китаем в Арктике имеет определенные ограничения. Стратегическое партнерство и сотрудничество надо строить на основе взаимного доверия, выгоды, и тем самым заложить фундаментальные основы дальнейшему арктическому сотрудничеству.

Некоторые китайские авторы, считают, что Россия определяет свою арктическую политику, только опираясь на свои права в регионе. Такая неконструктивная политика не способствует развитию двухсторонних отношений. Доктор философии, доцент Шанхайского института международных исследований Чжао Лун, упоминая, что Китай еще в 1925 г. присоединился к Договору о Шпицбергене, что ознаменовало начало его участия в арктических делах, а с 1990-х гг. участие Китая в арктической деятельности в основном было сосредоточено на научных исследованиях, отмечает, что пока еще единый подход к арктическим проблемам не определен. Между арктическими и неарктическими странами все еще существуют разногласия по созданию механизма, распределению ответственности и объединения национальных интересов, однако с углублением сотрудничества в Арктике концепции и ценности постепенно найдут консенсус на основе общих потребностей множества геополитических акторов [7, с. 134–136]. Иную позицию занимает Сяо Ян. На примере проекта «Ямал СПГ» автор определяет главную точку «арктического энергетического коридора» и видит в нем определяющий прорыв российско-китайского арктического сотрудничества. Этот прорыв характеризуется не только экономическим эффектом, но и определяет стратегическое развитие двух стран. «Совместное освоение нефтегазовых ресурсов Российской Арктики немыслимо в отрыве от развития СМП», к такому вводу приходит автор [10, с. 109–117].

Общая позиция китайских исследователей сводится к следующему: Российская Федерация по праву считается великой арктической державой, она выступает лидером в этом регионе. Ван Чэньгуан и Сунь Кай считают, в схеме российско-китайского сотрудничества в Арктике Российская Федерация играет руководящую роль, Китайская Народная Республика — второстепенную. «В рамках этой схемы

Пекин может реализовать свои арктические амбиции только через сотрудничество с Москвой, причем это сотрудничество должно соответствовать или хотя бы не противоречить интересам России в Арктике», считают ученые [8, с. 26–34]. Одновременно китайские исследователи определяют собственную китайскую идентичность в регионе. Такая точка зрения основана на понятии «околоарктическое государство». В работе Ван Синьхэ, опубликованной в 2013 г., определен статус «неарктического государства» или «околоарктического государства». В этих условиях Китайская Народная Республика не может реализовать свои национальные интересы. При принятии статуса «заинтересованной стороны» «перед Китаем открываются больше возможности в Арктике» [9, с. 81–89].

Данную позицию поддерживают и большинство китайских ученых. Профессор Се Вэйхэ пишет: «Хотя в подходах к стратегическому взаимодействию имеются те или иные различия, однако, с учетом общих интересов возрождения, общих вызовов и противоречий, необходимо усиливать единство и сотрудничество, укреплять общий фундамент и создавать эффективные механизмы сотрудничества» [4, с. 512]. Аналогичную позицию занимает научный сотрудник Института информации АОН КНР Чжан Шухуа: «... нам следует повышать уровень взаимного политического доверия, устранять ненужные сомнения и подозрения, налаживать более тесное стратегическое партнерство» [5, с. 461].

Заключение

Китайская Народная Республика и Российская Федерация являются важными партнерами в освоении Арктики. Это партнерство строится на основе всеобъемлющего стратегического взаимодействия между странами. Двум странам необходимо дальнейшее углубление в арктическом сотрудничестве. Необходимо преодолевать трудности для стабильного и устойчивого развития Арктики.

Сотрудничество между Китаем и Россией в Арктике будет и дальше развиваться на основе стратегического партнерства между странами. При этом Россия рассматривает Северный морской путь в качестве конкурентоспособной национальной транспортной артерии с возможностью его международного использования для осуществления перевозок между Европой и Азией. В этих целях Российская Федерация уделяет приоритетное внимание, в частности, вопросам нейтрализации курса недружественных государств на милитаризацию региона и ограничение возможностей России для реализации ее суверенных прав в Арктической зоне Российской Федерации, а также на налаживание взаимовыгодного сотрудничества с неарктическими государствами, проводящими конструктивную политику в отношении России и заинтересованными в осуществлении международной деятельности в Арктике, включая инфраструктурное развитие Северного морского пути¹.

В китайской научной литературе большое внимание уделяется сотрудничеству с Россией в Арктическом регионе. Китайские исследователи в своих работах подчеркивают, что это сотрудничество положительно сказывается на национальных интересах Китайской Народной Республики.

Литература

1. Ли Цзинцзе. О некоторых аспектах китайско-российских отношений стратегического партнерства и взаимодействия // Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем: современное состояние, проблемы и предложения: в 2 кн. / М. : ИДВ РАН, Ун-т Цинхуа, Пекин, Ин-т кит.-рос. стратег. сотрудничества Ун-та Цинхуа; под ред. С. Г. Лузянина, Ху Сяньчжан [и др.]. Кн. 1. 2014.
2. Российско-китайский диалог: модель 2017 : доклад № 33/2017 / С. Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.; гл. ред. И. С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП СМД, 2017. 112 с.
3. Российско-китайский диалог: модель 2019: доклад № 46/2019 / С. Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.; гл. ред. И. С. Иванов; Российский совет по международным делам. М. : НП РСМД, 2019. 200 с. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Report46-Ru.pdf>

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229, ст. 50) [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 30.09.2024).

4. *Се Вэйхэ*. Вместе создавать прекрасное завтра китайско-российских отношений стратегического партнерства и взаимодействия // Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем: современное состояние, проблемы и предложения : в 2 кн. / М. Л. Титаренко [и др.]; Ли Цзинцзе [и др.]; гл. ред. М. Л. Титаренко, В. Я. Портяков; ред. Ху Сяньчжан [и др.]; ИДВ РАН; Ин-т китайско-российского стратегического сотрудничества Ун-та Цинхуа (Пекин). М. : ИДВ РАН, 2014.
5. *Чжан Шухуа*. Китай и Россия: обмен идеями и сотрудничество «мозговых центров» // Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем: современное состояние, проблемы и предложения : в 2 кн. / М. Л. Титаренко [и др.]; Ли Цзинцзе [и др.]; гл. ред. М. Л. Титаренко, В. Я. Портяков; ред. Ху Сяньчжан [и др.]; ИДВ РАН; Ин-т китайско-российского стратегического сотрудничества Ун-та Цинхуа (Пекин). М. : ИДВ РАН, 2014.
6. *Beixi Deng* (is Assistant Researcher with the Division of Polar Strategic Studies at the Polar Research Institute of China). Arctic Geopolitics. The Impact of U.S.-Russian Relations on Chinese-Russian Cooperation in the Arctic // *Russia in Global Affairs*. Vol. 14. No. 2, April – June 2016. P. 206–220.
7. *Long Zhao*. Arctic Governance Paradigm and the Role of China // *Vestnik of Saint Petersburg University*. Ser. 6. Political Science. International Relations. 2016. No. 2. P. 127–138. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.212
8. *Sun Kai, Wang Chen Guang*. Russian-Chinese Arctic Cooperation from the Point of View of National Interests // *Forum of Northeast Asia*. 2014. No. 6. (На китайском яз.)
9. *Wang Xinde*. Arctic Identities of China from the Point of View of National Interests // *Journal of the Pacific Ocean*. 2013. Vol. 21. No. 5. (На китайском яз.)
10. *Xiao Yang*. Russia and China Are Jointly Building the Arctic Energy Corridor: Reference Points and a Theoretical Course // *Forum of Northeast Asia*. 2016. No. 5 (127). (На китайском яз.)

Об авторах:

Кефели Игорь Федорович, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Высшая школа международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: kekefeli@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6889-8924

Цуй Лун, аспирант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: tsuj_l@spbstu.ru

References

1. Li Jingjie. On Some Aspects of the Sino-Russian Relations of Strategic Partnership and Interaction // Strategic Partnership Dialogue between Russia and China: Current State, Problems and Proposals: in 2 books / Moscow : Institute of the Far East of the RAS, Tsinghua University, Beijing, Institute of Sino-Russian Strategic Cooperation of Tsinghua University; ed. by S. G. Luzyanin, Hu Xianzhang [et al.]. Book 1. 2014. (In Russ.)
2. Russian-Chinese Dialogue: Model 2017 : report No. 33/2017 / heads: S. G. Luzyanin , H. Zhao [et al.]; ed. by I. S. Ivanov; Russian Council on International Affairs (INF). Moscow : NP SMD, 2017. 112 p. (In Russ.)
3. Russian-Chinese Dialogue: Model 2019 : report No. 46/2019 / heads: S. G. Luzyanin , H. Zhao [et al.]; ed. by I. S. Ivanov; Russian Council on International Affairs. Moscow : NP RIAC, 2019. 200 p. (In Russ.)
4. Xie Weihe. Together, Create a Wonderful Tomorrow for Chinese-Russian Relations of Strategic Partnership and Interaction // Strategic Partnership Dialogue between Russia and China: Current State, Problems and Proposals: in 2 books / М. Л. Титаренко [et al.]; Li Jingze [et al.]; chief ed. М. Л. Титаренко, В. Я. Портяков; ed.

- by Hu Xianzhang [et al.]; Institute of the Far East of the RAS; Institute of Sino-Russian Strategic Cooperation Tsinghua University (Beijing). Moscow : IFE RAS, 2014. (In Russ.)
5. Zhang Shuhua. China and Russia: Exchange of Ideas and Cooperation of “Think Tanks” // Strategic Partnership Dialogue between Russia and China: Current State, Problems and Proposals: in 2 books / M. L. Titarenko [et al.]; Li Jingze [et al.]; chief ed. M. L. Titarenko, V. Ya. Portyakov; ed. by Hu Xianzhang [et al.]; IFE RAS; Institute of Sino-Russian Strategic Cooperation Tsinghua University (Beijing). Moscow : IFE RAS, 2014. (In Russ.)
 6. Beixi Deng (is Assistant Researcher with the Division of Polar Strategic Studies at the Polar Research Institute of China). Arctic Geopolitics. The Impact of U.S.-Russian Relations on Chinese-Russian Cooperation in the Arctic // Russia in Global Affairs. April – June 2016. Vol. 14. No. 2. P. 206–220.
 7. Long Zhao. Arctic Governance Paradigm and the Role of China // Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 6. Political Science. International Relations. 2016. No. 2. P. 127–138. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.212
 8. Sun Kai, Wang Chen Guang. Russian-Chinese Arctic Cooperation from the Point of View of National Interests // Forum of Northeast Asia. 2014. No. 6. (In Chinese)
 9. Wang Xinde. Arctic Identities of China from the Point of View of National Interests // Journal of the Pacific Ocean. 2013. Vol. 21. No. 5. (In Chinese)
 10. Xiao Yang. Russia and China Are Jointly Building the Arctic Energy Corridor: Reference Points and a Theoretical Course // Forum of Northeast Asia. 2016. No. 5 (127). (In Chinese)

About the author:

Igor F. Kefeli, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Higher School of International Relations of the Humanitarian Institute of St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: geokefeli@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6889-8924

Cui Lung, Higher School of International Relations of the Humanitarian Institute of St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: tsuj_l@spbstu.ru

Создание и сотрудничество китайско-российских арктических мозговых центров вузов: предпосылки, позиционирование и пути развития

Люй Пэйин

Юго-восточный университет, Нанкин, Китай

e-mail: lvpy219@163.com

ORCID: 0009-0006-1138-8604

РЕФЕРАТ

В условиях стремительного развития науки и технологий и усложнения геополитического ландшафта Арктический регион стал передовым рубежом международного соперничества. Россия и Китай, как важные участники арктических дел, не только имеют общие интересы в сфере геополитики и экономики, но и обладают значительным потенциалом для сотрудничества в поддержании стабильности и устойчивого развития региона. В последние годы научная дипломатия становится важным инструментом межгосударственного взаимодействия, и строительство и сотрудничество арктических мозговых центров вузов России и Китая постепенно превращаются в основной формат научной дипломатии.

Цель. Настоящая статья направлена на изучение формирования мозговых центров вузов Китая и России в области арктических исследований, анализ их роли и значимости в научной дипломатии, а также исследование перспектив сотрудничества между университетами. В работе также предлагаются рекомендации по оптимизации взаимодействия в данной сфере.

Методология. Посредством систематического обзора и эмпирического анализа изучаются особенности сотрудничества и формирования мозговых центров вузов Китая и России, специализирующихся на изучении Арктики.

Результаты. Основные направления кооперации арктических мозговых центров вузов Китая и России включают: проведение совместных научных исследований и экспедиций, что способствует обмену данными и ресурсами; регулярную организацию международных конференций и академических обменов, направленных на развитие политического диалога и передачу знаний; использование результатов исследований мозговых центров для подготовки рекомендаций правительствам, поддерживая принятие решений по арктическим вопросам. Более того, сотрудничество между мозговыми центрами может усилить обмен и взаимодействие в таких сферах, как информационные технологии и охрана окружающей среды, способствуя совместному развитию.

Выводы. Результаты исследования показывают, что сотрудничество между мозговыми центрами вузов Китая и России по вопросам Арктики эффективно способствует углублению взаимодействия двух стран в области политики, информационных технологий, рационального использования ресурсов и охраны окружающей среды. Оно обеспечивает интеллектуальную поддержку арктических стратегий обеих стран и играет важную роль в глобальном управлении.

Ключевые слова: арктический регион, российско-китайское сотрудничество, мозговые центры, научная дипломатия, вузы

Для цитирования: Люй Пэйин. Создание и сотрудничество китайско-российских арктических мозговых центров вузов: предпосылки, позиционирование и пути развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 4. С. 119–129.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-119-129>. EDN: UWWEFE

The Establishment and Cooperation of Sino-Russian Arctic Think Tanks in Universities: Background, Positioning, and Pathways

Lv Peiyang

Southeastern University, Nanjing, China

e-mail: lvpy219@163.com

ORCID: 0009-0006-1138-8604

ABSTRACT

In the context of the rapid development of science and technology and the complexity of the geopolitical landscape, the Arctic region has become a frontier of international competition. Russia and China, as important participants in Arctic affairs, not only share common interests in the fields of geopolitics and economics but also possess significant potential for cooperation in maintaining stability and sustainable development in the region. In recent years, scientific and technological diplomacy has become an important tool for interstate interaction, and the construction and cooperation of Arctic think tanks at universities in Russia and China are gradually transforming into a primary format for scientific and technological diplomacy.

Aim. This article aims to explore the establishment of think tanks at universities in China and Russia in the field of Arctic research, analyze their role and positioning in scientific and technological diplomacy, and further investigate specific pathways for cooperation between universities, along with recommendations for optimizing interactions.

Methods. Through a systematic review and empirical analysis, the cooperation and establishment of think tanks in universities in China and Russia concerning Arctic issues are examined.

Results. The cooperative pathways of Arctic think tanks in Chinese and Russian universities include conducting joint scientific research and expeditions to achieve data and resource sharing; regularly holding international conferences and academic exchanges to facilitate political dialogue and knowledge transfer; utilizing research results from think tanks to provide policy recommendations to the government, supporting decision-making for both countries on Arctic issues. Additionally, cooperation among think tanks can enhance exchanges and collaborations in fields such as information technology and environmental protection, promoting joint development.

Conclusions. The research findings indicate that cooperation between the think tanks of universities in China and Russia on Arctic issues effectively promotes interaction between the two countries in areas such as politics, information technology, resource utilization, and environmental protection, providing intellectual support for the Arctic strategies of both countries and playing an active role in global governance.

Keywords: Arctic region, Sino-Russian cooperation, Think Tanks, science diplomacy, universities

For citation: Lv Peiyang. The Establishment and Cooperation of Sino-Russian Arctic Think Tanks in Universities: Background, Positioning, and Pathways // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 4. P. 119–129. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-119-129>. EDN: UWWEFE

Введение

Арктика не только обладает богатейшими природными ресурсами, но и оказывает ключевое влияние в таких областях, как глобальное судоходство, климатическое регулирование и стратегическая оборона. В условиях глобального потепления и таяния ледников коммерческий потенциал арктических морских путей постепенно проявляется, что усиливает борьбу стран за ресурсы Арктики. Как важные

участники арктических дел Китай и Россия имеют общие интересы в сфере геополитики и экономики, а также обладают значительным потенциалом для сотрудничества в области поддержания региональной стабильности и содействия устойчивому развитию.

В условиях изменений глобальной стратегической архитектуры китайско-российское сотрудничество в Арктике продолжает углубляться. Совместное заявление КНР и РФ 2024 г. подчеркивает: «Создать в рамках Российско-Китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств Подкомиссию по развитию Северного морского пути, развивать взаимовыгодное сотрудничество в освоении и использовании Арктики, обеспечивая сохранение и сбережение экологической системы региона. Продвигать использование Северного морского пути в качестве важного международного транспортно-го коридора»¹. Это не только новый этап углубления китайско-российского сотрудничества в Арктике, но и важная мера, отражающая стремление двух стран совместно противостоять глобальным вызовам и добиваться развития в условиях современной стратегической реальности. Данный шаг свидетельствует о дальнейшем укреплении их всестороннего стратегического партнерства в сферах геополитики, экономики и научно-технических инноваций.

По мере глобального потепления растет значимость Арктического региона, который становится объектом соперничества мировых держав. Арктика, обладая богатыми природными ресурсами, занимает ключевую позицию в глобальной стратегической структуре. Китайско-российское сотрудничество в Арктике основано на трех основных мотивах: совпадении экономических интересов, геополитическом давлении и взаимодополняемости стратегического планирования.

Во-первых, Арктика является важным узлом в энергетике и торговле. Богатые нефтегазовые ресурсы региона представляют стратегическую ценность как для Китая с его высоким спросом на энергию, так и для России как одного из крупнейших экспортеров энергоресурсов. Развитие арктических морских путей позволяет не только снизить транспортные издержки, но и укрепить позиции двух стран в международной логистической системе.

Во-вторых, геополитическое давление ускоряет китайско-российское сотрудничество в Арктике. После конфликта на Украине Россия оказалась в условиях изоляции и санкций со стороны НАТО, что привело к переходу на формат двустороннего «панарктического сотрудничества» [20, с. 66]. Усиление конкуренции в Арктике и обострение стратегического соперничества между Китаем и США также побуждают Китай укреплять партнерство с Россией для защиты своих интересов в регионе.

В-третьих, сотрудничество двух стран в арктических делах демонстрирует высокую степень взаимодополняемости их стратегического планирования. Белая книга Китая по Арктике подчеркивает необходимость многоуровневого сотрудничества для содействия арктическому управлению, в то время как стратегия России фокусируется на освоении ресурсов и обеспечении безопасности, что отражает глубину их взаимодействия как в политике, так и на уровне частых встреч на высоком уровне.

На этом фоне научная дипломатия становится важным инструментом взаимодействия и сотрудничества между государствами, обеспечивая взаимные выгоды через научные исследования и технологическое партнерство [2, с. 126]. С началом конфликта на Украине западные страны включили основные институты арктического управления в антироссийский блок, что ограничило участие России в традиционных научных платформах. В таких условиях роль университетов как ключевых субъектов научной дипломатии значительно возросла [4; 21].

Университеты не только являются ядром инноваций, но и играют роль мозговых центров, поддерживающих стратегические решения государства [3, с. 191]. В рамках научной дипломатии китайско-российское сотрудничество в создании арктических мозговых центров становится важной платформой взаимодействия двух стран. Эти центры через научные исследования, форумное взаимодействие и международное сотрудничество продвигают общие интересы Китая и России в Арктике, оказывая влияние на глобальное управление.

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6132> (дата обращения: 05.12.2024).

Тем не менее существующие исследования о китайско-российском сотрудничестве в Арктике в основном сосредоточены на участии государственных структур, на изучении их взаимодействия в таких областях, как экономика, энергетика, экология и наука [3; 16; 24; 25]. Однако мало внимания уделено роли мозговых центров вузов в гуманитарном обмене и сотрудничестве между двумя странами в Арктическом регионе. В связи с тем, что 2024–2025 гг. объявлены Годом российско-китайского культурного обмена, данное исследование рассматривает университеты двух стран как основных участников и направлено на изучение их вклада в развитие арктических мозговых центров, их позиционирование и роль в научной дипломатии, текущее состояние сотрудничества, а также вызовы и перспективы.

Обзор литературы

1. Научная дипломатия

Научная дипломатия является междисциплинарной темой, находящейся на пересечении международных отношений и исследований в области науки и технологий. Как форма дипломатической практики, она имеет долгую историю. Понятие научной дипломатии впервые появилось в правительственных документах в конце XX в. Доклад Государственного департамента США 1999 г. «Наука, технологии и здравоохранение в дипломатической политике — срочная задача Государственного департамента» считается первым официальным документом, в котором упоминается термин «научная дипломатия»¹. С тех пор все больше стран стало обращать внимание на эту концепцию. В 2009 г. Королевское общество Великобритании совместно с Американской ассоциацией содействия развитию науки провело семинар «Новые рубежи научной дипломатии», на котором был дан определенный ряд терминов, что стало важной вехой в развитии концепции².

В 2019 г. в новой редакции «Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации», утвержденной правительством России, научная дипломатия определяется следующим образом: «Научная дипломатия выступает значимым инструментом при решении проблем, связанных с “Большими вызовами”, развитием международных пространств и иными задачами публичной дипломатии и МНТС³ с учетом интересов Российской Федерации»⁴.

Вместе с этим академические исследования научной дипломатии значительно продвинулись вперед и могут быть разделены на три основные направления. Первое направление включает исследования, которые анализируют отношения между наукой и дипломатией с точки зрения исторического развития и особенностей этой связи, а также предлагают определения соответствующих понятий [7; 9; 13]. Второе направление — это исследования, использующие метод анализа конкретных примеров для изучения практики научной дипломатии в различных странах [17; 18]. Третье направление фокусируется на тематических аспектах, изучая взаимодействие различных акторов в контексте определенных вопросов научной дипломатии [10; 22].

Существующие исследования форм научной дипломатии в основном сосредоточены на участии правительственных учреждений и ученых, при этом значительно меньше внимания уделяется роли мозговых центров как важным субъектам научной дипломатии. Мозговые центры, являясь ключевыми институтами по производству знаний и разработке политических рекомендаций, играют не только вспомогательную роль в дипломатической практике, но и благодаря своей междисциплинарности и ориентации на политику обладают естественными преимуществами для участия в научной дипломатии. В условиях постепенного усложнения и диверсификации научной дипломатии включение мозговых центров в ее рамки не только обогатит теоретическую базу, но и предложит новые пути для ее практического осуществления.

¹ National Library of Medicine [Электронный ресурс] // The Pervasive Role of Science, Technology, and Health in Foreign Policy: Imperatives for the Department of State. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/25077236/> (дата обращения: 05.12.2024). DOI: 10.17226/9688.

² The Royal Society [Электронный ресурс] // New Frontiers in Science Diplomacy. URL: <https://royalsociety.org/-/media/policy/publications/2010/4294969468.pdf> (дата обращения: 05.12.2024).

³ МНТС — международное научно-техническое сотрудничество.

⁴ Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/07/kontseptsiya_MNTS_Rossiyskoy_Federatsii.pdf (дата обращения: 05.12.2024).

2. Дипломатия мозговых центров

Научная дипломатия отличается большим разнообразием форм по сравнению с традиционной дипломатией, включая взаимодействие через университеты, мозговые центры, лаборатории, а также сети конференций, семинаров, научных ассоциаций и исследовательских консорциумов [19]. Мозговые центры играют ключевую роль, выступая центрами производства знаний и драйверами дипломатической практики.

Основное преимущество мозговых центров заключается в их междисциплинарных подходах и способности предоставлять научно обоснованные рекомендации для политических решений [14]. Они организуют семинары, публикуют отчеты и предоставляют научные данные по вопросам, таким как изменение климата, разработка ресурсов и использование морских путей. Это обеспечивает поддержку как национальной политики, так и международных переговоров.

Кроме того, мозговые центры служат мостами для глобального научного сотрудничества и катализаторами международного диалога. Они участвуют в транснациональных проектах, способствуют распространению знаний и формированию восприятия через отчеты, публикации и медийные каналы. Например, различия в подходах Брукингского института и Фонда наследия к политике России в Арктике демонстрируют влияние мозговых центров на дискуссии по управлению регионом [23].

Особую роль играют мозговые центры вузов, обладающие богатством академических ресурсов и междисциплинарными преимуществами. Они вносят значительный вклад в научную дипломатию через международное сотрудничество и подготовку кадров, поддерживая инновации и развитие дипломатической практики.

3. Мозговые центры вузов

Мозговые центры вузов являются исследовательскими организациями в структуре вузов, сосредоточенными на политических исследованиях и консультировании в процессе принятия решений [11, с. 10]. Их уникальность определяется различиями в специализации университетов, что обуславливает разнообразие исследовательских направлений [12, с. 20]. Примером служит Северный (Арктический) федеральный университет, который вместе с Институтом стратегических исследований России создал Арктический информационно-аналитический центр, сосредоточенный на изучении Арктики.

Политическая направленность центров формирует симбиоз между академическим сообществом и государством, обеспечивая стабильность науки и поддержку государственной и региональной политики [4; 15]. Международная направленность таких центров усиливается в условиях глобализации, что способствует их участию в международном сотрудничестве и обмене опытом, создавая платформы для взаимодействия и совместного развития [8, с. 8].

В России и Китае мозговые центры вузов играют важную роль в арктических исследованиях и политической поддержке, формируя концепцию «арктических мозговых центров вузов». Благодаря четкой ориентации и практическому характеру их результатов такие центры стали ключевыми игроками в арктической деятельности. В рамках данного исследования подлинными «арктическими мозговыми центрами вузов» считаются те центры, которые длительное время ведут углубленные исследования по вопросам Арктики, публикуют высококачественные результаты и оказывают непосредственное влияние на национальные и международные политические процессы. Роль этих центров заключается не только в заполнении пробелов между университетами и политической практикой, но и в укреплении международного влияния Китая и России в арктических вопросах через международные и перспективные исследования. Целью данного исследования является анализ текущего состояния «арктических мозговых центров вузов» в России и Китае.

Состояние строительства арктических мозговых центров вузов России и Китая

Сегодня в российском научном сообществе университеты рассматриваются как важные участники научно-технологической дипломатии в Арктике. Они играют ключевую роль в развитии международного научного сотрудничества с иностранными организациями, продвижении национальных интересов на

различных международных платформах, а также в формировании позитивного имиджа России. В условиях текущей геополитической обстановки статус и роль университетов как участников арктической научно-технологической дипломатии значительно усилились. Это связано с их традиционной относительной независимостью от государственной идеологии, что позволяет университетам выступать важным звеном научно-технологической дипломатии и обеспечивать устойчивую коммуникацию между сторонами.

В Китае и России существует множество университетов, занимающихся арктическими исследованиями, которые в соответствии с особенностями своих образовательных учреждений создают арктические мозговые центры или исследовательские центры по вопросам Арктики. Далее с целью изучения процесса создания арктических мозговых центров в этих вузах будут рассмотрены китайские университеты: Китайский университет океанологии, Даляньский морской университет, Харбинский политехнический университет, а также российские университеты: Санкт-Петербургский государственный университет, Северный (Арктический) федеральный университет и Дальневосточный федеральный университет.

Китайский университет океанологии стал первым китайским вузом, присоединившимся к «Университету Арктики». В 2004 г. университет основал Институт морского развития, ориентированный на потребности Китая в становлении морской державой, сосредоточив исследования на управлении морскими ресурсами, морской экономике и экологии. Институт стремится создать «голубой мозговой центр». В его структуру входят шесть исследовательских подразделений, среди которых ключевую роль играет команда по изучению полярных и глубоководных регионов. Эта команда выступает важным аналитическим центром государственной полярной стратегии, предоставляя экспертные заключения по вопросам полярной политики и динамического анализа. Ее деятельность включает участие в разработке законодательства и политических решений, международные академические обмены и подготовку высококвалифицированных специалистов. Ежегодный доклад команды, известный как «Голубая книга Арктического региона», публикуется с 2014 г. и охватывает вопросы геополитики, освоения ресурсов. Доклад стал авторитетным источником в международных арктических исследованиях и важным ориентиром для ученых и политиков всего мира.

Даляньский морской университет, специализирующийся на судоходстве, судостроении и морском праве, активно занимается исследованиями, связанными с развитием и использованием Северного морского пути, безопасностью навигации, охраной окружающей среды и морским законодательством. В 2010 г. университет основал Центр полярных морских исследований, отвечая на государственные стратегии «морской державы» и «полярной державы». Центр сосредоточил свою деятельность на изучении экономической значимости Северного морского пути, его экологического воздействия и на разработке международных норм. В рамках своей работы Центр вносит вклад в развитие полярных морских исследований, предоставляя рекомендации по ключевым вопросам государственной политики. Исследовательская группа под руководством Ли Чжэньфу изучает вопросы геополитики Арктики, экономику транспортных маршрутов и сотрудничество Китая и России в Арктике. Группа анализирует влияние Северного морского пути на мировую экономику и геополитику, подчеркивая его роль в трансформации глобальной структуры судоходства и снижении транспортных издержек [26].

Харбинский политехнический университет, являясь членом «Альянса университетов Арктики», использует свои междисциплинарные преимущества в таких областях, как экологические науки, физика и гражданское строительство, для проведения высокоуровневых исследований в области арктических наук. Полярный исследовательский институт университета занимается изучением влияния глобального изменения климата на экосистемы полярных регионов, миграцию загрязняющих веществ, долговечность и безопасность инженерных сооружений, а также биоразнообразии Арктики. В состав института входят шесть исследовательских центров, которые изучают арктическую экологию, космическую среду, строительство в условиях низких температур, транспортную инфраструктуру, архитектуру и здоровье человека в Арктике. Эти центры формируют уникальные направления исследований, оказывая поддержку государственной стратегии России в Арктике и усиливая международное влияние университета¹.

¹ Полярная академия Харбинского политехнического университета. Организационная структура [Электронный ресурс]. URL: <http://polar.hit.edu.cn/11625/list.htm> (дата обращения: 09.09.2024).

Среди российских университетов Санкт-Петербургский государственный университет еще с советских времен занимает ведущие позиции в исследованиях Арктики и подготовке высококвалифицированных специалистов для работы в этом регионе. В постсоветское время вуз активно включился в международное арктическое сотрудничество, став важным участником российской научной дипломатии в Арктике [5, с. 144]. На раннем этапе внимание было сосредоточено на естественных науках, в том числе на проектах с Норвежским исследовательским советом, таких как «Экологические процессы полярной ночи» и «Экологическое управление нефтяными районами Баренцева моря». В последние годы университет расширил исследования в области междисциплинарного международного сотрудничества, в их число вошел и проект с Университетом Тромсе по устойчивому развитию арктических городов России. Кроме того, СПбГУ в 2012 г. стал членом «Университета Арктики» и в 2018–2021 гг. создал Арктический мозговой центр и Арктический проектный офис (АПО), чтобы более эффективно координировать научные исследования и международное сотрудничество в Арктике, способствуя устойчивому развитию региона [6, с. 91]. АПО направлен на объединение ресурсов СПбГУ и партнерских организаций для развития арктических исследований. Особого внимания заслуживает проект ЦИАП «Арктика-2035», созданный в результате сотрудничества Санкт-Петербургского государственного университета и Мурманского арктического государственного университета. Его цель заключается в создании интегрированного информационно-аналитического и экспертно-консалтингового механизма, обеспечивающего поддержку принятия решений. Этот механизм позволяет проводить проактивные и предиктивные аналитические исследования для прогнозирования и оценки эффективности системных инновационных решений в таких областях, как технологии, экономика, социальная сфера и экология, что способствует устойчивому стратегическому развитию арктических территорий.

Кроме того, платформа нацелена на поддержку рынка технологий и продукции хозяйствующих субъектов арктической зоны Российской Федерации, а также на развитие и внедрение арктических инновационных технологий, проектов и партнерств, что в целом способствует развитию региона. Как успешный пример создания университетских мозговых центров, ЦИАП «Арктика-2035» подчеркивает уникальную роль вузов в решении глобальных вызовов, эффективно преодолевая разрыв между теоретическими исследованиями и практическими решениями. Этот проект также служит ориентиром и предоставляет ценный опыт для других университетских аналитических центров.

Северный (Арктический) федеральный университет (САФУ), ранее известный как Архангельский государственный технический университет, с начала 1990-х годов активно участвует в международном сотрудничестве, быстро интегрируясь в российскую сеть научной дипломатии в Арктике и устанавливая прочные связи с университетами как арктических, так и неарктических стран [5, с. 141]. На базе платформы «Университет Арктики» и двусторонних соглашений университет реализовал проекты «Арктическое солнце» и «Арктическое наследие», направленные на развитие технологий солнечной энергии для холодного климата и охрану культурного наследия. В 2013 г. университет создал Центр стратегических исследований Арктики, который в 2018 г. был преобразован в Институт стратегического развития Арктики. Институт стремится стать авторитетным учреждением в области социально-экономического развития Арктики, предоставляя государственные консультации, осуществляя научные публикации, организуя экспедиции и управляя журналом «Арктика и Север»¹.

САФУ, благодаря межинституциональному и международному сотрудничеству, предоставляет правительству консультации по вопросам политики и выступает мостом между распространением знаний и реализацией политики, являясь примером эффективной работы университетских мозговых центров в арктической деятельности.

Северо-Восточный федеральный университет (СВФУ), благодаря своему географическому положению вблизи Арктики, стал одним из ключевых российских научных учреждений по изучению арктических проблем. Университет сосредоточен на развитии технологий и инноваций в арктическом регионе, а также на укреплении взаимодействия с Университетом Арктики. Наиболее значимыми примерами

¹ Институт стратегического развития Арктики [Электронный ресурс] // Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова. URL: https://narfu.ru/science/structure/arctic_centre_for_strategic_studies/ (дата обращения: 09.09.2024).

являются создание «Арктического инновационного центра» и «Информационного центра Университета Арктики». «Арктический инновационный центр» представляет собой многофункциональный образовательный комплекс научно-технологического характера, направленный на преобразование передовых идей и научных исследований в востребованные на российском и мировом рынках товары и услуги. Центр также создает экосистему, способствующую развитию инновационного предпринимательства, что не только ускоряет трансформацию научных достижений, но и подчеркивает важность университета в экономическом и технологическом развитии Арктического региона. «Информационный центр Университета Арктики» занимается координацией перевода новостных статей с английского языка на русский, а также поддержкой русскоязычной версии сайта. С 2011 г. основной целью центра является информирование организаций и университетов-партнеров о мероприятиях и событиях, организуемых Университетом Арктики. Эта деятельность существенно расширила сеть международного сотрудничества университета.

В настоящее время Северо-Восточный федеральный университет совместно с такими вузами, как Московский государственный университет, Университет Серджи-Понтуаз и Университет Перпиньян-Виа Домития (Франция), а также Кембриджский и Кильский университеты (Великобритания), реализует совместные образовательные и научные проекты. Эти усилия СВФУ способствуют не только продвижению исследований по вопросам Арктики, но и предоставляют политикам и представителям бизнеса высококачественную академическую поддержку и практические рекомендации, что делает его ярким примером роли университетских аналитических центров в арктической деятельности.

Пути сотрудничества арктических мозговых центров вузов Китая и России

Китайские и российские университеты и их мозговые центры продолжают углублять сотрудничество в Арктике. В условиях развития арктических ресурсов и возрастания стратегической значимости региона исследования и взаимодействие Китая и России становятся особенно важными. В данном контексте рассматриваются три основных направления сотрудничества арктических мозговых центров вузов двух стран: международные конференции, совместные полярные экспедиции и участие в международных организациях. Анализ этих направлений позволит понять, как сотрудничество способствует общему развитию двух стран в Арктике.

Прежде всего, международные конференции являются ключевой платформой для сотрудничества китайских и российских университетов в рамках арктических мозговых центров. Например, с 2012 г., когда Китайский океанологический университет и СПбГУ совместно учредили «Российско-китайский арктический форум», обе страны ведут углубленный диалог по вопросам арктической политики, двустороннего сотрудничества и общего развития. В декабре 2023 г. в Архангельске был проведен семинар «Научная дипломатия в Арктике в условиях глобальных вызовов», организованный совместно САФУ и Пекинским политехническим университетом, который собрал более восьмидесяти китайских и российских экспертов для обсуждения научно-технического сотрудничества в Арктике. В 2024 г. на базе Цилиньского университета состоялся Форум по сотрудничеству между Россией и Китаем на Дальнем Востоке и в Арктике. В рамках мероприятия были обсуждены такие темы, как «Политика и новые тенденции освоения российского Дальнего Востока и Арктики», «Сотрудничество России и Китая в Арктике», а также «Региональное сотрудничество между Северо-Восточным Китаем и российским Дальним Востоком». На этих встречах стороны выдвинули предложения по укреплению долгосрочных научных проектов и сотрудничества в таких областях, как геополитика, охрана окружающей среды и логистика, что создало прочную основу для координации усилий России и Китая в арктических вопросах.

Вторым направлением сотрудничества являются совместные арктические экспедиции. В этом контексте «Арктический плавучий университет» выступает флагманским проектом САФУ, объединяя научные исследования и образовательные программы. Основной целью проекта является повышение научных компетенций молодых исследователей и их понимания арктической среды через реальные морские

экспедиции. Запущенный в 2012 г. проект привлек широкое внимание и получил поддержку со стороны различных организаций, а также ученых более чем из 20 стран, предоставив значительный объем данных для долгосрочного изучения экосистем Арктики¹. Эти экспедиции способствовали международному академическому сотрудничеству, укрепив значимость арктических исследований в глобальной науке. В 2018 г. в проекте принял участие профессор Гао Тяньминь из Харбинского инженерного университета, что укрепило российско-китайское сотрудничество в арктической науке и способствовало повышению роли Китая в международных исследованиях Арктики [1, с. 146].

Третье направление — участие в международных организациях. Альянс инженерно-технических университетов России и Китая (АТУРК) был создан в 2011 г. по инициативе Харбинского политехнического университета и Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана. Его цель — объединить ведущие технические вузы обеих стран для содействия научно-техническому сотрудничеству и подготовки кадров. Этот альянс стал ответом на мировую технологическую конкуренцию и ориентирован на подготовку высококвалифицированных специалистов для инновационной экономики, а также на укрепление академического обмена и исследовательского взаимодействия. СВФУ, обладая значительным опытом в изучении Арктики, провел форумы по арктическим исследованиям в 2018 и 2022 гг. в рамках альянса, обсуждая вопросы информационных технологий, охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Эти форумы способствовали реальному прогрессу в сотрудничестве между российскими и китайскими вузами в области научных исследований и инноваций в Арктическом регионе.

Китайские и российские университеты через международные конференции, совместные арктические экспедиции и участие в международных организациях накопили значительный опыт и достигли научных результатов в области арктических исследований. Конференции способствовали обсуждению арктической политики, технологического сотрудничества и регионального развития, а экспедиции углубили понимание экосистемы Арктики и подготовили новое поколение ученых. Участие в международных организациях укрепило влияние университетов в глобальном управлении Арктикой и их способность координировать действия в ответ на мировые вызовы.

Такое сотрудничество усилило академические связи, способствовало созданию транснациональной сети мозговых центров, ориентированных на арктические исследования, и обеспечило научную базу для политических рекомендаций. Это стало прочной основой для долгосрочного сотрудничества России и Китая в Арктике и вкладом в глобальное управление этим стратегически важным регионом.

Заключение

Арктические мозговые центры вузов Китая и России являются важной платформой для научной дипломатии двух стран. В условиях сложной геополитической ситуации эти мозговые центры через научные исследования, международные конференции и совместные экспедиции способствуют развитию сотрудничества между Китаем и Россией по вопросам Арктики, играя активную роль в глобальном управлении. Благодаря своей уникальности, политической значимости и международной направленности, мозговые центры университетов оказывают ключевое влияние на исследование политики и подготовку рекомендаций для принятия решений.

В рамках такого взаимодействия мозговые центры университетов Китая и России не только предоставляют интеллектуальную поддержку национальным стратегиям, но и способствуют двустороннему сотрудничеству в таких областях, как информационные технологии, рациональное использование ресурсов и охрана окружающей среды. В будущем, с углублением научной дипломатии, мозговые центры университетов двух стран будут усиливать свой вклад в совместное развитие Арктики и глобальное сотрудничество, предоставляя еще больше научного и интеллектуального потенциала.

¹ КМУ-2023: «Плавучие университеты» — новая точка притяжения в океанографии [Электронный ресурс] // Рамблер. 28.11.2023. URL: <https://news.rambler.ru/tech/51852002-kmu-2023-plavuchie-university-novaya-tochka-prityazheniya-v-okeanografii/?ysclid=m0ui961nur31632230> (дата обращения: 09.09.2024).

Литература / References

1. Авдонина Н. С. «Арктический плавучий университет» совершил экспедицию вокруг Новой Земли // Арктика и Север. 2018. № 32. С. 146–153. (Avdonina N. S. The Arctic Floating University completed the expedition around Novaya Zemlya // Arctic and North. 2018. No. 32. P. 146–153. (In Russ.)) EDN: YLBHR. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.32.146
2. Бойко Е. В. Научная дипломатия как инструмент международного взаимодействия в Арктике // Полярные чтения-2022. Международное сотрудничество в Арктике и Антарктике: история и современность: сборник статей. М. : Паулсен, 2023. 448 с. С. 124–30. (Boyko E. Scientific diplomacy as an instrument of international cooperation in the Arctic // “Polar Readings-2022”. International Cooperation in the Arctic and Antarctic: History and Modernity. Moscow : Paulsen Publishers, 2023. 448 p. P. 124–30. (In Russ.)) EDN: JVBIDP
3. Васильев А. В., Зайков К. С., Зарубина Л. А. [et al.] Итоги работы российско-китайского экспертного семинара «Развитие научной дипломатии в Арктике в условиях глобальных вызовов» // Арктика и Север. 2024. № 55. С. 182–195. (Vasilyev A. V., Zaikov K. S., Zarubina L. A. Outcomes of the Russian-Chinese Expert Seminar “Science Diplomacy in the Arctic under Global Challenges” // Arctic and North. 2024. No. 55. P. 182–195. (In Russ.)) EDN: KHAFCM. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.55.182
4. Гутенев М. Ю., Лагутина М. Л., Сергунин А. А. Российские университеты как акторы арктической научной дипломатии // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 8–9. С. 70–88. (Gutenev M. Yu., Lagutina M. L., Sergunin A. A. Russian Universities as Actors of Arctic Science Diplomacy // Higher Education in Russia. 2023. Vol. 32. No. 8–9. P. 70–88. (In Russ.)) EDN: MAXTHZ. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-70-88
5. Заика Ю. В., Рябова Л. А., Сергунин А. А. Научная дипломатия в Арктике: платформы, практики, новые вызовы. Апатиты : Кольский научный центр РАН, 2023. 192 с. ISBN: 978-5-91137-480-8 (Zaika Yu. V., Riabova L. A., Sergunin A. A. Science Diplomacy in the Arctic: Platforms, Practices, New Challenges. Apatity : Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences, 2023. 192 p. ISBN: 978-5-91137-480-8. (In Russ.)) EDN: AXVIBP DOI: 10.37614/978.5.91137.480.8)
6. Лобанов А. В., Рязанцева Е. А. Санкт-Петербург как центр обеспечения инновационного развития Арктики (по материалам экспозиции международного арктического Форума «Арктика — территория диалога») // Базис. 2019. № 2 (6). С. 89–96. (Lobanov A. V., Ryazantzeva E. A. Saint Petersburg as a Center of Innovative Development of the Arctic Region (on Materials of the Exposition of the International Arctic Forum “The Arctic — Territory of Dialogue”) // Basis. 2019. No. 2 (6). P. 89–96. (In Russ.)) EDN: ZIBMFF
7. Adamson M., Lalli R. Global Perspectives on Science Diplomacy: Exploring the Diplomacy-Knowledge Nexus in Contemporary Histories of Science // Centaurus. 2021. Vol. 63. No. 1. P. 1–16. DOI: 10.1111/1600-0498.12369
8. Baogui D., Liming S., Liyun Zh. Analysis of Ways to Jointly Create Think Tanks of universities in China // Modern Education Management. 2014. No. 4. P. 8–12. (In Chinese)
9. Berkman P. A. Evolution of Science Diplomacy and its Local-Global Applications // European Foreign Affairs Review. 2019. Vol. 24. Special Issue. P. 63–79. DOI: 10.54648/eerr2019019
10. Berkman P. A., Lang M. A., Walton D. W. H. [et al.] Science Diplomacy: Science, Antarctica, and the Governance of International Spaces. Washington : Smithsonian Institution Scholarly Press, 2011. 337 p.
11. Во Ya. On the Construction of Think Tanks in Chinese Universities. Guiyang : Guizhou University Press, 2021. (In Chinese)
12. Fengjuan J. Research on the Construction of New Think Tanks at Chinese Universities : dissertation. Anhui University, 2017. (In Chinese)
13. Flink T., Ruffin N. The Current State of the Art of Science Diplomacy // Handbook on Science and Public Policy. 2019. P. 104–121. DOI: 10.4337/9781784715946.00015
14. Fraussen B., Halpin D. Think Tanks and Strategic Policy-Making: The Contribution of Think Tanks to Policy Advisory Systems // Policy Sciences, 2017. Vol. 50. No. 1. P. 105–124. DOI: 10.1007/s11077-016-9246-0

15. *Guangcai Y.* Historical and Modern Aspects of the Construction of the Chinese Academic System // Bulletin of Beijing Normal University (Social Sciences Series). 2008. No. 6. P. 21–28. (In Chinese)
16. *Jianming L.* A Brief Analysis of Russian-Chinese Cooperation in the Arctic: Framework, Interests, Policies and Opportunities // Eurasian Economy. 2019. No. 4. P. 1–19. (In Chinese)
17. *Krasnyak O.* National Styles in Science, Diplomacy, and Science Diplomacy: A Case Study of the United Nations Security Council P5 countries // Brill Research Perspectives in Diplomacy and Foreign Policy. 2018. Vol. 3. No. 1. P. 1–100. DOI: 10.1163/24056006-12340009
18. *Krasnyak O.* Science and Diplomacy. A New Dimension of International Relations, Written by Pierre-Bruno Ruffini // The Hague Journal of Diplomacy, 2019. Vol. 14. No. 4. P. 505–507. DOI: 10.1163/1871191X-14401039
19. *Legrand T., Stone D.* Science Diplomacy and Transnational Governance Impact // British Politics. 2018. Vol. 13. P. 392–408. DOI: 10.1057/s41293-018-0082-z
20. *Ningnin Ch., Yanhan Ch.* Adjustment, Causes and Consequences of Russian Arctic Policy Against the Background of the Russian-Ukrainian Conflict // Studies of Borders and Seas. 2023. No. 8 (05). P. 58–71. (In Chinese)
21. *Ningning Ch., Yanghan C.* Risks to China's Arctic Interests and Ways to Overcome Them — an Analysis from the Point of View of Geopolitical Rivalry in the Arctic // Socialist Studies. 2024. No. 3. P. 153–161. (In Chinese)
22. *Speth J. G.* Diplomacy on Ice: Energy and the Environment in the Arctic and Antarctic : Monograph / ed. by R. Pincus, S. H. Ali. Yale University Press, 2015. DOI: 10.2307/j.ctt13x1stj
23. *Van Efferink L. A. S.* Polar Partners or Poles Apart? On the Discourses of Two US Think Tanks on Russia's Presence in the 'High North' // The Geographical Journal. 2012. Vol. 178. No. 1. P. 3–8. DOI: 10.1111/j.1475-4959.2011.00433.x
24. *Yang Lei; Jia Zhengyu.* China-Russia Arctic Cooperation: Topics and Directions // Tongfang Knowledge Network (Beijing) Technology Co., Ltd. 2019. No. 6. P. 119–123. (In Chinese) DOI: 10.19309/j.cnki.zyx.2019.06.020
25. *Ying Ch., Wei Ya.* Review of Studies on Russian-Chinese Cooperation in the Arctic // Marine Economy. 2022. No. 5. P. 12–19. (In Chinese)
26. *Zhenfu L., Zhao D.* Prospects for the Use of Arctic Sea Routes and Their Impact on the World Economy and Geopolitics // Eurasian economy. 2021. No. 2. P. 90–108. (In Chinese)

Об авторе:

Люй Пэйин, аспирант Региональных исследований Юго-восточного университета (Нанкин, Китай);
e-mail: lvpy219@163.com; ORCID: 0009-0006-1138-8604

About the author:

Lv Peiyang, Postgraduate student of Regional Studies of Southeastern University (Nanjing, China);
e-mail: lvpy219@163.com; ORCID: 0009-0006-1138-8604

Перспективные направления энергетического сотрудничества России и Саудовской Аравии

Серегина А. А.^{1, *}, Галицкая Е. А.²

¹ Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация

* e-mail: a.seregina@dipacademy.ru

² Центр эксплуатационных услуг Министерства энергетики Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Обозначенные в настоящей статье перспективные направления энергетического сотрудничества с наибольшей полнотой способны обеспечить взаимный учет энергетических интересов России и Саудовской Аравии в контексте достижения национального технологического суверенитета, выхода на производство общих благ для целей энергетического развития двух стран.

Цель. Выявить перспективные направления энергетического сотрудничества между Россией и Саудовской Аравией с учетом приоритетов развития «зеленой» энергетики КСА.

Задачи. Проанализировать текущее состояние и приоритеты развития «зеленой» энергетики в Королевстве Саудовская Аравия в рамках программы «Видение-2030»; проанализировать существующую нормативно-правовую базу и институциональные механизмы энергетического сотрудничества между Россией и КСА; определить ключевые направления технологического сотрудничества между Россией и КСА в области атомной энергетики; оценить потенциал сотрудничества России и КСА в области развития водородной энергетики; разработать практические рекомендации по развитию российско-саудовского энергетического сотрудничества с учетом приоритетов «зеленой» энергетики.

Методология. Для решения поставленных в исследовании задач автор прибегает к использованию таких методов, как статистический анализ, системный и сравнительный анализ, научное общение, экспертные оценки.

Результаты. Поддержка и содействие правительств Российской Федерации и Саудовской Аравии в области ТЭК (Топливо-энергетический комплекс) является важным инструментом для достижения стратегических целей двух стран в сфере энергетики, науки и технологий. Энергетический диалог между Россией и Саудовской Аравией обладает значительным потенциалом для дальнейшего углубления и расширения, в частности, в таких направлениях, как ядерная и водородная энергетика.

Выводы. Активизация усилий по созданию благоприятных условий для двустороннего энергетического сотрудничества между Россией и Саудовской Аравией сегодня направлена на: возможность диверсификации ТЭК и сохранения его устойчивости в условиях изменяющегося мирового энергетического ландшафта; создание передовых технологий, способных повысить конкурентоспособность двух стран на мировой арене, а также достичь цели энергоперехода по снижению углеродного следа; создание новых высококвалифицированных рабочих мест в области исследований, инженерии, производства и обслуживания.

Ключевые слова: атомная энергетика, водородная энергетика, программа мощностей ВИЭ, «Видение-2030», мегаполис Неом, углеродный след

Для цитирования: Серегина А. А., Галицкая Е. А. Перспективные направления энергетического сотрудничества России и Саудовской Аравии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 4. С. 130–141.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-130-X141X>. EDN: UYUGBP

Promising Areas of Energy Cooperation between Russia and Saudi Arabia

Antonina A. Seregina^{a,*}, Elena A. Galitskaya^b

^a Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (University), Moscow, Russian Federation

* e-mail: a.seregina@dipacademy.ru

^b Operational Services Center of the Ministry of Energy of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The promising areas of energy cooperation outlined in this article are most fully capable of ensuring mutual consideration of the energy interests of Russia and Saudi Arabia in the context of achieving national technological sovereignty and achieving the production of common goods for the purposes of energy development of the two countries.

Aim. To identify promising areas of energy cooperation between Russia and Saudi Arabia, taking into account the priorities of 'green' energy development in KSA.

Tasks. To analyse the current state and priorities of 'green' energy development in the Kingdom of Saudi Arabia within the framework of the 'Vision 2030' programme; to analyse the existing legal framework and institutional mechanisms of energy cooperation between Russia and KSA; to identify key areas of technological cooperation between Russia and KSA in the field of nuclear energy; to assess the potential of cooperation between Russia and KSA in the field of hydrogen energy development; to develop practical recommendations for the development of Russian and Saudi energy cooperation in the field of hydrogen energy.

Methods. To solve the problems posed in the study, the author uses such methods as statistical analysis, system and comparative analysis, scientific generalization, expert assessments.

Results. Support and assistance to the governments of the Russian Federation and Saudi Arabia in the area of fuel and energy complex is an important tool for achieving the strategic objectives of the two countries in the field of energy, science and technology. The energy dialogue between Russia and Saudi Arabia has considerable potential for further deepening and expansion, particularly in such areas as nuclear and hydrogen power.

Conclusions. Intensified efforts to create favorable conditions for bilateral energy cooperation between Russia and Saudi Arabia are today aimed at: the possibility of diversifying the fuel and energy complex and maintaining its sustainability in the changing global energy landscape; creating advanced technologies that can increase the competitiveness of the two countries on the world stage, as well as achieve the goal of the energy transition to reduce the carbon footprint; creating new highly skilled jobs in research, engineering, production and services.

Keywords: nuclear energy, hydrogen energy, increasing renewable energy capacity, Vision 2030 program, Neom metropolis, reducing the carbon footprint

For citation: Seregina A. A., Galitskaya E. A. Promising Areas of Energy Cooperation between Russia and Saudi Arabia // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 4. P. 130–141. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-130-141>. EDN: UYUGBP

Введение

Одним из ведущих акторов Ближнего Востока, способных заявить о себе не только в ОПЕК, но и в лидерстве «зеленых ноу-хау», является Саудовская Аравия. В настоящее время генерация энергии в Королевстве Саудовская Аравия (КСА) происходит преимущественно за счет традиционных отраслей Топливо-энергетического комплекса (ТЭК): за 2022 г. в стране было выработано порядка 401,6 ТВтч, из которых около 32,7% выработано за счет нефти, 67% — за счет природного газа и 0,2% — возобновляемые источники энергии (ВИЭ)¹. На основании данных Статистического бюллетеня ОПЕК-2023

¹ Statistical Review of World Energy [Электронный ресурс] // Energy Institute. 2023. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review/resources-and-data-downloads> (дата обращения: 02.01.2024).

(Организация стран — экспортеров нефти), по физическому объему нефтяного экспорта Саудовской Аравии по направлениям в 2022 г. основной спрос на нефть из Саудовской Аравии предъявляют страны Азиатско-Тихоокеанского региона, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а также страны Азии, в частности, Китай и Индия. При этом необходимо отметить, что в будущем рост спроса на энергоносители будет обеспечиваться странами, не входящими в ОЭСР, который, как ожидается, увеличится на 69 млн баррелей/день до 2045 г. Планируется, что около 28% роста за пределами ОЭСР придется в основном на Индию¹. Спрос на нефть со стороны Китая увеличится с 14,9 млн баррелей/день в 2022 г. до 18,8 млн, других стран Азии — до 13,6 баррелей/день². Так, в условиях растущего спроса на нефть Саудовская Аравия может получить дополнительный доход от экспорта нефти по вышеобозначенным направлениям [17, р. 312–318]. Вместе с тем руководство КСА давно вынашивает планы о «зеленых» инновационных зонах и «городах будущего», построенных в качестве оазисов инженерной мысли и впитавших в себя лучшие образцы технологий и разработок в области ESG-стандартов.

Курс и реализация программы «Видение-2030»

Развитию рынка ВИЭ в стране также способствует необходимость выполнения международных обязательств, к которым присоединилась Саудовская Аравия, желая удерживать лидерство и в глобальной экологической повестке. Будучи одним из инициаторов подобных встреч на международном уровне, выступая за принятие ограничительных мер в области снижения выбросов парниковых газов (речь идет о Парижском соглашении по климату 2015 г.), КСА в ходе 28-й конференции Рамочной конвенции ООН об изменении климата COP28 (2023 г.) при подведении итогов для достижения целей данного Соглашения все же оценила риски собственного уязвимого развития и была вынуждена проголосовать против включения в финальный текст обязательств полного отказа от ископаемых источников энергии. В итоговый текст соглашения включены формулировки об использовании переходного топлива, а также других способов сокращения выбросов: атомная энергетика, увеличение поглотительной способности экосистем, технологии улавливания и захоронения выбросов, низкоуглеродный водород и т. д.

Несмотря на то, что по состоянию на 2022 г. нефтегазовый сектор обеспечивал порядка 40% ВВП КСА, в рамках программы, реализуемой Саудовской Аравией с 2016 г., — «Видение-2030» доходы в государственный бюджет от ненефтяного экспорта к 2030 г. должны будут увеличиться до 50% [3, с. 54–78]. Одними из ключевых направлений развития топливно-энергетического комплекса Саудовской Аравии, согласно программе «Видение-2030», являются: повышение уровня энергоэффективности, наращивание мощностей ВИЭ, развитие технологий переработки отходов и их преобразования в энергию (*англ.* Waste-to-energy transformation) [19, р. 455–473]. Флагманским проектом в рамках программы «Видение-2030» является строительство мегаполиса Neom на границе Саудовской Аравии и Египта, в административном округе Табук. По замыслу, проект Neom станет испытательной площадкой для передовых технологий в областях, таких как: энергетика, водоснабжение, биотехнологии, сфера развлечений, цифровые исследования, а также способствует становлению Саудовской Аравии в качестве одного из мировых технологических центров, способного ассимилировать и применять лучшие стартапы на территории «города будущего». В настоящее время проект находится в стадии реализации, запуск планируется произвести в 2025 г.³ При этом кластеризация возможных технологий и масштабирование получаемых инфраструктурных решений мегаполиса Neom планируются к использованию не только в КСА, но и у их извечных технологических конкурентов: в Катаре и в ОАЭ. А это означает, что «мягкая сила» таких решений сможет постепенно подсадить регион Среднего и Ближнего Востока на технологическую и комплектационную

¹ Non-OECD oil demand by sector 2022–2045 [Электронный ресурс] // OPEC. 2023. URL: <https://woo.opec.org/chapter.php?chapterNr=1768&chartID=5842> (дата обращения: 03.05.2024).

² Long-term oil demand worldwide in 2022, with a forecast for 2045, by region [Электронный ресурс] // Statista. 2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/283443/world-oil-demand-outlook-by-key-region/> (дата обращения: 03.04.2024).

³ Saudi Arabia's Neom is a \$500B futuristic city being built in the desert — but it could morph into a surveillance dystopia [Электронный ресурс] // Business Insider. 2023. April. URL: <https://www.businessinsider.com/neom-what-we-know-saudi-arabia-500bn-mega-city-2019-9> (дата обращения: 02.01.2024).

«иглу» саудитов, которым оказывают в этом протекцию израильские и китайские подрядчики. И если с первыми из-за палестинского конфликта в Газе вопрос остается открытым, то усилия государственных компаний Китая, с их нанокластерным сопровождением материаловедческих решений в условиях крайне высокого перепада температур, засух и суховеев, недостатка воды и полного отсутствия требуемого уровня плодородия почв, остаются крайне желательными для «оживления оазиса» футуристических амбиций «повелителей пустынь».

Подход оставаться «лучшими из лучших» заставляет Саудовскую Аравию ставить перед собой амбициозные, но реализуемые цели по достижению к 2030 г. генерации до 58,7 ГВт возобновляемой энергии, в том числе до 40 ГВт — при использовании солнечной энергии, до 16 ГВт — за счет энергии ветра и до 2,7 ГВт — за счет концентрированной солнечной энергии (CSP) [5, р. 1–21].

Совокупная мощность ВИЭ (на конец 2023 г.) в Саудовской Аравии составила 443 МВт¹ (рис. 1).

Рис. 1 Динамика совокупной мощности ВИЭ Саудовской Аравии, МВт²

Fig. 1 Dynamics of the total renewable energy capacity of Saudi Arabia, MW

График наглядно демонстрирует, что с 2013 по 2022 гг. Саудовская Аравия значительно нарастила мощность объектов генерации энергии на основе ВИЭ. Так, в рассматриваемый период данный показатель возрос на 421 пункт. В настоящий момент значительная доля мощностей ВИЭ приходится на солнечные установки (рис. 2).

При этом к одной из основных проблем, стоящих на пути увеличения масштабов использования ВИЭ в Саудовской Аравии, являются низкие доходы от генерации энергии на основе ВИЭ, ввиду отсутствия пула технологий по каскадному применению имеющихся инфраструктурных решений, не позволяющих достигать мультипликативных эффектов масштаба территорий и снижать за счет синергии бремя затрат на растущее энергопотребление со стороны заказчиков В2С, В2G и В2В. Объем доходов, получаемых от использования возобновляемых источников энергии, пока еще не может быть таким же, как от добычи нефти, и это продолжает влиять на способность государства обеспечивать распределение социальных благ [10, р. 98–119].

Важно отметить, что правительство КСА делает акцент на стимулировании притока иностранных инвестиций в ТЭК страны [1, с. 410–438]. Одним из важных шагов в данном направлении стало решение

¹ Составлено по данным: Statista [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1422811/mena-installed-renewable-energy-capacity-by-country/#:~:text=As%20of%202023%2C%20Iran%20boasted,highest%20capacities%20in%20the%20region> (дата обращения: 02.01.2024).

² Renewable capacity statistics 2023 [Электронный ресурс] // International Renewable Energy Agency. 2023. URL: https://mc-cd8320d4-36a1-40ac-83cc-3389-cdn-endpoint.azureedge.net/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2023/Mar/IRENA_RE_Capacity_Statistics_2023.pdf?rev=d2949151e6a4625b65c82881403c2a7 (дата обращения: 02.01.2024).

индексного комитета Morgan Stanley Capital International (далее — MSCI) о включении в 2019 г. индекса MSCI Саудовской Аравии в группу индекса MSCI Emerging Markets (стран с развивающимся рынком), что, в свою очередь, способствует значительному расширению базы потенциальных инвесторов¹. Дополнительной мерой для привлечения инвестиций стал переход Саудовской Аравии на расчетный цикл T+2 (т. н. режим торгов ценными бумагами на фондовом рынке), характерный для большинства развивающихся стран².

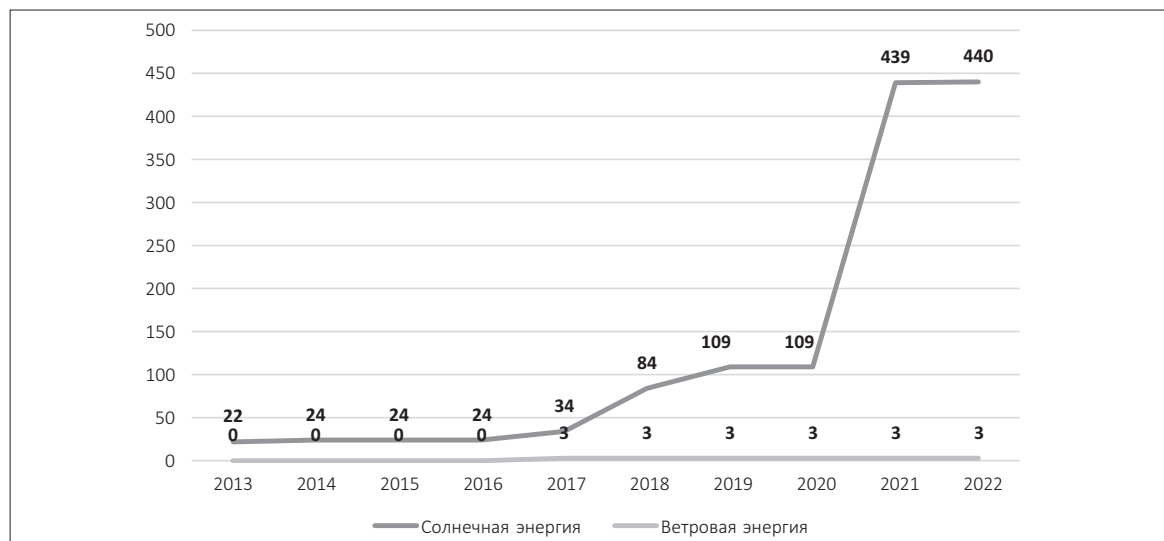

Рис. 2. Динамика мощностей ветровой и солнечной энергии Саудовской Аравии, МВт³

Fig. 2. Dynamics of wind and solar energy capacities in Saudi Arabia, MW

При этом виден и растущий недостаток частных инвестиций в ВИЭ, в технологии энергоперехода, что отмечают в своих работах представители научных и финансовых кругов Саудовской Аравии: так, переход на возобновляемые источники энергии осуществляется по принципу «сверху вниз» за счет расходов на ВИЭ со стороны государства, мегапроектов и реформ [9, р. 312–318]. В целом причины подобной организации финансирования (в том числе сферы ТЭК) в Саудовской Аравии и на Ближнем Востоке кроются в исторических факторах обеспечения устойчивого национального развития: поддержание государственного контроля и сохранение менталитета государства-рантье, социальная и правовая поддержка населения, которые обеспечиваются путем предоставления щедрых льгот гражданам через государственные рабочие места и прямое или косвенное субсидирование [8]. Для решения вопросов частных инвестиций в ТЭК и для формирования требуемого пула финансовых поступлений в бюджет КСА уже принимаются меры в рамках программы «Видение-2030»: науке и деловому сообществу поставлены задачи по пересмотру нормативно-правовой базы, чтобы позволить бизнес-сообществу активнее инвестировать в сектор возобновляемых источников энергии и поощрять государственно-частное партнерство.

Основы двустороннего сотрудничества России и Саудовской Аравии в сфере энергетики

Двусторонние межгосударственные отношения между Россией и Саудовской Аравией характеризуются высокой динамикой и потенциалом развития, значительная роль отводится работе Совместной

¹ MSCI adds Saudi Arabia, Argentina indexes to emerging markets index [Электронный ресурс] // Reuters. 2019. May. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSKCN1SJ2BK/> (дата обращения: 02.01.2024).

² Saudi Stock Exchange Officially Transitions to T+2 Settlement Cycle [Электронный ресурс] // International Finance. 2017. April. URL: <https://internationalfinance.com/economy/saudi-stock-exchange-officially-transitions-t2-settlement-cycle/> (дата обращения: 02.01.2024).

³ Renewable capacity statistics 2023 [Электронный ресурс] // International Renewable Energy Agency. 2023. URL: https://mc-cd8320d4-36a1-40ac-83cc-3389-cdn-endpoint.azureedge.net/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2023/Mar/IRENA_RE_Capacity_Statistics_2023.pdf?rev=d2949151e6a4625b65c82881403c2a7 (дата обращения: 02.01.2024).

межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству и созданных в ее рамках рабочих групп [2, с. 177–188].

Сегодня активно продолжается проработка и углубление энергетического взаимодействия между странами. Для этой цели были созданы и функционируют: Рабочая группа по сотрудничеству в области энергетики и Рабочая группа по сотрудничеству в области нефти и газа, в рамках которой действует подгруппа по технологическому сотрудничеству.

Россия с 01.01.2024 председательствует в межгосударственном объединении БРИКС (более 35% мирового ВВП по паритету покупательной способности и более 44% населения Земли), которое, согласно решению XV саммита БРИКС, теперь включает 10 государств. Вхождение Саудовской Аравии в БРИКС позволит углубить сотрудничество с Россией, в том числе и в части реализации Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 г. и Плана действий по инновационному сотрудничеству на 2021–2024 гг., включая развитие технологий энергоперехода, направленных на снижение углеродного следа.

Позитивные перспективы российско-саудовского энергетического сотрудничества просматриваются, прежде всего, в атомной энергетике, в том числе с учетом перспективных направлений трансформации топливно-энергетического баланса КСА. Атомная энергетика Саудовской Аравии сейчас находится на начальном этапе развития (в настоящее время Саудовская Аравия не располагает ядерными реакторами), тем не менее в дальнейшем именно ею определена роль в качестве одного из базовых источников обеспечения устойчивого экономического роста страны. В 2010 г. для целей координации стратегии развития атомной энергетики в стране был создан Центр короля Абдуллы по ядерной и альтернативной энергетике (King Abdullah City for Atomic and Renewable Energy). Президент этого Центра Хашем ибн Абдалла Ямани во время председательства в 2017 г. делегации Королевства на 61-й сессии Генеральной конференции МАГАТЭ в Вене отметил, что в «Видении Королевства Саудовская Аравия-2030» рассматривается много направлений мирного использования атомной энергии, которые помогут государству и обществу развиваться в различных областях¹.

Первоначально (2011 г.) заявлялось о планах по строительству 16 атомных реакторов до 2030 г. на общую сумму более 100 млрд долл.² К настоящему времени известно о планах строительства двух АЭС мощностью 1,4 ГВт каждая и дальнейшем наращивании мощностей к 2040 г. до 17 ГВт³.

Известно, что заявки на строительство АЭС в Саудовской Аравии подали: китайская госкомпания China National Nuclear Corp. (CNNC), южнокорейская Korea Electric Power Corp. (Керсо), российская ГК «Росатом», французская Électricité de France (EDF) и американская Westinghouse.

С каждой из сторон Саудовская Аравия поддерживает тесный контакт. Сотрудничество между Россией и Саудовской Аравией в области развития атомной энергетики ведется с 2015 г., когда было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Саудовская Аравия о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях⁴, а в 2017 г. Центр короля Абдуллы по ядерной и альтернативной энергетике и ГК «Росатом» подписали «дорожную карту» о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии⁵. В 2019 г. в ходе 6-го заседания совместной межправительственной российско-саудовской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству министр энергетики Российской Федерации подтвердил намерение российской стороны развивать активное сотрудничество

¹ «Видение Королевства 2030» считает атомную энергию важным источником стабильности и устойчивого экономического роста Saudi Press Agency [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://www.spa.gov.sa/1667956> (дата обращения: 03.05.2024).

² Saudi plans to build 16 nuclear reactors by 2030 [Электронный ресурс] // Reuters. 2011. June. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSLDE75004Q/> (дата обращения: 02.01.2024).

³ Saudi Arabia reiterates plans for nuclear energy [Электронный ресурс] // World nuclear news. 2023. September. URL: <https://world-nuclear-news.org/Articles/Saudi-Arabia-reiterates-plans-for-nuclear-energy#:~:text=Saudi%20Arabia%20has%20established%20the,to%2017%20GWe%20by%202040> (дата обращения: 02.01.2024).

⁴ Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Королевства Саудовская Аравия о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2015. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/43869/ (дата обращения: 02.01.2024)

⁵ Россия и Саудовская Аравия подписали «дорожную карту» о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии [Электронный ресурс] // РИА. Росатом. 2017. URL: <https://www.rusatom-energy.ru/media/rosatom-news/rossiya-i-saudovskaya-araviya-podpisali-dorozhnyuyu-kartu-o-sotrudnichestve-v-sfere-mirnogo-ispolzova/> (дата обращения: 02.01.2024).

с Саудовской Аравией по проектам в сфере мирного использования ядерных технологий и объявил об открытии филиала АО «Росатом Оверсиз» в Эр-Рияде. В 2022 г. вице-премьер России А. Новак сообщил о том, что ГК «Росатом» направила документы для участия в конкурсе на строительство первой АЭС в Саудовской Аравии¹.

ГК «Росатом» является мировым лидером по числу сооружаемых энергоблоков, портфель компании за рубежом насчитывает более 35 блоков. Компания также имеет заметный опыт работы в регионе Ближнего Востока и Северной Африки с учетом климатических, географических и геологических условий региона. Безусловное преимущество российской госкорпорации заключается также в качестве и надежности используемых технологий (в том числе замкнутого ядерно-топливного цикла): так, при строительстве АЭС в Турции и Египте используется ядерный реактор VVER-1200 поколения 3+, отличающегося увеличенным сроком службы в 60 лет, возможностью более высокого уровня загрузки, улучшенными характеристиками и рядом дополнительных систем безопасности, препятствующих выходу радиоактивных веществ². Более того, ГК «Росатом» следует всем требованиям и рекомендациям МАГАТЭ в ядерной сфере, в том числе в части подготовки местного персонала: помимо полного технического сопровождения эксплуатации оборудования АЭС в течение длительного периода, уже на этапе строительства проходит полномасштабная работа по обучению местных специалистов, в том числе и в рамках стажировок на российских АЭС в целях получения ими практического опыта. В связи с этим также стоит отметить, что одной из характерных черт проектов ГК «Росатом» является референтность: так, для строящейся станции Аккую в Турции референтной АЭС в России является Воронежская, для проекта Эль-Дабаа в Египте — Ленинградская, что позволяет обеспечить высокий уровень уверенности заказчика в надежности проекта, оборудования и технологий. Необходимо отметить, что в каждой из арабских стран «Росатом» смог найти взаимно выгодную форму взаимодействия. Так, в проекте Аккую (Турция) ГК Росатом» выступает и в качестве строителя, и в качестве владельца АЭС, имея договорные условия о продаже электроэнергии турецкой стороне, с властями Египта у корпорации заключен ЕРС-контракт, в рамках которого ГК «Росатом» выступает подрядчиком, а Агентство по ядерной энергии Египта — заказчиком, на АЭС в ОАЭ ГК «Росатом» поставляет обогащенный урановый продукт. Так, гибкость ГК «Росатом» в обсуждении условий контракта также можно отнести к преимуществам сотрудничества с этой корпорацией для Саудовской Аравии, учитывая, что в 2022 г. Королевство подтвердило создание собственной компании-оператора Nuclear Holding Company, которая будет выступать в качестве разработчика ядерной энергии в стране.

Увеличению доли нефтягазовых доходов в ВВП страны в контексте планов Неом возможно достичь и посредством производства водорода [13, р. 14371–14374; 18, р. 1–40]. Запуск в КСА полноценного производства «зеленого» водорода запланирован к 2026 г.³

Эксперты отмечают потенциал производства как низкоуглеродного водорода, полученного из углеводородов, так и из безуглеродного водорода из воды методом электролиза с применением технологий возобновляемой энергетики [12, р. 1–13].

Производство водорода из углеводородов с использованием технологии улавливания, использования и хранения диоксида углерода (CCUS) представляет собой сложный технологический процесс, направленный на эффективное использование углеводородных ресурсов и одновременное снижение выбросов углерода в атмосферу.

Для производства водорода в Саудовской Аравии представляется перспективной технология парового риформинга метана (ПРМ) — наиболее зрелый на сегодняшний день промышленный процесс, на который приходится около 40% водорода, производимого в мире. Стоимость производства 1 кг водорода в мире составляет 1,0–2,2 долл. США.

¹ «Росатом» подал заявку на участие в конкурсе на строительство АЭС в Саудовской Аравии [Электронный ресурс] // Ведомости. 13.12.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2022/12/13/955038-rosatom-podal-zayavku-na-uchastie-v-konkurse-v-saudovskoi-aravii> (дата обращения: 02.01.2024).

² Modern Reactors of Russian Design [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosatom.ru/en/rosatom-group/engineering-and-construction/modern-reactors-of-russian-design/> (дата обращения: 03.05.2024).

³ NEOM Green Hydrogen company. 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://nghc.com/about/> (дата обращения: 03.05.2024).

В качестве альтернативы ПРМ может применяться, например, автотермический риформинг (АТР) — процесс получения синтез-газа методом частичного окисления метана кислородом и каталитического риформинга. Важное преимущество технологии заключается в производстве необходимого для процесса тепла непосредственно внутри реактора, вследствие чего оборудование не требует ни подвода, ни отвода тепловой энергии. Стоимость производства 1 кг водорода в мире составляет 1,5–2,5 долл. США.

Основными технологиями улавливания CO₂ могут быть химическая абсорбция, адсорбционное разделение, мембранное разделение и криогенное разделение.

Минимизация экологического воздействия возможна при производстве водорода из воды, сочетая электролиз с ВИЭ, такими как солнечная, ветро- и гидроэнергетика [14, р. 102517]. Принцип работы электролизеров основан на расщеплении молекулы воды под воздействием электрического поля в присутствии катализаторов. Стоимость производства водорода методом электролиза варьируется в широких пределах от 3 до 15 долл. США в зависимости от региона.

Одной из актуальных на сегодняшний день является технология получения водорода методом электролиза воды с использованием анион-проводящей матрицы, разработанной Госкорпорацией «Росатом». Матрица представляет собой неорганический волокнистый материал, а анионная проводимость достигается в результате внедрения катионов калия в процессе пропитки раствором щелочи.

Широкий диапазон производительности до 115% и возможность ее динамического изменения позволяют эффективно сочетать данные электролизеры с ВИЭ [15, р. 1577–1583]. В соответствии с программой «Видение-2030» наращивание мощностей ВИЭ и внедрение энергоэффективных технологий также является приоритетной задачей для Саудовской Аравии [11, р. 119602].

Как Саудовскую Аравию, так и Россию можно отнести к странам с высоким уровнем спроса на экологически чистый водород: ожидается, что к 2050 г. на Королевство будет приходиться около 5,5% общемирового спроса, на Россию — 7,8% [16, р. 2023]. Основываясь на текущем состоянии ВИЭ и рынка топлива, можно предположить, что для РФ наиболее перспективным направлением развития водородной отрасли может стать производство «голубого» водорода из ископаемого топлива, но с применением технологии улавливания углекислого газа. Это возможно, благодаря наличию больших запасов природного газа и значительному объему накопленного опыта по его добыче и экспорту, в том числе в форме СПГ. В силу наличия у Саудовской Аравии определенных климатических преимуществ, больших возможностей и намерений по внедрению ВИЭ в энергетический баланс, с большой долей вероятности, помимо «голубого», распространение получит производство и «зеленого» водорода. Более того, энергия ветра и солнечная энергия в настоящее время признаны наименее дорогостоящими новыми методами выработки электроэнергии, именно поэтому производство водорода с использованием этих типов ВИЭ будет экономически целесообразным вариантом [6]. В дополнение к многомиллиардным разработкам в восточной части Саудовской Аравии правительство, промышленность и предприниматели выделили более 900 млн долл. на водородные проекты по состоянию на 2020 г. [4].

Отдельно необходимо отметить, что в России сегодня имеется три компании-лидера, в числе которых Госкорпорация «Росатом», Правления ПАО «Газпром» и ПАО «Акционерная финансовая корпорация «Система», подписавшие соглашения о намерениях с Правительством РФ в целях развития высокотехнологического направления «Развитие водородной энергетики»¹.

Развитие водородной энергетики в Саудовской Аравии, несмотря на свою многообещающую перспективу, может столкнуться также с рядом технических и инфраструктурных проблем, требующих

¹ Госкорпорация «Росатом» взяла на себя обязательства по развитию водородной энергетики на основе технологий атомной отрасли, в том числе в рамках реализации соглашения реализуется НИОКР по созданию атомной энерготехнологической станции с высокотемпературными газоохлаждаемыми реакторами и химико-технологической частью, не имеющий аналогов в мире. Отработанные технологические решения создают предпосылки для формирования экологически чистого и коммерчески привлекательного масштабного производства водорода. «Газпром» ведет работы в области разработки технологий получения водорода на основе природного газа. Так, организацией разработан демонстрационный образец мобильного плазменного генератора водорода, а также производится апробация технологии утилизации CO₂ с последующей переработкой в синтетическое топливо. Акционерной финансовой корпорацией «Система» ведутся активные работы в сфере разработки технологий получения низкоуглеродного водорода методом электролиза, а также и декарбонизации промышленности и транспорта. Разработанное компанией электросудно на водородных топливных элементах успешно прошло испытания на воде, а беспилотное воздушное судно на водородных топливных элементах взлетной массой 18 кг уже протестировано в воздухе.

интегрированных решений, в том числе в рамках международного сотрудничества. Последнее все более становится зависимым от политической конъюнктуры в регионе, от развивающейся «холодной торговой войны» крепнущего противостояния между КСА и ИРИ, несмотря на ранее подписанный мир, со стороны китайского гаранта стабильности в регионе, за лидерство в мусульманском развитии.

Помимо ключевых технических вопросов, связанных с необходимостью дальнейшего совершенствования технологий электролиза, оптимизацией оборудования и снижением затрат на производство, принципиально важным является необходимость в развертывании инфраструктуры для хранения и транспортировки водорода. Эффективная сеть трубопроводов имеет критическое значение для обеспечения надежной поставки водорода в различные регионы страны, в решениях дальнейшей логистики доступа к потребителям. В этой связи открываются перспективы двустороннего сотрудничества с Россией как в части технологической кооперации, так и в области создания образовательных программ и квалификационных курсов для подготовки специалистов в сфере водородной технологии.

Следует выделить дополнительные механизмы и направления, призванные обеспечить сотрудничество в сфере энергетики между Россией и Саудовской Аравией:

- прежде всего, давая оценку заинтересованности России в отношении энергетического взаимодействия с рассматриваемой арабской страной, следует отметить возможность внесения весомого инвестиционного вклада КСА в российский топливно-энергетический комплекс. Так, в марте 2022 г. стало известно, что инвестиционная компания Kingdom Holding Co., владельцем которой является принц Аль-Валид, инвестировала в ценные бумаги ПАО «НК «Роснефть» (на 52 млн долл.), ПАО «Газпром» (365 млн долл.) и ПАО «Лукойл» (109 млн долл.). В то же время сегодня российские энергетические компании также играют роль международных инвесторов для запуска совместных проектов (свои проекты в КСА реализуют ОАО «Лукойл Оверсиз», ОАО «Стройтрансгаз», ЗАО «Глобалстрой — Инжиниринг» и другие);
- кроме того, после заключения сделки «ОПЕК+» определилось направление по приведению к балансу и поддержанию предсказуемой стабильности цен на мировом нефтяном рынке. Достигнутое равновесие спроса и предложения в рамках «ОПЕК+» продемонстрировало эффективность российско-саудовского тандема;
- вдобавок одним из перспективных направлений двусторонней энергетической кооперации России и Саудовской Аравии является научное сотрудничество. Так, по мнению К. А. Дмитриева, генерального директора Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ), компания Saudi Agamco и МГУ им. М. В. Ломоносова имеют планы по созданию совместного Центра исследований в области нефти, задачей которого станет усовершенствование методов изучения месторождений, сбора и анализа данных, очень важных для обеих наших стран⁶{Россия — Саудовская Аравия: вместе в новое будущее [Электронный ресурс]. URL: <https://russarabbc.ru/upload/iblock/b23/b2313a6cb0659a87ac08968d1cbfdec2.pdf> (дата обращения: 03.05.2024)}. Сюда же следует отнести инициативу создания Российско-Саудовского института энергетического сотрудничества на основе подписанного в Эр-Рияде в рамках визита Владимира Путина в КСА 14.10.2019 Меморандума между МГИМО, МИЭП и Университетом нефти и полезных ископаемых им. Короля Фахда.

Однако вместе с перспективами совместного энергетического развития существуют и потенциальные риски, заложенные в синергии двусторонней кооперации, основанной на скоординированном энергообеспечении стран-потребителей. Во-первых, обе страны могут столкнуться с изменениями в мировой экономической конъюнктуре, так как цены на нефть и газ могут быть весьма непредсказуемыми в условиях, когда энергопереход принимает более уверенное развитие. Во-вторых, геополитические факторы могут также оказать влияние на двустороннее сотрудничество, например, в случае внешних односторонних ограничений, направленных против России, или конфликтов на Ближнем Востоке возможны некоторые негативные тренды в области координирования цен и в работе с потребителями энергоресурсов. В-третьих, любые государства в погоне за лидерством в водородной гегемонии могут предвзято оценить возникающие риски отсутствия монопольного влияния на рынки атомной и водородной энергетики.

Заключение

Энергетический диалог между Россией и Саудовской Аравией обладает значительным потенциалом для дальнейшего углубления и расширения. На основе проведенного анализа сформированы следующие рекомендации.

1. На уровне правительств России и Саудовской Аравии целесообразно продолжать укреплять достигнутый уровень взаимопонимания в рамках договоренностей между странами в рамках ОПЕК, ОПЕК+ и другими ведущими производителями, не входящими в состав организаций, по вопросам регулирования предложения на нефтяных рынках, а также по вопросам достижения справедливого ценообразования и недопущения дискриминации отдельных видов топлива.
2. На уровне двусторонних отношений: российским энергетическим компаниям рекомендуется продолжать активную реализацию совместно с Саудовской Аравией в рамках действующих проектов в нефтегазовой, нефтехимической, в области атомной энергетики и альтернативной энергетики.
3. Важным является содействие инвестициям в технологии энергоперехода через создание благоприятных условий для привлечения инвесторов из обеих стран. В том числе посредством обмена опытом по успешным бизнес-моделям, оптимизации цепочек поставок, разработке продуктов и международной коммерциализации и т. д.
4. Отдельный акцент необходимо сделать на установлении технологического партнерства для обмена передовыми инновациями в области низкоуглеродного и безуглеродного водорода, с акцентом на оптимизацию и повышение эффективности процессов производства, хранения, транспортировки и применения водорода.
5. Перспективным считается рассмотрение возможности создания совместных научно-исследовательских центров по разработке и внедрению технологий в области добычи нефти и газа, нефтесервиса и транспортировки углеводородов и новых климатически нейтральных технологий, включая совместные энергетические проекты по строительству современных солнечных электростанций и ветроэнергетических установок.
6. Целесообразно консолидировать усилия для совместной подготовки профильных технических специалистов посредством организации программ студенческих обменов, унификации стандартов образовательных программ, создания общих учебных платформ и др.
7. Приветствуется экологическое и общественное партнерство для объединения усилий в области разработки и внедрения экологически устойчивых практик, а также партнерства в социальных программах, направленных на обучение и поддержку местных сообществ.
8. На регулярной основе предлагается проводить совместные мероприятия (конференций, семинаров и т. д.) с целью выявления новых направлений взаимодействия в сфере ТЭК с участием представителей правительств, академических и бизнес-сообществ.

Таким образом, поддержка и содействие правительств Российской Федерации и Саудовской Аравии в области ТЭК является важным инструментом для достижения стратегических целей двух стран в сфере энергетики, науки и технологий.

Литература / References

1. Звягельская И. Д., Сурков Н. Ю. Ближний Восток // *Мировая политика : Практикум*. М. : Аспект Пресс, 2023. С. 410–438. (Zvyagelskaya I. D., Surkov N. Yu. Middle East // *World Politics : Workshop*. Moscow : Aspect Press Publishing House, 2023. P. 410–438 (In Russ.) ISBN: 978-5-7567-1278-0. EDN: TCMWHP)
2. Федорченко А. В. Россия — Саудовская Аравия: состоится ли партнерство? // *Политические исследования*, 2019. № 6. С. 177–188. (Fedorchenko A. V. Russia — Saudi Arabia: Will Partnership Take Place? // *Policy. Political Studies*. 2019. No. 6. P. 177–188 (In Russ.)) EDN: RZDSZR. DOI: 10.17976/jpps/2019.06.14
3. Федорченко А. В. Экономические реформы в Саудовской Аравии: концепция, первые итоги и перспективы // *Арабский Восток в поиске оптимальных социально-экономических решений: коллек-*

- тивная монография / Ин-т востоковедения РАН, Центр араб. и ислам. исслед.; отв. ред. А. О. Филоник. М. : ИВ РАН. 2022. С. 54–78. (Fedorchenko A. V. Economic Reforms in Saudi Arabia: Concept, First Results and Prospects // Arab East in Search of Optimal Socio-Economic Solutions : collective monograph / Institute of Oriental Studies of RAS, Center Arab. and Islam. Research / ed. by A. O. Filonik. Moscow : IV RAS, 2022. P. 54–78 (In Russ.)). EDN: OILZXC
4. *Abdulhaffar N. A., Akkad G. S.* Internal and External Barriers to Entrepreneurship in Saudi Arabia // Digest of Middle East Studies. 2021. No. 30(2). P. 116–134. DOI: 10.1111/dome.12231
 5. *Ali A.* Transforming Saudi Arabia's Energy Landscape towards a Sustainable Future: Progress of Solar Photovoltaic Energy Deployment. Sustainability. 2023. No. 15. P. 8420. DOI: 10.3390/su15108420
 6. *Al-Ttowi A., Didane D. H., Abdullah M. K., Manshoor B.* Wind and Solar Resources Assessment Techniques for Wind-Solar Map Development in Jeddah, Saudi Arabia // Journal of Advanced Research in Fluid Mechanics and Thermal Sciences. 2022. Vol. 96. No. 1. P. 11–24. DOI: 10.37934/arfmts.96.1.1124
 7. *Al-Badi A., Al-Mubarak I.* Growing Energy Demand in the GCC Countries // Arab Journal of Basic and Applied Sciences. 2019. No. 26 (1). P. 488–496. DOI: 10.1080/25765299.2019.1687396
 8. *Al-Saidi M.* From Economic to Extrinsic Values of Sustainable Energy: Prestige. In: Neo-rentierism, and Geopolitics of the Energy Transition in the Arabian Peninsula // Energies. 2020. URL: <https://www.mdpi.com/1996-1073/13/21/5545>
 9. *Al-Saidi M.* Energy Transition in Saudi Arabia: Giant Leap or Necessary Adjustment for a Large Carbon Economy? // The 8th International Conference on Energy and Environment Research ICEER 2021, 13–17 September. 2022. DOI: 10.1016/j.egy.2022.01.015
 10. *Al Zohbi G., AlAmri F. G.* Current Situation of Renewable Energy in Saudi Arabia: Opportunities and Challenges // Journal of Sustainable Development. 2020. Vol. 13. No. 2. DOI: 10.5539/jsd.v13n2p98
 11. *Amran Y. A., Amran Y. M., Alyousef R., Alabduljabbar H.* Renewable and Sustainable Energy Production in Saudi Arabia According to Saudi Vision 2030; Current Status and Future Prospects // Journal of Cleaner Production. 2019. No. 247. P. 119602. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.119602
 12. *Aziz G., Sarwar S., Khan M. S., Waheed R.* The Prospect of Green Hydrogen in Saudi Arabia: An Overview of Theoretical and Empirical Approach // Environmental Science and Pollution Research. 2023. P. 1–13. DOI: 10.1007/s11356-023-31301-1
 13. *Boretti A.* Hydrogen Key Technology to Cover the Energy Storage Needs of NEOM City // International Journal of Hydrogen Energy. 2022. Vol. 47. No. 31. P. 14371–14374. DOI: 10.1016/j.ijhydene.2022.02.240
 14. *Galitskaya E., Zhdanev O.* Development of Electrolysis Technologies for Hydrogen Production: A Case Study of Green Steel Manufacturing in the Russian Federation // Environmental Technology & Innovation. 2022. Vol. 27. P. 102517. DOI: 10.1016/j.eti.2022.102517
 15. *Galitskaya E., Khakimov R., Moskvina A., Zhdanev O.* Towards a New Perspective on the Efficiency of Water Electrolysis with Anion-Conducting Matrix // International Journal of Hydrogen Energy. 2024. Vol. 49. Part A. P. 1577–1583. DOI: 10.1016/j.ijhydene.2023.10.339.
 16. *Dawood Hjejj, Yusuf Bicer, Mohammed bin Saleh Al-Sada, Muammer Koç.* Hydrogen Export Competitiveness Index for a Sustainable Hydrogen Economy // Energy Reports. 2023. Vol. 9. P. 5843–5856. DOI: 10.1016/j.egy.2023.05.024
 17. *Fattouh B., Poudineh R., West R.* The Rise of Renewables and Energy Transition: What Adaptation Strategy Exists for Oil Companies and Oil-Exporting Countries? // Energy Transit. 2019. No. 3. P. 45–58. DOI: 10.1007/s41825-019-00013-x
 18. *Hasan S., Shabaneh R.* The Economics and Resource Potential of Hydrogen Production in Saudi Arabia // KAPSARC: Riyadh, Saudi Arabia. 2021. P. 40. DOI: 10.30573/KS--2021-DP24
 19. *Radwan A. Almasri, Rizwan Akram, A. F. Almarshoud [et all.].* Evaluation of the Total Exergy and Energy Consumptions in Residential Sector in Qassim Region, Saudi Arabia // Alexandria Engineering Journal. 2023. Vol. 62. P. 455–473. DOI: 10.1016/j.aej.2022.07.041
 20. *Tagliapietra S.* The Impact of the Global Energy Transition on MENA Oil and Gas Producers // Energy Strategy Rev. 2019. DOI: 10.1016/j.esr.2019.100397

Об авторах:

Серегина Антонина Александровна, доцент кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России (Москва, Российская Федерация), кандидат политических наук;
e-mail: a.seregina@dipacademy.ru

Галицкая Елена Александровна, руководитель проекта АО «Центр эксплуатационных услуг Министерства энергетики Российской Федерации ЦЭУ» (Москва, Российская Федерация), кандидат физико-математических наук;

e-mail: galitskaya@rosenergo.gov.ru

About the authors:

Antonina A. Seregina, Associate Professor at Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation), PhD in Political Sciences;
e-mail: a.seregina@dipacademy.ru

Elena A. Galitskaya, Project Manager at JSC “CEU”, Advisor to the General Director of the Center for Hydrogen Technologies of Sistema JSFC (Moscow, Russian Federation), PhD in of Physics and Mathematics;
e-mail: galitskaya@rosenergo.gov.ru

Деятельность Китая и Индии в работе Арктического совета: сравнительный анализ¹

Веселова Д. Н.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6674-0357

РЕФЕРАТ

Цель и задачи. Исследование участия Китая и Индии в работе Арктического совета (далее — Совет, АС) посредством рассмотрения трех критериев и сравнение на основе данных показателей деятельности двух стран в работе Совета.

Методы. Системный подход, анализ документов, сравнительный анализ, обобщение и синтез.

Результаты. В статье были сформулированы три критерия: число делегатов, направленных Китаем и Индией на Заседания старших должностных лиц Арктического совета (далее — СДЛ АС); количество проектов, в которых обе страны принимают участие в рамках деятельности рабочих групп Совета; содержание указанных проектов и их распределение по группам Совета. Для выделения показателей были изучены списки участников Заседаний СДЛ АС и отчеты Пекина и Дели, предоставленные ими в рассматриваемый институт. На основе рассмотрения данных показателей был проведен сравнительный анализ участия Китая и Индии в работе Арктического совета.

Выводы. Китай представлен на Заседаниях СДЛ АС большим числом делегатов (2), чем Индия (1–2 в зависимости от заседания). Наибольшее количество проектов Китай реализовал в 2021–2023, Индия — в 2019–2021 гг. С каждым периодом КНР увеличивает свое присутствие в деятельности рабочих групп Совета. Количество проектов, в которых Индия участвует, колеблется от периода к периоду. Китай принял участие за период 2013–2023 гг. в 63 проектах, а Индия — в 62 (данное число для Индии не является точным). Обе страны заостряют свое внимание на проектах, реализуемых в рамках ПАМЕ, КАФФ и АМАП, что связано с проводимой экологической, климатической и энергетической политикой государств. Однако в проектах группы ЕППР Индия не принимает участие, что является упущением. В целом Китай в большей степени, чем Индия, участвует в работе АС, а значит, действительно реализует экологическую политику в Арктике.

Ключевые слова: Арктика, изменение климата, Арктический совет, рабочие группы, страна-наблюдатель, экологическая политика

Для цитирования: Веселова Д. Н. Деятельность Китая и Индии в работе Арктического совета: сравнительный анализ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 4. С. 142–153.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-142-153>. EDN: UZZMSG

The China and India's Activities in the Arctic Council: A Comparative Analysis

Darya N. Veselova

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6674-0357

¹ Статья подготовлена в рамках проекта № 116233367, поддержанного Санкт-Петербургским государственным университетом (The article was prepared within the framework of project No. 116233367, supported by Saint Petersburg State University).

ABSTRACT

Aim and tasks. To examine the participation of China and India in the work of the Arctic Council by considering 3 criteria and compare the performance of 2 countries in the work of the Council based on these indicators.

Methods. Structural-analytical approach, document analysis, comparative analysis, generalization and synthesis.

Results. There are formulated 3 criteria in the article: the number of delegates sent by China and India to the meetings of the Senior Arctic Officials of the Arctic Council (SAO AC); the number of projects in which both countries participate within the framework of the Council's working groups; the content of these projects and their distribution among the Council's groups. The lists of participants in the meetings of the SAO AC and the reports Beijing and Delhi submitted to the institution in question were studied to identify the indicators. Based on the consideration of these indicators, a comparative analysis of the participation of China and India in the work of the Arctic Council was conducted.

Conclusions. China is represented at SAO AC meetings by more delegates (2) than India (1–2 depending on the meeting). China implemented the largest number of projects in 2021–2023, India in 2019–2021. China increases its presence in the activities of the Council's working groups with each period. The number of projects in which India participates jumps from period to period. China participated in 63 projects during the period 2013–2023, while India participated in 62 (this figure for India is not exact). Both countries focus on projects implemented within the framework of PAME, CAFF and AMAP, which is related to the environmental, climate and energy policies of the states. However, India does not participate in the projects of the EPPR group, which is an omission. Overall, China participates in the AC to a greater extent than India, and thus actually implements environmental policies in the Arctic.
Keywords: Arctic, climate change, Arctic Council, working groups, observer country, environmental policy

For citation: Veselova D. N. The China and India's Activities in the Arctic Council: A Comparative Analysis // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 4. P. 142–153. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-142-153>. EDN: UZZMSG

Введение

Арктический регион является кладовой запасов многих видов полезных ископаемых. Вдоль берегов Северного Ледовитого океана протянулась магистраль одного из альтернативных маршрутов перевозки грузов из Азии в Европу и обратно. Арктика является домом для многих видов уникальных представителей флоры и фауны планеты.

Ключевой организацией, деятельность которой связана с сохранением и защитой окружающей природной среды региона, является Арктический совет. Работа института реализуется в рамках деятельности шести рабочих групп (далее — РГ): по устранению загрязнения в Арктике (АКАП), по реализации Программы арктического мониторинга и оценки (АМАП), по сохранению арктической флоры и фауны (КАФФ), по предупреждению, готовности и ликвидации чрезвычайных ситуаций (ЕППР), по защите арктической морской среды (ПАМЕ) и по устойчивому развитию (СДВГ) [2, с. 312; 3, с. 50]. Членами данной организации являются приарктические государства. Свой вклад в работу Совета вносят и наблюдатели. В 2013 г. такой статус приобрели Китай и Индия.

Оба государства являются лидерами по многим показателем. По уровню потребления энергии Китай стоит на первом месте, Индия — на третьем. Тройкой лидеров по эмиссии парниковых газов являются Китай, США и Индия. В 2016 г. страны присоединилась к Парижскому соглашению по климату. Для исполнения международного обязательства Китай и Индия должны перейти с использования угля при выработке энергии на более экологичные источники [1, с. 141]. В 2020 г. глава КНР заявил мировому сообществу о планах достичь полной углеродной нейтральности к 2060 г. Индия на саммите по климату COP26 в Глазго в 2022 г. сообщила о цели достичь нулевого уровня по выбросам парниковых газов

к 2070 г.¹ Таким образом, оба государства имеют ощутимый вес на международной арене и их действия могут принести весомый вклад по борьбе с экологическими проблемами и климатическими изменениями, в том числе в Арктическом регионе.

В 2018 г. Китай опубликовал Белую книгу «Арктическая политика Китая» (далее — Белая книга). Пекин в документе акцентирует внимание на вопросе изменения климата в Арктике², т. к. является прибрежным государством, и последствия изменений могут отрицательно сказаться на всех сферах деятельности Китая. Также Китай обязуется защищать уникальную природную среду Арктики³.

Индия в 2022 г. приняла стратегический документ «Арктическая политика Индии: построение партнерства для устойчивого развития» (далее — Арктическая политика) [1, с. 139]. В нем Дели определил четыре национальных интереса, в том числе экологический, и шесть направлений деятельности в регионе, среди которых наука и исследования, изменение климата и защита окружающей среды⁴.

Таким образом, обе страны в своих ключевых политических документах по арктической политике обращают внимание на экологию региона и происходящие изменения климата и планируют заниматься исследованиями в данной области. Страны являются наблюдателями в Арктическом совете и конкурентами на международной арене, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В этой связи представляется интересным сравнить деятельность, которую они осуществляют в рамках РГ АС, и таким образом определить роль данных государств при решении экологических проблем Арктики.

Цель исследования

Целью исследования является рассмотрение участия Китая и Индии в работе Арктического совета посредством выделения и изучения трех показателей: числа делегатов, направляемых Дели и Пекином для участия в Заседаниях СДЛ АС; числа экологических проектов, реализуемых в рабочих группах АС, в которых страны принимают непосредственное участие; наименования и содержания указанных проектов и их распределения по рабочим группам Совета [3, с. 47–48], а также сравнение деятельности двух стран по данным критериям.

Вопрос участия Китая и Индии в АС остается до конца не изученным. Среди российских исследователей, которые рассматривали деятельность Китая в работе АС, следует выделить И.А. Гулиева, Э.Т. Мехдиева [5, с. 287–296]. С.С. Туинова, К. Бакстер [13, р. 189–200] касались вопроса роли Индии в АС. Н.А. Григорьев [4, с. 121–133], В.И. Салыгин, А.О. Хубаева [8, с. 1216–1226] рассматривали взаимодействие азиатских стран с АС. Зарубежными учеными, занимавшимися изучением вопроса участия КНР в работе АС, являются Zh. Long [10, р. 127–138], А.И. Дикарев, Л.Б. Шостак [6, с. 7–18], М. Puranen, S. Kopra [11, р. 239–253]. Деятельность Индии в АС косвенным образом рассматривали М. Singh⁵, N. Agarwala⁶, U. Sinha [12, р. 113–126]. Ц. Хуа [9, с. 156–171] анализировал деятельность Индии в работе Совета.

Методы и методология

Автором был использован системный подход, анализ документов и сравнительный анализ. Так, автор анализирует отчеты Китая и Индии, которые они направили в АС в качестве наблюдателя, а также списки участников Заседаний СДЛ АС. Сравняется число делегатов, направленных на заседания АС

¹ Индия станет углеродно-нейтральной к 2070 г. [Электронный ресурс] // Глобальная энергия: ассоциация: офиц. сайт. 09.11.2021. URL: <https://globalenergyprize.org/ru/2021/11/09/indiya-stanet-uglerodno-nejtralnoj-k-2070-godu/> (дата обращения: 01.10.2024).

² China's Arctic Policy [Электронный ресурс]: The State Council the People's Republic of China: English.Gov.CN. 2018. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (дата обращения: 01.10.2024).

³ Там же.

⁴ India and the Arctic: Building a Partnership for Sustainable Development, 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022-03/compressed-SINGLE-PAGE-ENGLISH.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).

⁵ Singh M. India in the Arctic: Legal Framework and Sustainable Approach [Electronic resource] // The Arctic Institute. 2024. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/india-arctic-legal-framework-sustainable-approach/> (accessed: 01.10.2024).

⁶ Agarwala N. India and the Arctic: Evolving Engagements [Electronic resource] // Research Gate. 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/369176607_India_and_the_Arctic_Evolving_Engagements (accessed: 01.10.2024).

странами-наблюдателями, а также индийское и китайское участие в работе АС. Кроме того, были использованы общенаучные методы: обобщение и синтез.

Результаты исследования

Для сравнения участия Китая и Индии в работе Совета были проанализированы списки участников Заседаний СДЛ АС, начиная с заседания, проходившего 22–23.10.2013 в Уайтхорсе, Канада, т. е. первого заседания после получения государствами статуса наблюдателя, до заседания, проходившего 01–02.12.2021 в Салехарде, Россия. С марта 2022 г. Заседания СДЛ АС не проводились, списки участников на официальном сайте АС отсутствуют. С момента начала специальной военной операции на Украине страны — участники АС приостановили взаимодействие с Россией, и в целом уже после передачи председательства от РФ к Норвегии в мае 2023 г. деятельность данной организации полномасштабно не возобновилась. В феврале 2024 г. Москва заявила о приостановлении ежегодных выплат АС¹. Последствия такого решения России негативно скажутся на всей работе организации, т. к. РФ предоставляла финансирование АС в крупном размере [2, с. 312; 3, с. 50]. Также были изучены отчеты Китая и Индии, предоставленные АС странами-наблюдателями. На сайте АС имеются четыре отчета КНР и четыре отчета Индии: за 2017, 2019., 2021, 2023.

На основе проанализированных документов были выделены три критерия, на основе которых можно оценить степень участия государств в работе Совета: число делегатов, направленных странами для участия в Заседаниях СДЛ АС; количество проектов, осуществляемых в рамках определенной РГ АС, в которых Индия и КНР принимают участие; наименование и содержание экологических проектов в Арктическом регионе, реализуемых странами [3, с. 47–48], и распределение их по РГ АС. Данные показатели необходимы для сравнительного анализа участия стран в работе АС.

1. Количество делегатов, направленных Китаем и Индией для участия в Заседаниях СДЛ АС

В мае 2013 г. приобрели статус наблюдателя АС такие страны, как Китай, Индия, Япония, Республика Корея, Сингапур и Италия. В табл. 1 представлены данные о количестве участников делегаций данных стран, которые принимали участие в Заседаниях СДЛ АС.

Таблица 1

Количество делегатов, направленных Китаем, Индией, Японией, Республикой Кореей, Сингапуром и Италией для участия в заседаниях СДЛ АС²

Table 1. The number of delegates sent by China, India, Japan, the Republic of Korea, Singapore and Italy to participate in SAO AC Meetings

Место проведения заседания	Даты заседаний	Число представителей					
		Китай	Индия	Япония	Республика Корея	Сингапур	Италия
Уайтхорс, Канада	22–23.10.2013	2	1	2	3	3	1
Йеллоунайф, Канада	26–27.03.2014	2	2	2	2	2	1
Йеллоунайф, Канада	22–23.10.2014	2	1	2	2	2	2
Уайтхорс, Канада	04–05.03.2015	–	–	–	–	–	–
Анкоридж, США	21–22.10.2015	2	2	2	2	2	0
Фэрбенкс, США	16–17.03.2016	2	1	2	2	2	2
Портленд, Мэн, США	05–06.10.2016	2	0	2	2	2	1
Джуно, Алабама, США	08–09.03.2017	2	1	2	2	2	1
Оулу, Финляндия	25–26.10.2017	2	1	2	2	2	1
Леви, Финляндия	22–23.03.2018	2	1	2	2	2	1

¹ Россия приостановила выплату ежегодных взносов в Арктический совет [Электронный ресурс] // РИА Новости: офиц. сайт. 14.02.2024. URL: <https://ria.ru/20240214/vyplata-1927224969.html> (дата обращения: 01.10.2024).

² Составлено автором на основе сведений, опубликованных в participant lists from the meetings held for 2013–2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://arctic-council.org/ru/> (дата обращения: 01.10.2024).

Место проведения заседания	Даты заседаний	Число представителей					
		Китай	Индия	Япония	Республика Корея	Сингапур	Италия
Рованиеми, Финляндия	30.10–02.11.2018	2	1	2	2	2	1
Рука, Финляндия	13–14.03.2019	2	2	1	2	2	1
Хверагерди, Исландия	19–21.11.2019	–	–	–	–	–	–
виртуальное	17–19.11.2020	2	2	2	2	4	1
виртуальное	16–18.03.2021	2	2	2	2	3	1
Салехард, Россия	01–02.12.2021	1	2	2	2	3	3

Всего за период с октября 2013 по декабрь 2021 г. включительно было проведено 16 заседаний. Делегаты из Индии присутствовали на 13 из них, представители Китая — на четырнадцати. Список участников отсутствует с двух заседаний: Уайтхорс, Канада, 2015 г., и Хверагерди, Исландия, 2019 г. На шесть заседаний из тринадцати Дели направил одного делегата, на семь — двух представителей. То есть Индию в Совете представляет делегация, состоящая из одного-двух человек. Китай представлен двумя делегатами, за исключением последнего заседания. Среднее число делегатов из других стран составляет два человека.

Таким образом, КНР направляет такое же число делегатов, что и иные азиатские государства, получившие статус наблюдателя в АС, а значит, в рамках проведения экологической политики в Арктике не отстает от иных азиатских стран. Индия направляет в среднем меньшее число представителей, чем иные азиатские государства, что может говорить о несформированности в полной мере арктической политики [1, с. 141] как в целом, так и в области охраны окружающей среды в Арктике. К подобным выводам пришел в своем исследовании Ц. Хуа [9, с. 166].

2. Количество экологических проектов, реализуемых в рамках деятельности РГ АС, в которых Китай принимает участие

Из данных табл. 2 можно вывести два из трех рассматриваемых критериев.

С каждым периодом наблюдается рост числа проектов, в которых КНР принимает участие. В период 2021–2023 гг. наблюдается максимальное число проектов — двадцать восемь. 2023–2025 гг. — будущий период, данные за который взяты из Отчета за 2023 г., из раздела, отражающего планы на ближайшие два года.

Большой рост с восемью реализуемых проектов до девятнадцати произошел в 2019–2021 гг., после принятия Китаем Белой книги и началом реализации закрепленных мероприятий. Участие в 2021–2023 гг. в исполнении 28 проектов связано с заявлением главы КНР о планах по достижению углеродной нейтральности к 2060 г., т. к. рост наблюдается в проектах АМАП, связанных с климатом, ЕППР, направленных на исследование экологических рисков при использовании в Арктике малосернистой нефти, и СДВГ, относящихся к возобновляемой энергетике.

3. Количество экологических проектов, реализуемых в рамках деятельности рабочих групп АС, в которых Индия принимает участие

Из данных табл. 3 можно вывести два из трех рассматриваемых критериев.

Максимальное количество проектов составляет 21 за период 2019–2021 гг. Данное обстоятельство коррелирует с тем, что в 2018 г. Национальный центр антарктических и океанических исследований (NCAOR) был переименован на Национальный центр полярных и океанических исследований (NCPOR) [1, с. 140; 7, с. 266]. В 2021–2023 гг. наблюдается уменьшение участие до десяти проектов, что связано с отсутствием у страны до марта 2022 г. документа, регламентирующего деятельность Индии в Арктике, а также с временным приостановлением деятельности в рамках РГ после февраля 2022 г.¹ 2023–2025 гг. является будущим периодом, данные для которого взяты из отчета за 2023 г.

¹ Непрошенный Арктический совет [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: офиц. сайт. 30.03.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6608031> (дата обращения: 01.10.2024).

Таблица 2

Количество и наименование проектов, реализуемых в рамках деятельности рабочих групп АС, в которых Китай принимает участие¹

Table 2. The number and name of projects of Working Groups of AC in which China participates

Год	АКАП	АМАП	КАФФ	ЕППР	ПАМЕ	СДВГ
2023–2025	Программа мониторинга циркулярного биоразнообразия. Экспертная группа по черному углероду и метану	План мониторинга арктического морского микропластика и мусора. Мониторинг и оценка изменения климата и закисления океана в Арктике. Загрязнение воздуха с упором на кратковременные факторы изменения климата	Инициатива по перелетным птицам Арктики. Действия по сохранению арктического биоразнообразия	Межлабораторное исследование по оценке экологических рисков малосернистой нефти в Арктике. Новые виды топлива с низким содержанием серы: предназначение и поведение в условиях холодной воды	Региональный план действий по морскому мусору и микропластику. Межлабораторное исследование по оценке экологических рисков малосернистой нефти в Арктике. Новые виды топлива с низким содержанием серы: предназначение и поведение в условиях холодной воды	Нулевая Арктика. Рамочная программа действий по обеспечению устойчивости Арктики. Рамочная программа арктической биобезопасности
Число проектов	2	3	2	2	3	3
Всего: 15						
2021–2023	Рамочная программа действия по выбросам черного углерода и метана. Обращение с твердыми отходами в Арктике. Программа мониторинга циркулярного биоразнообразия	Загрязнение воздуха с упором на кратковременные факторы изменения климата. Стойкие органические загрязнители изменение климата. Программа комплексного мониторинга пластмасс в морской среде. План мониторинга арктического морского микропластика и мусора. Мониторинг и оценка изменения климата и закисления океана в Арктике	Инициатива по перелетным птицам Арктики. Действия по сохранению арктического биоразнообразия. План мониторинга арктического прибрежного биоразнообразия на 2018–2021. План мониторинга арктического морского биоразнообразия на 2018–2021. Программа по воздействию пластика на морских птиц	Новые виды топлива с низким содержанием серы: предназначение и поведение в условиях холодной воды. Проект межлабораторного сравнения трех судовых мазутов с низким содержанием серы. Межлабораторное исследование по оценке экологических рисков малосернистой нефти в Арктике	Новые виды топлива с низким содержанием серы: предназначение и поведение в условиях холодной воды. Региональный план действий по борьбе с морским мусором в Арктике, этап I (2017–2019). Региональный план действий по морскому мусору и микропластику, этап II (2019–2022). Межлабораторное исследование по оценке экологических рисков малосернистой нефти в Арктике, этап III (2020–2022). Отчет о практике очистки сточных вод в Арктике. Отчет о соблюдении Китаем Полярного кодекса. Отчет о межлабораторных сравнениях трех видов судового топлива с низким содержанием серы. Отчет о практике очистки сточных вод в Арктике	Применение и демонстрация арктической водородной энергетики. Нулевая Арктика. Рамочная программа действий по обеспечению устойчивости Арктики. Рамочная программа арктической биобезопасности
Число проектов	3	5	5	3	8	4
Всего: 28						

¹ Составлено автором на основе сведений, опубликованных в: Observer Activities report of PRC, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/1e87b8d7-d746-4350-b349-85e19ced9b5/content>; Observer Review report of PRC, 2019. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/9a0755f2-bc1a-4f04-8a21-11bee7306ef/content>; Observer report of PRC, 2021. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/bfbc67b9-0cf8-4a5a-a304-69091591e58b/content>; Observer report of PRC, 2023. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/9901dfc3-33dc-4727-b469-6a79f52c21e/content> (дата обращения: 01.10.2024).

АКАП — РГ по устранению загрязнения в Арктике; АМАП — РГ по реализации Программы арктического мониторинга и оценки; КАФФ — РГ по сохранению арктической флоры и фауны; ЕППР — РГ по предупреждению, готовности и ликвидации чрезвычайных ситуаций; ПАМЕ — РГ по защите арктической морской среды; СДВГ — РГ по устойчивому развитию.

Год	АКАП	АМАП	КАФФ	ЕППР	ПАМЕ	СДВГ
2019–2021	Рамочная программа действия по выбросам черного углерода и метана. Обращение с твердыми отходами в Арктике	Загрязнение воздуха с упором на кратковременные факторы изменения климата. Стойкие органические загрязнители и изменение климата. Программа комплексного мониторинга пластмасс в морской среде	Инициатива по перелетным птицам Арктики. Действия по сохранению арктического биоразнообразия. Программа по изучению воздействия пластика на морских птиц	Новые виды топлива с низким содержанием серы: предназначение и поведение в условиях холодной воды	Новые виды топлива с низким содержанием серы: предназначение и поведение в условиях холодной воды. Загрязнения морской среды и микропластик. Морские охраняемые территории. Арктические инвазивные виды. Арктическое судоходство. Исследование морских ресурсов Арктики. Управление экосистемами. Региональный план действий по борьбе с морским мусором и микропластиком	Применение и демонстрация арктической водородной энергетики. Нулевая Арктика
Число проектов	2	3	3	1	8	2
Всего: 19						
2017–2019	Рамочная программа действия по выбросам черного углерода и метана. Долгосрочный мониторинг и исследования в отношении стойких органических загрязнителей в Арктике	Загрязнение воздуха с упором на кратковременные факторы изменения климата. Действия по адаптации к меняющейся Арктике. Исследования воздействия изменения климата на Арктику, в частности влияния арктического диполя на арктический морской лед	Инициатива по перелетным птицам Арктики. Действия по сохранению арктического биоразнообразия		Исследования пространственного распределения первичной продуктивности в Северном Ледовитом океане и факторов, влияющих на нее	
Число проектов	2	3	2	0	1	0
Всего: 8						
2015–2017	Программа действий по борьбе с загрязнением Арктики. Программа действий по борьбе с арктическими загрязнителями	Действия по адаптации к меняющейся Арктике	Инициатива по перелетным птицам Арктики. Действия по сохранению арктического биоразнообразия		Глобальная сеть наблюдений за закислением океана	
Число проектов	2	1	2	0	1	0
Всего: 6						
2013–2015			Инициатива по перелетным птицам Арктики. Действия по сохранению арктического биоразнообразия			
Число проектов	0	0	2	0	0	0
Всего: 2						

Таблица 3

Количество и наименование проектов, реализуемых в рамках деятельности рабочих групп АС, в которых Индия принимает участие¹

Table 3. The number and name of projects of Working Groups of AC in which India participates

Год	АКАП	АМАП	КАФФ	ЕППР	ПАМЕ	СДВГ
2023–2025	Исследования атмосферных аэрозолей и их характеристика над Арктикой. Платформа для тематических исследований черного углерода. Исследование микропластика, токсичных веществ в арктической среде	Мониторинг арктического морского льда. Мониторинг арктических осадков. Развитие телесвязи для изучения климатических изменений. Изменение климата и тенденции. Загрязняющие вещества	Действия по сохранению арктического биоразнообразия. Инициатива по перелетным птицам Арктики. Стратегия и план действий по арктическим инвазивным видам	–	Экспертная группа в поддержку реализации рамочной программы действия по выбросам черного углерода и метана. Подводный шум. Морской мусор. Взаимодействие с наблюдателями по вопросам, связанным с судоходством	Синяя экономика в Арктике
Число проектов	3	5	3	0	4	1
Всего: 16						
2021–2023	Отдельные новые загрязняющие вещества и токсичные металлы в экологических матрицах, Нью-Олесунн, Арктика	Оценка воздействия увеличения биомассы макроводорослей на микробы и микробные процессы. Влияние изменчивости морского льда на микробные сообщества и их процессы. Мониторинг арктических осадков. Мониторинг арктических фьордов для изучения изменения климата	Действия по сохранению арктического биоразнообразия. Инициатива по перелетным птицам Арктики. Динамика бактериального сообщества и реакция на натурогенные и антропогенные возмущения в арктических экосистемах	–	Экспертная группа в поддержку реализации рамочной программы действия по выбросам черного углерода и метана	Синяя экономика в Арктике
Число проектов	1	4	3	0	1	1
Всего: 10						
2019–2021	Геохимия ртути и возникающих загрязнителей в бентической зоне арктических фьордов и прибрежных водах Шпицбергена. Исследования атмосферных аэрозолей и их характеристика над Арктикой. Платформа для тематических исследований черного углерода	Долгосрочный мониторинг арктических фьордов для изучения изменения климата. Мониторинг арктических осадков. Комплексный мониторинг ледников на Шпицбергене. Изменение климата и тенденции. Загрязняющие вещества	Микробное разнообразие в различных нишах Шпицбергена с особым акцентом на фьорды и прибрежные воды. Инициатива по арктическим перелетным птицам. План мониторинга арктического прибрежного биоразнообразия. Стратегия и план действий по арктическим инвазивным видам. Действия по сохранению арктического биоразнообразия	–	Данные о движении судов в Арктике. Инвазивные виды. Подводный шум. Выбросы черного углерода. Морской мусор. Взаимодействие с наблюдателями по вопросам, связанным с судоходством	Набор инструментов для устойчивой энергетики в Арктике. Голубая биоэкономика в Арктике
Число проектов	3	5	5	0	6	2
Всего: 21						

¹ Составлено автором на основе сведений, опубликованных в: Observer Activities report of India, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://oarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/f61dbf95-11fa-422e-b5a6-d42a1106001d/content>; Observer Review report of India, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://oarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/dc6b5a0f-b571-4703-b603-f55dbb984643/content>; Observer report of India, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://oarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/3b685e92-8caa-4e8a-b275-23491a9a4d1d/content>; Observer report of India, 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://oarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/a7af975e-d575-47cb-9fbc-ae3d992b2e2e/content> (дата обращения: 01.10.2024).

Год	АКАП	АМАП	КАФФ	ЕППР	ПАМЕ	СДВГ
2017–2019	Геохимия ртути в отложениях Конгсфьорда, Нью-Олесунн. Исследования атмосферных азрозолей и их характеристика над Арктикой в летний сезон	Долгосрочный мониторинг системы Конгс-фьордов Арктического региона для изучения изменения климата. Мониторинг арктических осадков. Комплексный мониторинг ледников в Нью-Олесунне, Шпицберген	Бактериальное разнообразие в различных нишах вокруг Нью-Олесунна, Шпицберген. Действия по сохранению арктического биоразнообразия. Инициатива по перелетным птицам Арктики	–	Экспертная группа в поддержку реализации рамочной программы действия по выбросам черного углерода и метана	
Число проектов	2	3	3	0	1	0
Всего: 9						
2015–2017	Характеристика полярных аэрозолей: исходные процессы и климатические воздействия. Биохимическая оценка и характеристика биомаркеров из отложений арктических фьордов. Бенгтосные исследования Конгсфьорда, западное побережье Шпицбергена	Мониторинг осадков в арктических облаках. Палеоэкологические реконструкции позднелесточеновых отложений Конгсфьорда в регионе Шпицбергена на основе мультипрокси-подхода. Мультипрокси-исследование позднечетвертичного палеоклимата с акцентом на морских и наземных палиноморфах. Седиментологические и геохимические исследования поверхностных и подземных отложений озер системы Кроссфьорд и Конгсфьорд, Шпицберген — палеоклиматические последствия. Изменение климата в четвертичный период и характер седиментации в районе Нью-Олесунна, Шпицберген. Баланс массы и динамика отдельных ледников Шпицбергена. Долгосрочный мониторинг системы Конгсфьордов Арктического региона для изучения изменения климата	Функциональное разнообразие гетеротрофных бактерий в толще воды и поверхностных отложениях Конгсфьорда с особым упором на те, которые участвуют в углеродном цикле. Долгосрочный экологический мониторинг экосистем фьордов, Нью-Олесунн. Влияние ледникового стока и связанного с ним опреснения Арктики на структуру микробного сообщества: тематическое исследование в Конгсфьорде. Мейобентосная фауна мягкого дна как показатель функционального характера избранных арктических фьордов. Исследование экологии зоопланктона и динамики планктонной пищевой сети в Конгсфьорде. Первичная продуктивность и биооптические исследования для понимания динамики Конгс-фьорда и Кросс-фьорда летом. Действия по сохранению арктического биоразнообразия. Инициатива по перелетным птицам Арктики	–	Понимание динамики льда в Арктике с использованием данных индийских спутников дистанционного зондирования. Экспертная группа в поддержку реализации рамочной программы действия по выбросам черного углерода и метана	–
Число проектов	3	7	8	0	2	0
Всего: 20						
2013–2015	–	–	Действия по сохранению арктического биоразнообразия. Инициатива по перелетным птицам Арктики	–	–	–
Число проектов	0	0	2	0	0	0
Всего: 2						

4. Экологические проекты РФ АС, в которых Китай и Индия принимают участие

Выводы по данному критерию для КНР основаны на результатах анализа данных табл. 2. Китай принимает наибольшее участие в проектах ПАМЕ, работа которой направлена на сохранение арктической морской среды. Так, Белая книга закрепляет, что КНР поддерживает арктические государства

в их усилиях по сокращению выбросов в арктические воды из наземных источников и ужесточению контроля за сбросом отходов с судов¹.

На втором месте — проекты КАФФ. Деятельность КАФФ сосредоточена на сохранении арктического биоразнообразия. В Белой книге отмечается, что Китай придает большое значение защите биоразнообразия Арктики².

По числу проектов на третьем месте находится АМАП. Участие КНР связано с проектами по изменению климата в Арктике. Проекты АКАП и СДВГ также связаны с климатической повесткой и развитием возобновляемой энергетики, что коррелирует с политикой государства, направленной на сокращение эмиссии парниковых газов, и с достижением цели полной нейтральности к 2060 г.

Для Индии выводы сделаны на основании данных табл. 3. Индия считает приоритетным участие в проектах АМАП и КАФФ. Проекты АМАП связаны с изменением климата, КАФФ — с биоразнообразием. В 2013 г. МИД Индии опубликовал документ «Индия и Арктика», в котором основным фокусом внимания были вопросы изменения климата в полярном регионе и биоразнообразия Арктики³. Индийские ученые не раз подчеркивали связь между изменением климата в Арктике и индийскими муссонами, изменением климата в Гималаях.

На третьем месте — ПАМЕ. Участие в проектах данной РГ обусловлено лидирующей позицией Индии в выбросах парниковых газов, обязательствами Парижского соглашения и целью достижения нулевого уровня по выбросам парниковых газов к 2070 г. Реализацию проектов АКАП и СДВГ можно связать с климатической и энергетической политикой государства.

Заключение

1. Китайская делегация на Заседаниях СДЛ АС представлена двумя представителями, что характерно и для других стран, ставших наблюдателями в АС в 2013 г. Индия направляет одного-двух делегатов на заседания, что говорит о несформировавшейся в полной мере экологической политике Дели в Арктике.

2. С каждым периодом наблюдается рост числа проектов, в которых КНР принимает участие. Количество проектов, в которых участвует Индия, скачет от периода к периоду. Наибольшее число проектов Китай реализовал в 2021–2023 гг. (28), а Индия в 2019–2021 гг. (21). В 2021–2023 гг. у Дели происходит спад до десяти проектов. Однако в 2023–2025 гг. Индия запланировала принять участие в шестнадцати проектах, КНР — в пятнадцати. Китай принял участие за период 2013–2023 гг. в 63 проектах, а Индия — в 62. Данным, фигурирующим в Отчете Индии за 2017 г., сложно доверять, т. к. проекты не распределены по РГ АС, а представленная в отчете таблица носит название «Текущие проекты индийских университетов в Арктическом регионе» [7]. Вероятно, Индия приняла участие в меньшем количестве проектов, чем 62.

3. Китай большее число проектов осуществляет в рамках работы в ПАМЕ, КАФФ и АМАП. Индия уделяет внимание проектам групп КАФФ и АМАП и лишь затем ПАМЕ. Участие в проектах обе страны связывают с исследованиями в области изменений климата и по вопросу сохранения биоразнообразия в регионе, что коррелирует с проводимой экологической, климатической и энергетической политикой государств.

Таким образом, Индия отстает от Китая по всем из рассмотренных критериев, что означает меньшую степень участия, чем КНР, в деятельности РГ АС, что говорит о несформированности в полной мере экологической политики Индии в Арктике. Степень участия Китая в работе АС выделить сложно, т. к. для этого следует изучить деятельность в работе АС арктических игроков и иных стран — наблюдателей АС, что является предметом будущих исследований.

¹ China's Arctic Policy [Электронный ресурс]: The State Council the People's Republic of China: English.Gov.CN. 2018. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (дата обращения: 01.10.2024).

² Там же.

³ India and the Arctic [Электронный ресурс]: 2013. URL: <https://www.uaf.edu/caps/resources/policy-documents/india-and-the-arctic-2013.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).

Литература

1. *Веселова Д.Н.* Современная арктическая политика Индии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 137–147. EDN: LHLSJQ. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-137-147
2. *Ворончихина Д.Н.* Арктический совет как международный форум сотрудничества государств: участие России // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2019. Т. 11. № 2. С. 306–329. EDN: XPJOAV. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-306-329
3. *Ворончихина Д.Н.* Деятельность России в Арктическом совете по обеспечению экологической безопасности // *Культура. Наука. Производство*. 2020. № 5. С. 47–55. EDN: ZFEESP
4. *Григорьев Н.А.* Роль неарктических держав в арктическом геополитическом пространстве // *Арктика XXI век. Гуманитарные науки*. 2023. № 3 (33). С. 121–133. EDN: LIKWCU. DOI: 10.25587/SVFU.2023.64.90.008
5. *Гулиев И.А., Мехдиев Э.Т.* Региональные проекты стран Северо-Восточной Азии в Арктике // *Теории и проблемы политических исследований*. 2017. Т. 6. № 3А. С. 287–296. EDN: ZRPIPJ
6. *Дикарев А.И., Шостак Л.Б.* China's Arctic Geostrategies in Political and Economic Processes // *Формирование рыночных отношений в Украине*. 2019. № 3 (214). С. 7–18. EDN: SHHZBL. DOI: 10.5281/zenodo.2677988
7. *Зайков К.С., Бхагват Д.В.* Арктическая политика Индии: исторический контекст // *Арктика и Север*. 2022. № 48. С. 261–274. EDN: FRMKWE. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.48.261
8. *Салыгин В.И., Хубаева А.О.* Анализ международных интересов в Арктике на примере Китая и Индии // *Научное обозрение: теория и практика*. 2021. Т. 11. № 4. С. 1216–1226. EDN: ZDSYPN. DOI: 10.35679/2226-0226-2021-11-4-1216-1226
9. *Хуа Ц.* Влияние международного дискурса Индии на арктическую политику страны // *Арктика и Север*. 2023. № 51. С. 156–171. EDN: NNNXCO. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.156
10. *Long Zh.* Arctic Governance Paradigm and the Role of China // *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2016. No. 2. P. 127–138. EDN: WHYICB. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.212127
11. *Puranen M., Kopra S.* China's Arctic Strategy — a Comprehensive Approach in Times of Great Power Rivalry // *Scandinavian Journal of Military Studies*. 2023. No. 6 (1). P. 239–253. DOI: 10.31374/sjms.196
12. *Sinha U.* India in the Arctic: A Multidimensional Approach // *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2019. Vol. 12. No. 1. P. 113–126. EDN: ZIQKEX. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2019.107
13. *Tuinova S., Baxter C.* Growing Interest in Arctic Affairs on the Part of non-Arctic State India // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2023. № 2. С. 189–200. EDN: RCSINU. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2023.80.013

Об авторе:

Веселова Дарья Николаевна, доцент кафедры российской политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); преподаватель ФСПО Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС» (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук;
e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6674-0357

References

1. Veselova D.N. The Modern Arctic Policy of India // *Eurasian Integration: Economic, Law, Politics*. 2024. Vol. 18. No. 2. P. 137–147. (In Russ.) EDN: LHLSJQ. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-137-147

2. Voronchikhina D.N. The Arctic Council as an International Forum of the State Cooperation: The Participation of Russia // *Ars Administrandi*. 2019. Vol. 11. No. 2. P. 306–329. (In Russ.) EDN: XPJOAV. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-306-329
3. Voronchikhina D.N. Russian Activities in the Arctic Council to Ensure Environmental Safety // *Culture. The science. Production*. 2020. No. 5. P. 47–55. (In Russ.) EDN: ZFEPCP
4. Grigoriev N.A. The Role of Non-Arctic Powers in the Arctic Geopolitical Space // *Arctic XXI Century. Humanitarian sciences*. 2023. Vol. 3. No. 33. P. 121–133. (In Russ.) EDN: LIKWCU. DOI: 10.25587/SVFU.2023.64.90.008
5. Guliev I.A., Mekhdiyev E.T. North-East Asian Regional Projects in the Arctic // *Theories and Problems of Political Studies*. 2017. Vol. 6. No. 3A. P. 287–296. (In Russ.) EDN: ZRPIPJ
6. Dikariev O.I., Shostak L.B. China's Arctic Geostrategies in Political and Economic Processes // *Formation of market relations in Ukraine*. 2019. Vol. 3. No. 214. P. 7-18. (In Russ.) EDN: SHHZBL. DOI: 10.5281/zenodo.2677988
7. Zaikov K.S., Bhagwat J.V. India's Arctic Policy: The Historical Context // *Arctic and North*. 2022. No. 48. P. 261–274. (In Russ.) EDN: FRMKWE. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.48.261
8. Salygin V.I., Hubaeva A.O. Analysis of International Interests in the Arctic on the Example of China and India // *Scientific review: theory and practice*. 2021. Vol. 11. No. 4. P. 1216–1226. (In Russ.) EDN: ZDSYPN. DOI: 10.35679/2226-0226-2021-11-4-1216-1226
9. Hua J. The Impact of India's International Discourse on Its Arctic Policy // *Arctic and North*. 2023. No. 51. P. 156–171. (In Russ.) EDN: NNNXCO. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.156
10. Long Zh. Arctic Governance Paradigm and the Role of China // *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2016. No. 2. P. 127–138. EDN: WHYICB. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.212127
11. Puranen M., Kopra S. China's Arctic Strategy — a Comprehensive Approach in Times of Great Power Rivalry // *Scandinavian Journal of Military Studies*. 2023. Vol. 6. No. 1. P. 239–253. DOI: 10.31374/sjms.196
12. Sinha U. India in the Arctic: A Multidimensional Approach // *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2019. Vol. 12. No. 1. P. 113–126. EDN: ZIQKEX. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2019.107
13. Tuinova S., Baxter C. Growing Interest in Arctic Affairs on the Part of the non-Arctic State // *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2023. No. 2. P. 189–200. EDN: RCSINU. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2023.80.013

About the author:

Darya N. Veselova, Associate Professor of Department of Russian Politics of Faculty of Political Science of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); Lecturer at the Faculty of Secondary Professional Education of the North-West Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation); Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Law of AN HEO "University associated with IA EAEC" (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political sciences;
e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6674-0357; ORCID: 0000-0002-6674-0357

Публикации в журнале «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» в 2024 г.			
ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	№ 1	Глазьев С. Ю. На пути становления нового мирохозяйственного уклада	с. 9
	№ 2	Глазьев С. Ю. Резервы роста ЕАЭС	с. 9
	№ 3	Глазьев С. Ю. О повестке опережающего развития в новом мирохозяйственном укладе	с. 9
	№ 4	Глазьев С. Ю. ?????????????????????????????	с. 9
ГЛАВНОЕ	№ 1	Лебедев С. Н. Доклад Генерального секретаря Содружества Независимых Государств С. Н. Лебедева на тему: «О председательстве Российской Федерации в Содружестве Независимых Государств в 2024 году»	с. 11
	№ 1	Кротов М. И. Евразийский экономический союз и многополярная глобализация	с. 15
	№ 2	Акаев А. А., Кефели И. Ф. Проекты и реалии формирования Большого евразийского пространства	с. 10
	№ 3	Бордюжа Н. Н. Большая Евразия в будущем мироустройстве: перспективы исследований Евразийского информационно-аналитического консорциума	с. 11
	№ 3	Кузнецов А. В. Место исследований мировой экономики в гетеродоксальной аналитике евразийской интеграции	с. 15
ЭКОНОМИКА	№ 1	Погребцова Е. А. Стратегия социально-экономического приграничного сотрудничества в региональном разрезе (на примере Омской области и Республики Казахстан)	с. 25
	№ 1	Русинов И. А., Щербинин Н. В. Международный опыт регулирования линейного контейнерного судоходства в транспортной системе	с. 38
	№ 1	Федченко А. А., Борисова Л. И. Опыт и перспективы развития российско-таджикского сотрудничества в сфере образования	с. 48
	№ 2	Агаева А. Ш., Идрисов Ш. А. Участие России в развитии транспортно-логистических магистралей стран — членов ЕАЭС	с. 26
	№ 2	Гамбарян Р. Г. Состояние экспорта высокотехнологичной продукции в России	с. 37
	№ 2	Додонов В. Ю. Факторы динамики экспорта ИКТ-услуг: пример Казахстана	с. 47
	№ 2	Мосейко В. В. Международное регулирование пенсий в ЕАЭС: проблемы и перспективы развития	с. 63
	№ 3	Агеев А. И., Золотарева О. А. Эффективность единой агропромышленной политики ЕАЭС — залог успеха	с. 26
	№ 3	Иванус А. И. Квалификационные активы как стратегический интеллектуальный потенциал инновационного развития ЕАЭС	с. 40
	№ 3	Куклина Е. А., Ван Хэфэй Анализ современного состояния и перспективы развития рынка туристических услуг КНР	с. 47
	№ 3	Синьтао В., Жиряева Е. В., Лэтин Ч. Выгоды и уязвимости потенциального соглашения о свободной торговле для отдельных стран ЕАЭС и Китая	с. 62
	№ 4	Яновская А. А., Симченко Н. А., Кочербаева А. А. Развитие рынка труда молодежи в Союзном государстве России и Белоруссии в условиях геополитических вызовов	с. 22
	№ 4	Федченко А. А., Борисова Л. И. Миграционная составляющая взаимодействия России и Таджикистана	с. 22
	№ 4	Козырев А. С. Особенности интеграционных усилий Ирана в торговых связях с Россией	с. 22
№ 4	Головин В. Г., Головина Е. Е. Каспийский разлом как индикатор глобальных геополитических процессов	с. 22	
ПРАВО	№ 1	Кириленко В. П., Гусейнова Д. М. Правовое регулирование параллельного импорта в государствах Евразийского региона	с. 60
	№ 1	Дроздова М. А., Покровская О. Д. Актуальные вопросы международно-правового регулирования сотрудничества ЕАЭС — Китай в транспортно-логистической сфере	с. 71
	№ 1	Шеповалова О. А. Совершенствование правового регулирования косвенной судебной юрисдикции в Евразийском экономическом союзе	с. 81
	№ 2	Алексеев Г. В., Сергеев С. Л. В. П. Кириленко — подвижник отечественной юридической науки	с. 75
	№ 2	Семянникова Д. А. Некоторые особенности установления правового статуса военных добровольцев в странах — членах ЕАЭС и БРИКС	с. 81
	№ 2	Агагомедова С. А. Общий финансовый рынок ЕАЭС: понятие, структура и проблемы формирования	с. 90
	№ 2	Мельникова Е. Н. Перспективы сближения законодательства стран ЕАЭС в части правового регулирования искусственного интеллекта	с. 98
	№ 3	Дроздова М. А. Современные тренды международно-правового регулирования железнодорожного транспорта в рамках ЕАЭС	с. 75
	№ 3	Клюканова Т. М., Виниченко А. Т., Христинченко К. Ю. Анализ законодательства стран ЕАЭС в области борьбы с киберпреступностью	с. 83
	№ 3	Подкорытова О. В. Феномен модельных законодательных актов Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств в постановлениях судов Российской Федерации	с. 91
	№ 3	Лаптева А. М. Российский опыт правового регулирования инвестиционных платформ БРИКС	с. 103

Н 11

23

32

42

55

	№ 4	<i>Сергеевич С. Л., Алёхина И. С., Соловьева А. К.</i> Формирование правовых основ государственных и муниципальных услуг в государствах — участниках СНГ	с. 77	66
	№ 4	<i>Болгов Р. В.</i> Инициативное бюджетирование в странах ЕАЭС: правовые основы и практический опыт	с. 77	76
ПОЛИТИКА	№ 1	<i>Кочарян В. К., Старогин М. С.</i> Транспарентность сведений о регионах ОДКБ в контексте информационного противоборства и когнитивной безопасности	с. 90	
	№ 1	<i>Иванцов А. В.</i> Информационный суверенитет Республики Беларусь и Российской Федерации: направления обеспечения и пути их совершенствования	с. 100	
	№ 1	<i>Голуб К. Ю.</i> Актуальные подходы к совершенствованию консенсусных механизмов принятия решений в международных региональных организациях	с. 109	
	№ 1	<i>Мартынова Е. С.</i> К вопросу о методологии оценивания эффективности интеграционных объединений на примере АСЕАН и ЕАЭС	с. 118	
	№ 1	<i>Ирошкина Т. В.</i> Особенности внедрения целей устойчивого развития в региональные интеграционные системы стран ЕАЭС	с. 130	
	№ 1	<i>Михневич С. В., Аксенов М. А.</i> Место евразийского бизнеса в процессах развития евразийской экономической интеграции	с. 140	
	№ 1	<i>Малинина С. А.</i> Институциональная регламентация Миссии наблюдателей от СНГ в избирательных кампаниях и освещение ее деятельности в средствах массовой информации	с. 153	
	№ 2	<i>Обура Жан-Клод Одохамбо</i> Роль БРИКС в Африке: результаты и ожидания	с. 107	
	№ 2	<i>Пахомова М. А.</i> Специфика взаимоотношений государства и бизнеса в современной Индии	с. 117	
	№ 2	<i>Зиннатуллин Д. А.</i> Арктическое сотрудничество России и Индии в фарватере изменения климата	с. 127	
	№ 2	<i>Веселова Д. Н.</i> Современная арктическая политика Индии	с. 137	
	№ 2	<i>Семенов Б. Р.</i> Международный аспект политики информационной безопасности КНР	с. 148	
	№ 2	<i>Иванников Н. С., Правдина Е. Е.</i> Особенности оценки имиджа КНР за рубежом на примере новостного освещения COVID-19	с. 159	
	№ 2	<i>Торопыгин А. В., Николаенко А. В.</i> Некоторые тренды сотрудничества ЕАЭС с Латино-Карибской Америкой	с. 167	
	№ 2	<i>Шумилов М. М., Малова А. Э.</i> Торговое значение Суэцкого канала в контексте кризиса экономической глобализации и современных геополитических рисков	с. 178	
	№ 2	<i>Кирилина Е. Ю.</i> Внешнеполитический курс ФРГ в отношении Казахстана	с. 189	
	№ 3	<i>Савельчев Л. А.</i> Концептуализация парламентской дипломатии	с. 112	
	№ 3	<i>Колобова Е. Ю.</i> Политический PR в международных цифровых коммуникациях: опыт евразийского меди-апространства	с. 122	
	№ 3	<i>Самаркина И. В., Башмаков И. С., Кузьменко Н. П.</i> Формирование гражданской идентичности в системе образовательной политики в условиях трансформации политического пространства	с. 133	
	№ 3	<i>Кугай А. И., Пахомова М. А.</i> Взаимоотношения государства и бизнеса в условиях «государства развития»	с. 144	
	№ 3	<i>Торопыгин А. В., Ирошкина Т. В.</i> Роль ЕАЭС в становлении многополярного устройства в мировой политике	с. 154	
	№ 3	<i>Чмырева В. А.</i> Внешняя политика Союзного государства: латино-карибский вектор российско-белорусской интеграции	с. 165	
	№ 3	<i>Ван Лулу, Калашникова Н. П.</i> Этнополитические тренды партийного строительства Казахстана и Китая	с. 175	
№ 3	<i>Серегина А. А.</i> Совершенствование механизмов справедливого перехода к низкоуглеродному развитию в рамках БРИКС	с. 183		
№ 4	<i>Гайдаев О. С., Коваленко В. Д., Лисенкова А. Д.</i> Концепция равной и неделимой безопасности в Евразии: теоретический анализ	с. 72	86	
№ 4	<i>Торопыгин А. В., Ирошкина Т. В.</i> Деятельность ЕАЭС по достижению целей устойчивого развития	с. 72	98	
№ 4	<i>Кефели И. Ф., Цуй Лун</i> Китайско-российское сотрудничество в Арктике на современном этапе	с. 72	109	
№ 4	<i>Люй Пэйин</i> Создание и сотрудничество китайско-российских арктических мозговых центров вузов: предпосылки, позиционирование и пути развития	с. 72	119	
№ 4	<i>Серегина А. А., Галицкая Е. А.</i> Перспективные направления энергетического сотрудничества России и Саудовской Аравии	с. 72	130	
№ 4	<i>Веселова Д. Н.</i> Деятельность Китая и Индии в работе Арктического Совета: сравнительный анализ	с. 72	142	
ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА	№ 3	<i>Волчков В. Ю., Трегубова Д. Д.</i> Основные этапы деятельности Ассоциации «Аналитика» и Евразийского информационно-аналитического консорциума (2014–2024)	с. 193	
	№ 3	<i>Грузина Ю. М.</i> Конкурс «Молодой аналитик Евразии» объединяет новое поколение исследователей	с. 197	
	№ 4		с. 72	154

2024. Том 18, № 4

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ
lysunets-ea@ranepa.ru

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Сдано в набор 00.00.2024.

Подписано к печати 00.00.2024.

Формат 84×108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 9,75. Тираж 100 экз.

Заказ № 4/2024.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72